

~~32~~ W 198
612

СБОРНИКЪ
МАТЕРІАЛОВЪ
по
МУСУЛЬМАНСТВУ.

Т. 1
Составленъ

по распоряженію и указаніямъ Туркестанскаго Генераль-Губернатора,
Генерала-отъ-Инфантеріи С. М. ДУХОВСКАГО,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Поручика В. И. Ярового-Равскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Типо Литографіи М. Розеноеръ, Литейный пр., д. № 43.
1899.

~~32~~
~~522~~

W $\frac{198}{612}$

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ПО

МУСУЛЬМАНСТВУ.

Л. 1

Составленъ по распоряженію Туркестанскаго Генераль-Губернатора,
Генерала-отъ-Инфантеріи Духовскаго.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Поручика В. И. Ярового - Равскаго.

47583-58

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая Типо-Литографія М. Розенсоль, Литейный пр. д. № 43.

1899.

КРАТКИЙ ОБЗОРЪ

современнаго состоянія и дѣятельности мусульманскаго духовенства, разнаго рода духовныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній туземнаго населенія Самаркандской области, съ нѣкоторыми указаніями на ихъ историческое прошлое¹⁾.

Основы ислама.

Въ основѣ мусульманскаго вѣро- и законоученія лежитъ *коранъ*, считающійся мусульманами божественнымъ откровеніемъ, и являющій собою посмертный сборникъ главнѣйшихъ изреченій и поученій Мухаммада (Магомета), который, въ свою очередь, признается боговдохновеннымъ пророкомъ и посланникомъ Божиимъ, а потому называется мусульманами „расуль“, что по арабски значитъ „посоль“, „посланникъ“.

Мухаммадъ, заимствовавъ наибольшую часть провозглашенныхъ имъ доктринъ изъ закона, проповѣданнаго Моисеемъ, основалъ подобно послѣднему, теократическое государство, религіозные и государственные законы котораго, зиждущееся на тезисахъ божественнаго откровенія, заключающихся въ коранѣ, столь тѣсно связаны между собою основной ихъ идеей, что во многихъ случаяхъ трудно рѣшить, гдѣ кончается религія и начинается государственное право.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, коранъ отличается еще совершенной безсистемностью и крайнею неясностью многихъ мѣстъ, вслѣдствіе чего непосредственное руководство однимъ этимъ кодексомъ во многихъ случаяхъ представлялось и представляется совершенно невозможнымъ.

¹⁾ По ближайшему распоряженію Самаркандскаго Военнаго Губернатора составленъ комиссіею изъ слѣдующихъ лицъ: Ст. Сов. *Намикина*, Надворныхъ Совѣтниковъ: *Усова* и *Иурскаго* и переводчиковъ: *С. Лепина* и *В. Вяткина*.

Печатано съ разрѣшенія Туркестанскаго Генерала-Губернатора
Генерала-отъ-Инфантеріи *Духовскаго*.

Поэтому, вслѣдъ за смертью Мухаммада, вошло въ обычай въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ не находилось вполне опредѣленнаго рѣшенія въ коранѣ, обращаться за совѣтомъ къ ученикамъ и сподвижникамъ мусульманскаго пророка, прося ихъ припомнить какое-либо такое изрѣченіе или дѣйствіе послѣдняго, изъ котораго было бы видно, какъ рѣшилъ бы въ данномъ случаѣ самъ Мухаммадъ. Впослѣдствіи всѣ эти преданія записывались и получили общее названіе *хадисовъ*.

Кромѣ того записывались также и юридическія рѣшенія (фатва) первыхъ мусульманскихъ законовѣдовъ, къ числу которыхъ прежде всего относятся первые четыре халифа.

Шаріатъ.

На долю позднѣйшихъ мусульманскихъ законовѣдовъ выпало систематизированіе доктринъ и комментаріевъ, заключающихся въ коранѣ, хадисахъ и фатва. Вышедшія изъ подъ ихъ пера сочиненія, такъ называемыя *книги шаріата*, нынѣ въ мусульманскомъ обиходѣ вполне соотвѣтствуютъ нашимъ законамъ, разнаго рода уставамъ, уложеніямъ и проч.

Если мусульманинъ въ настоящее время желаетъ получить основанное на законѣ разрѣшеніе того или другаго вопроса, онъ, обыкновенно, обращается уже не къ корану и его дополненіямъ, какъ это дѣлалось въ первые вѣка ислама, а къ одной изъ тѣхъ книгъ шаріата, которыя въ его странѣ считаются наиболѣе авторитетными и популярными.

Книги шаріата, разновременно вышедшія изъ подъ пера разныхъ авторовъ, написаны почти по одной и той же программѣ.

Въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ книгъ сводится къ слѣдующему:

I. Религіозное (каноническое право).

- 1) Очищеніе (омовеніе).
- 2) Молитва.
- 3) Зякатъ (принудительная милостыня, собираемая правительственными чиновниками въ пользу бѣдныхъ и на веденіе священной войны).

- 4) Постъ.
- 5) Паломничество въ Мекку.

II. Юридическія дѣйствія.

- 1) Общія положенія.
- 2) Обязательство.
- 3) Договоръ съ цѣлью полученія эквивалента (торговля, наймъ, заемъ).
- 4) Залогъ.
- 5) Довѣренность и поручительство. Товарищество.
- 6) Право на вещь (общія положенія).
- 7) Владѣніе и собственность.
- 8) Поземельное владѣніе и право орошенія земли.
- 9) Права и обязанности собственниковъ сосѣднихъ земель.
- 10) Вакуфъ.
- 11) Наслѣдственное право.

III. Личное и семейное право.

- 1) Бракъ.
- 2) Разводъ.
- 3) Молочное родство.
- 4) Послѣдствія брака относительно дѣтей.
- 5) Опекѣ.
- 6) Рабство.
- 7) Лица, находящіяся на особомъ положеніи (найденныи, гермафродиты, безвѣстно отсутствующіе и др.)

IV. Уголовное право.

- 1) Общія положенія.
- 2) Кровавая месть.
- 3) Прелюбодѣяніе.
- 4) Употребленіе вина.
- 5) Кража.
- 6) Разбой.
- 7) Вѣроисповѣданія.
- 8) Мятѣжъ.

V. Государственное право.

- 1) Верховная власть.
- 2) Отправленіе правосудія.

- 3) Священная война.
- 4) Война для сохранения внутреннего порядка.
- 5) Чиновники и управление государством.

Обращаясь къ содержанию мусульманскаго кодекса (въ широкомъ пониманіи этого слова), видимъ, что, какъ коранъ съ его дополненіями (хадисы и фатва), такъ равно и книги шаріата, составленныя на основаніи этихъ первоисточниковъ, стараются подобно еврейскому талмуду регламентировать по возможности всѣ вообще явленія не только религіозной и государственной, но даже и частной жизни мусульманина.

Наравнѣ съ постановленіями, касающимися поста и молитвъ, уплаты податей, судопроизводства, торговли, брачнаго и наследственнаго права, мы встрѣчаемъ здѣсь правила, регламентирующія даже и такія вещи, какъ общественныя приличія и мельчайшія подробности разнаго рода явленій частной жизни, не исключая интимнѣйшихъ случаевъ супружеской жизни мусульманина. Вмѣстѣ съ тѣмъ шаріатъ не дѣлаетъ различія между грѣхомъ и преступленіемъ, ибо нарушеніе любого изъ правилъ, установленныхъ исламомъ, есть нарушеніе божественнаго закона, какимъ признается коранъ. Нарушеніе поста, воровство, прелюбодѣяніе, вѣроотступничество и убійство съ мусульманской точки зрѣнія настолько же грѣхи, насколько и преступления, и караются, хотя и разными степенями наказанія, но, въ сущности говоря, въ одномъ и томъ же порядкѣ.

Такимъ образомъ шаріатъ устанавливаетъ взглядъ, что имъ все предусмотрено и регламентировано, что онъ вполне законченный кодексъ, неподлежащій какимъ либо измѣненіямъ и усовершенствованіямъ. Регламентируя, по возможности, всѣ явленія человѣческой жизни, онъ подчиняетъ себѣ эту жизнь, проникаетъ въ ея интимнѣйшія уголки и тѣмъ самымъ закабаляетъ не только дѣянія, но даже мысль и воображеніе вѣрующаго мусульманина.

Выясняя сущность ислама, необходимо замѣтить, что онъ, охвативъ въ настоящее время значительную часть Африки, половину Азіи и даже часть Европы, представляетъ собою крайне инертный тормазъ, мѣшающій мусульманскимъ народамъ идти путемъ общечеловѣческаго прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ культъ достаточно еще жизненный и сильный для того, чтобы бороться съ христіанствомъ.

Признавая Евангеліе божественнымъ откровеніемъ ¹⁾, говоря о томъ, что въ сердца послѣдователей Христа Богъ вложилъ состраданіе и добродушіе ²⁾, разрѣшивъ мусульманамъ жениться на дочеряхъ, имѣющихъ Писаніе, т. е. христіанъ и евреевъ, кои слѣдуютъ ученіямъ боговдохновенныхъ пророковъ-законодателей, какими Мухаммадъ считаетъ Моисея и Христа, онъ причислилъ тѣмъ не менѣе и христіанъ, и евреевъ къ невѣрнымъ ³⁾, которые не должны быть друзьями магометанъ, и которыхъ надо истреблять при первой возможности.

„Вѣрующіе не должны брать себѣ въ друзья невѣрныхъ....“ ⁴⁾.

„Пророкъ, ревностно воюй съ невѣрными и будь жестокъ съ ними. . . .“ ⁵⁾.

„Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣкайте съ нихъ головы до толъ, покуда не сдѣлаете совершеннаго имъ пораженія. . . .“ ⁶⁾.

Нужно-ли говорить послѣ этого о томъ, какимъ непримиримымъ врагомъ христіанства и всей христіанской культуры является исламъ, недопускающій въ томъ видѣ, въ которомъ онъ поддерживался ближайшими послѣдователями Мухаммада, ни прогресса, ни вѣротерпимости ⁷⁾?

Духовенство.

Исламъ, не признавшій или, по крайней мѣрѣ, не санкціонировавшій того, что мы разумѣемъ подъ именемъ таинства, не имѣетъ ни рукоположеннаго духовенства, ни строго установленной и вполне организованной духовной іерархіи.

Исключеніемъ можно признать лишь передачу духовной власти однимъ другому такъ называемыми *тирами* или *ишанами*, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

¹⁾ Коранъ, гл. 3 ст. 2 и гл. 5 ст. 50.

²⁾ Коранъ, гл. 57 ст. 27.

³⁾ Коранъ, гл. 2 ст. 99 и гл. 3 ст. 93.

⁴⁾ Коранъ, гл. 3 ст. 27.

⁵⁾ Коранъ, гл. 9 ст. 74.

⁶⁾ Коранъ, гл. 47 ст. 4.

⁷⁾ Коранъ и шаріатъ выработались подъ вліяніемъ извѣстныхъ мѣстныхъ и временныхъ историческихъ условій. Нынѣ, когда прошло много вѣковъ, и великія міровыя событія привели исламъ во многихъ странахъ къ совмѣстной жизни съ христіанствомъ и другими религіями, давно пора смягчить или совсѣмъ изгладить его непримиримость.

Каждый взрослый, свободный (не рабъ) и находящийся въ здоровомъ умѣ мусульманинъ, обладающій соответственнымъ данной должности цензомъ, можетъ быть *имамомъ*¹⁾, *казіемъ*²⁾ или *ишаномъ*³⁾, если онъ получилъ на это разрѣшеніе того имама, казія или ишана, у котораго находился въ обученіи и на послушаніи.

Поэтому, подъ именемъ мусульманскаго духовенства слѣдуетъ разумѣть всѣхъ тѣхъ лицъ, которые, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ мусульманскаго вѣро- и законоученія, какъ *казіи*, *мударрисы*⁴⁾, *дамуллы*⁵⁾, *имамы* и даже *муллы*⁶⁾, или находясь въ исключительной близости ко всему тому, что чтится мусульманами, каковы *хаджіи*⁷⁾, *маддахи*⁸⁾ и т. п., имѣютъ то или другое вліяніе на строй духовно нравственной жизни народа и могутъ, при благоприятныхъ для того условіяхъ, направлять его умы въ совершенно нежелательную сторону.

Мечети и имамы.

Закончивъ краткій очеркъ основъ мусульманской религіи, ближе всего перейти къ обзору современнаго состоянія *мечети и ея причта*.

Надо замѣтить, что согласно основнымъ положеніямъ мусульманскаго вѣроученія, а главнымъ образомъ въ силу освященныхъ временемъ преданій, каждая мечеть, будучи по своему назначенію молитвеннымъ домомъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и страннопріимный домъ. Такой характеръ, по мусульманскимъ преданіямъ, имѣла и первая мечеть, построенная Мухаммадомъ въ Мединѣ послѣ его бѣгства изъ Мекки. Она была любимѣйшимъ мѣстомъ отдохновенія мухамеданскаго пророка и его первыхъ халифовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и временнымъ пристанищемъ стесавшихся въ Медину неофитовъ ислама.

¹⁾ Священникомъ мечети.

²⁾ Судьей, разбирающимъ тяжбы согласно указаніямъ, заключающимся въ книгахъ шаріата.

³⁾ Духовникомъ, наставникомъ своихъ мюридовъ.

⁴⁾ Преподаватели въ мадрасахъ.

⁵⁾ Учители мактабовъ.

⁶⁾ Ученики мадраса.

⁷⁾ Совершившіе паломничество въ Мекку.

⁸⁾ Рассказчики на базарахъ и другихъ скопищахъ мусульманскаго люда біографій, случаевъ изъ жизни и поученій чтимыхъ народомъ святыхъ.

Мечети бываютъ нѣсколькихъ родовъ: *обыкновенныя*, *соборныя* и *айдъ-гохъ* или *намазъ-гохъ*. Въ первыхъ моленія совершаются ежедневно, во вторыхъ, кромѣ ежедневныхъ моленій, бываютъ многолюдныя по пятницамъ, и въ третьихъ—въ два годовыхъ мусульманскихъ праздника.

Всякая мечеть обыкновенно представляетъ собою четырехугольное зданіе, выдѣляющееся своими размѣрами изъ среды обывательскихъ домовъ, съ высокой башней, съ которой муеззинъ призываетъ на молитву. Она располагается преимущественно на западной сторонѣ широкаго двора съ хаузомъ и таарать-ханой¹⁾, необходимыми для очищенія предъ совершеніемъ намазовъ. Мечеть состоитъ изъ двухъ частей: закрытой, предназначенной для намазовъ въ зимнее холодное время, и открытой, имѣющей видъ обширной террасы, обращенной открытой частью къ западной сторонѣ, для совершенія намазовъ въ лѣтнее время. Потолокъ мечети часто расписывается красками, а стѣны надписями изъ корана. Никакой обстановки въ мечети не полагается. При мечети часто имѣется одна—двѣ худжры для жительства имама и почти всегда помѣщеніе для школы, въ которой обучаются дѣти прихожанъ данной мечети. Соборныя мечети находятся только въ болѣе или менѣе значительныхъ центрахъ, городахъ и большихъ селеніяхъ, гдѣ имѣется нѣсколько повседневныхъ мечетей. Иногда въ качествѣ соборной мечети служитъ мечеть при мѣстной мадрасѣ, располагающей обширнымъ дворомъ, представляющимъ удобное мѣсто для большого стеченія народа. По наружному виду соборная мечеть отличается отъ обыкновенной болѣе значительными размѣрами и болѣе богатыми украшениями потолка и стѣнъ. На пятничные намазы въ соборную мечеть стекается большая толпа народа со всего района, въ которомъ она расположена. Намазъ-гохъ находятся только въ самыхъ большихъ центрахъ. Они отличаются обширными дворами и въ обыкновенное время чаще всего пустуютъ, но въ два годовыхъ праздника стеченіе народа въ нихъ бываетъ громадное, потому что молящіеся собираются не только изъ пункта расположенія намазъ-гохъ и окрестностей, но и съ большихъ разстояній.

Мечети въ городахъ считаются десятками, въ кишлакахъ—отъ одной до нѣсколькихъ, въ зависимости отъ размѣровъ кишлаковъ.

¹⁾ Помѣщеніе для омовеній.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ самыхъ малолюдныхъ или очень бѣдныхъ кишлакахъ нѣтъ мечетей. Мечеть и другія при ней постройки содержатся на средства своихъ прихожанъ или на вакуфный доходъ, а чаще на то и другое вмѣстѣ. При каждой мечети имѣется одинъ *имамъ*, на обязанности котораго лежитъ руководить молящимися во время намаза и исправлять разнаго рода требы. При нѣкоторыхъ мечетяхъ имѣется еще *суфи* (муеззинъ), служба котораго заключается въ ежедневномъ пятикратномъ призывѣ на молитву и присмотрѣ за мечетью. Въ бѣдныхъ приходяхъ или селенійхъ обязанности муеззина исполняетъ самъ имамъ или кто-либо изъ прихожанъ по доброму желанію, усматривая въ этомъ савобъ¹⁾. Надъ таарать-ханой обыкновенно надзираетъ специальное лицо, на которое возлагается забота о томъ, чтобы своевременно была готова вода для омовеній и достаточное количество кувшиновъ, а также нагрѣваніе воды въ холодное время. Въ соборныхъ мечетяхъ, кромѣ поименованныхъ лицъ, бываетъ еще *хатибъ*, который возглашаетъ эктению или особую молитву за Государя. Этимъ ограничивается штатъ служащихъ при мечети, если не считать *фаррашей* — служителей.

Мечеть не есть единственное мѣсто для совершенія намаза, который можетъ быть совершаемъ единолично или цѣлымъ обществомъ въ частномъ домѣ, въ степи, на улицѣ и проч.

Нерѣдко русскіе приписываютъ имамамъ большую долю значенія въ народѣ и вліянія на массу. Это происходитъ отъ заблужденія, основаннаго на поверхностномъ знакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, и предположенія, что имамъ по своимъ правамъ и обязанностямъ есть то же самое, что православный священникъ. Между тѣмъ все сходство имама и священника ограничивается единственно внѣшнею связью ихъ съ мѣстами богослуженія. Вслѣдствіе отсутствія у мусульманъ рукоположеннаго духовенства, имамомъ можетъ быть безъ всякаго посвященія или другаго обряда каждый юридически правоспособный мусульманинъ, знакомый съ предстоящими ему крайне несложными обязанностями, заключающимися въ руководствѣ молящимися во время ежедневныхъ пятикратныхъ намазовъ, состоящихъ изъ ряда молитвъ и внѣшнихъ знаковъ, исполняемыхъ вслѣдъ за имамомъ всѣми остальными.

¹⁾ Савобъ—доброе дѣло.

Въ городахъ, гдѣ въ каждомъ приходѣ имѣется нѣсколько, иногда довольно много, людей, болѣе ученыхъ и книжныхъ, чѣмъ имамы, послѣдніе не могутъ имѣть замѣтнаго авторитета и вліянія на своихъ прихожанъ. Въ лучшемъ случаѣ они играютъ здѣсь довольно безцвѣтную роль. Крайне ограниченное содержаніе имамовъ, получаемое ими по раскладкѣ съ прихожанъ, а иногда изъ дохода съ вакуфа, чаще же изъ обоихъ источниковъ вмѣстѣ, и незначительность скудно оплачиваемыхъ требъ обыкновенно привлекаетъ на эти мѣста людей бѣдныхъ или старыхъ, для которыхъ трудъ имама посиленъ и легокъ. Впрочемъ, рѣдко имамъ ограничивается своей плохо оплачиваемой должностью. Часто онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и учителемъ дѣтей прихожанъ, отъ чего тоже имѣетъ нѣкоторый доходъ. Если же имамъ почему либо не учитель, то онъ всегда имѣетъ какое нибудь занятіе, торгуетъ мелочью и пр. Вообще довольно часто должность имама является приватной.

Кромѣ недостатка авторитетности, въ городахъ, гдѣ много лицъ, могущихъ занять мѣста имамовъ, послѣдніе находятся въ матеріальной зависимости отъ своихъ прихожанъ, чаще отъ двухъ—трехъ вліятельныхъ въ приходѣ лицъ и стараются по возможности ладить и угождать имъ.

Такимъ образомъ неважное общественное положеніе имамовъ въ городахъ, матеріальная зависимость ихъ отъ прихожанъ, присутствіе въ приходѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, болѣе почтенныхъ и ученыхъ, болѣе знакомыхъ съ тонкостями мусульманской казуистики, — излюбленной темы ученыхъ споровъ и бесѣдъ современныхъ мухаммеданъ, когда дѣло касается области отвлеченныхъ предметовъ, — все это вмѣстѣ взятое низводитъ вліяніе имамовъ на прихожанъ на незначительную степень, во всякомъ случаѣ не большую той, какую имѣютъ вообще грамотные люди. Гораздо большее вліяніе на умы и міровоззрѣніе своихъ меньшихъ братьевъ имѣютъ нѣсколько человѣкъ указанныхъ выше простыхъ прихожанъ.

Другое дѣло, когда вопросъ касается кишлачныхъ имамовъ, которые чуть-ли не всегда являются самыми грамотными и начитанными людьми среди своей темной паствы.

Эта паства довѣряетъ своему имаму и дамуллѣ безусловно. Она не имѣетъ возможности сколько нибудь критически отнестись къ поступкамъ и словамъ имама, да и не допускаетъ такого отношенія, потому что слова и дѣйствія свои, по ихъ миѣнію, онъ не

самъ выдумалъ, а вычиталъ изъ книгъ, книги же провозглашаютъ только одну истину. Далѣе, по части совершенія разнаго рода требъ онъ рѣдко имѣетъ конкурента по названной причинѣ. Поэтому же онъ и главный врачъ, ибо врачевать можетъ всякій грамотный человекъ отчитываніемъ или по тѣмъ рецептамъ, которые рекомендуются въ медицинскихъ книгахъ. У него же можно достать и писанные тумары ¹⁾, предохраняющіе отъ всякихъ болѣзней и напастей. Вообще, находясь въ постоянномъ общеніи съ своей паствой, кишлачный имамъ по необходимости не можетъ ограничивать свою дѣятельность узкими рамками своей должности и поставленъ въ очень благоприятныя условія, чтобы такъ или иначе вліять на народъ, но опять таки не какъ имамъ, а, главнымъ образомъ, какъ грамотный человекъ. Насколько намъ извѣстно, кишлачные имамы въ большинствѣ народъ, стоящій не много выше толпы по своему развитію и пониманію окружающаго. Потребности и интересы ихъ не шире, чѣмъ у остальной массы. Своимъ исключительнымъ положеніемъ они пользуются лишь для матеріальныхъ приобрѣтеній.

Часто приходится слышать жалобы отъ мусульманъ на то, что въ настоящее время вѣра падаетъ, нѣтъ радѣнія къ мечети, намазы не исполняются, и принуждать населеніе къ этому, какъ было въ мусульманское время, некому. Это сущая правда, въ особенности относительно кишлаковъ. Не говоря о томъ, что, въ теченіи всего теплаго времени съ весны до осени, мечети пусты, но даже и зимой, когда въ кишлакахъ нѣтъ никакой работы, только нѣкоторые немногіе старики посѣщаютъ ихъ. Конечно, излишне было бы и говорить о томъ, что отношеніе деревенскаго люда къ мечети чисто формальное. Отъ ученыхъ мусульманъ нерѣдко приходится слышать, когда дѣло касается вопроса о вѣрѣ узбековъ, такого рода характерный анекдотъ. Нѣкій царь, узнавъ, что узбеки не ходятъ въ мечеть, и желая сдѣлать ихъ настоящими мусульманами, приказалъ ежедневно выдавать всѣмъ узбекамъ, посѣщающимъ намазы, по одной теньгѣ. Черезъ нѣкоторое время ему доносятъ, что узбеки, хотя и ходятъ въ мечеть, но предъ намазомъ омовеній не совершаютъ (безъ чего, нужно сказать, намазъ считается недѣйствительнымъ). На вопросъ царя, почему они не исполняютъ омовеній предъ намазами, узбеки отвѣчали, что они, какъ обѣща-

¹⁾ Амулеты.

лись, за теньгу совершаютъ всѣ положенные намазы, если же царю угодно будетъ добавить что нибудь, то они не откажутся и отъ омовеній.

Индеферентизмъ, въ особенности кишлачныхъ мусульманъ къ своимъ мечетямъ, долженъ быть поразителенъ для большинства русскихъ, составившихъ себѣ очень высокое мнѣніе объ аккуратномъ и точномъ исполненіи мусульманами всѣхъ предписаній религіи, особенно обрядовой ея стороны. Это только наше заблужденіе. Вы видите, какъ суфи или имамъ, надрываясь, громогласно поетъ призывъ на молитву, затѣмъ не торопясь и оглядываясь по сторонамъ, входитъ въ мечеть и въ напрасномъ ожиданіи прихожанъ часто въ единственномъ числѣ совершаетъ намазъ. Между тѣмъ, въ это время нерѣдко тутъ же на дворѣ мечети или по близости въ лавочкахъ спокойно сидятъ правовѣрные, продолжаютъ вести свои разговоры и не обращаютъ на азанъ никакого вниманія, а въ лучшемъ случаѣ ограничиваются коротенькой молитвой про себя и возгласомъ.

Суфизмъ и ишаны.

То религіозно-философское ученіе, носителями и распространителями котораго являются *ишаны*, оказывало въ своемъ историческомъ прошломъ такое громадное вліяніе на жизнь мусульманскихъ народовъ, отчасти перешедшее въ качествѣ духовнаго наслѣдія къ народамъ, въ настоящее время исповѣдующимъ исламъ, что ученіе это, помимо своего глубокаго научнаго интереса, имѣетъ для насъ немаловажное, чисто практическое значеніе. Игнорировать изученіемъ этого бытового явленія, наблюдаемаго во всѣхъ странахъ съ мусульманскимъ населеніемъ, для русскихъ было бы непростительно.

Ученіе это, носящее у мусульманъ названіе „*тасавуфа*“, а у европейцевъ — „*дервишизма*“ и „*суфизма*“, въ основѣ своей ничего общаго не имѣетъ съ исламомъ. Мало того, оно прямо противоположно корану, который проповѣдуетъ строгій монотеизмъ, тогда какъ суфизмъ, въ которомъ нельзя не признать слѣдовъ древнеиндійской теософіи, устанавливаетъ пантеизмъ въ широкомъ значеніи этого слова.

Исторія возникновенія и развитія суфизма въ исламъ очень проста. Въ Аравіи религія Мухаммада возникла, подъ вліяніемъ христіанства и іудейства, естественнымъ историческимъ путемъ. Введенная

затѣмъ насильно въ странахъ съ арийской культурой (въ Персіи, теперешнемъ Афганистанѣ и Средней Азій), съ населеніемъ, отличающимся отъ семитовъ по бытовымъ особенностямъ, духовному складу и языку, она не могла произвести внутренней ломки и радикальнаго измѣненія старыхъ народныхъ вѣрованій, сложившихся вѣками. Исламъ, религія нетерпимости, а потому старымъ вѣрованіямъ пришлось выдержать жестокую борьбу съ его строгою ортодоксальностью. Нигдѣ, кажется, не было столько противоисламскихъ движеній ¹⁾, какъ въ упомянутыхъ странахъ. Достаточно припомнить движенія Абу-Муслимы и Моканимы, причинившихъ мусульманамъ въ самую раннюю пору ислама не мало огорченій. Въ концѣ концовъ, послѣ продолжительной и упорной борьбы побѣда осталась на сторонѣ старыхъ вѣрованій. Но онѣ должны были приспособиться къ новой духовной и гражданской жизни. Имъ пришлось прикрыть себя текстами корана, который имѣетъ массу недомолвокъ и темныхъ мѣстъ и даетъ самое широкое поле для всевозможныхъ толкованій и заключеній. Эта особенность корана и дала возможность приверженцамъ старой вѣры облечь самый широкій размахъ мысли въ желательный текстъ священной книги, и то, что раньше называлось не иначе, какъ «*бидаатъ*» ²⁾, теперь уже никого не смущало и признавалось, какъ кость отъ костей ислама.

Кромѣ пантеизма, составнымъ элементомъ въ суфизмъ входитъ аскетизмъ, присущій индійскимъ вѣрованіямъ, но обязанный своимъ возникновеніемъ и широкимъ распространеніемъ въ исламъ христіанскимъ монахамъ, основавшимъ не мало монастырей въ Аравіи и имѣвшимъ столь значительное вліяніе на арабовъ, что не только простые арабы, но даже царьки ихъ нерѣдко обращались въ монашество еще до появленія ислама. Такимъ образомъ суфизмъ, какъ ученіе, состоитъ изъ трехъ элементовъ: пантеизма, аскетизма и мистицизма, неизбежнаго спутника первыхъ двухъ элементовъ.

Суфизмъ за весь, болѣе чѣмъ тысячелѣтній, періодъ своего существованія не представлялъ чего либо законченнаго, неизмѣннаго. Онъ непрерывно развивался въ отдѣльныхъ, хотя и несущественныхъ частяхъ, особенно во виѣшней организаціи.

¹⁾ Именно, религіозно-буддійскаго характера.

²⁾ Ересь.

Признанный самими мусульманами за ученіе чисто исламское, суфизмъ быстро распространился во всѣхъ странахъ халифата. Съ этого момента замѣчается быстрый ростъ разнаго рода суфическихъ орденовъ. Появленіе на первыхъ же порахъ этихъ орденовъ, отличавшихся разными особенностями, можно объяснить тѣмъ, что мысль, скованная слѣпою вѣрою въ ученіе корана, будучи выведена суфизмомъ на путь свободнаго изслѣдованія, терялась въ необычной для нея обстановкѣ и впадала въ односторонность, создавая расколъ. Первые суфическіе ордена, и возникшіе впоследствии, ничѣмъ не отличались по основной мысли, а лишь въ деталяхъ. Причинами возникновенія новыхъ орденовъ служили: требованія большей или меньшей строгости въ уставѣ ордена, введеніе новаго обряда въ ритуаль радѣній и проч. Впрочемъ, изрѣдка создавались ордена, преслѣдовавшіе новые пути въ основахъ своего ученія.

Ученіе суфіевъ весьма обстоятельно изложено въ обширной суфической литературѣ, въ прозѣ и стихахъ на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ. Какъ было сказано, ученія отдѣльныхъ орденовъ рѣдко гармонируютъ между собою въ деталяхъ. Нѣкоторыя кромѣ того отличаются туманностью и неопредѣленностью. Сущность ученія суфіевъ въ краткихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ:

Богъ есть единое бытіе, разлитое во всѣхъ Его твореніяхъ, и все заключается въ Богѣ. Онъ вѣчно обнаруживается, проявляется, т. е. вѣчно творитъ. Поэтому природа вѣчна, и всякое твореніе по существу своему вѣчно, одно и то же, и только измѣняется по формѣ, которая сотворена во времени. Въ сущности, формы природы, т. е. матеріи не существуетъ. Видимое нами есть кажущееся для нашихъ чувствъ и, если мы видимъ оболочку, то единственно отъ произволенія Божія. Всѣ твари, мѣняя послѣдовательно форму, переходя изъ одного состоянія въ другое, должны возвратиться къ своему первоисточнику—Богу. Цѣль сотворенія чловѣка—служеніе Богу. Исканіе Истины—совершеннѣйшая часть этого служенія. Открывшій Истину получаетъ познанія, которыя даютъ ему возможность окончательно устранить то пространство, которое мѣшаетъ ему слиться съ Божествомъ.

Ученіе суфіевъ о предопредѣленіи почти тождественно съ кораномъ.

Зло въ мірѣ существуетъ потому, что люди, находясь на разныхъ ступеняхъ приближенія къ Божеству, мыслятъ разнo и впадаютъ въ заблужденія. Ученіе о раѣ и адѣ скорѣе въ духѣ буддизма, чѣмъ ислама. Взглядъ на коранъ, Евангеліе и Библию, хотя и похожъ на изложенный въ священной книгѣ Мухаммаданъ, но имѣетъ еще своеобразныя аллегорическія толкованія. Людей разныхъ религій разъединяетъ только форма, а соединяетъ чисто духовное тожество ихъ. Высшая религія — исламъ, явившійся на сѣмъ іудейству и христіанству. Послѣдній изъ пророковъ — Мухаммадъ передалъ пророческій даръ Алію и Абу-Бакру, основателямъ суфійства, завѣщавъ имъ передать этотъ даръ ихъ преемникамъ. Точно также болѣе или менѣе различенъ взглядъ суфіевъ на различныя стороны мусульманскаго вѣроученія.

Намъ кажется, что приведеннаго вполне достаточно, что бы судить о полномъ различіи и непримиримости суфизма съ религіей Мухаммада.

Суфія, по ихъ мнѣнію, получили отъ пророка особую благодать, безъ которой человекъ не можетъ познать путь, ведущій къ соединенію съ Божествомъ. Одна наука безсильна дать человеку, — даруемое благодатию; поэтому, чтобы достигнуть конечной цѣли, необходимо вступить въ „сулюкъ“¹⁾ гдѣ особыми усиліями и упражненіями, подъ руководствомъ ишана (пира) проходитъ извѣстный искукъ, направляющій новичка къ совершенству, къ полному уничтоженію его индивидуальности и сліянію съ Божествомъ. Впрочемъ, благодать эта передается только суфіямъ, достигшимъ извѣстной ступени ихъ искуса.

Мы по необходимости коснулись ученія суфіевъ только въ главномъ, но оно содержитъ массу основательно и подробно разработанныхъ положеній и въ своихъ частностяхъ. Однако, эти положенія нерѣдко страдаютъ противорѣчіями и несогласованностью и, соединенныя воедино, не представляютъ полной гармоніи, логически развитой философской системы.

Вышняя организація суфійскихъ орденовъ въ началѣ очень напоминала христіанскіе монастыри, которые послужили прототипомъ „такія“ или общежитія суфіевъ, сложившагося окончательно въ

¹⁾ Орденъ.

средніе вѣка ислама. Всякій орденъ имѣлъ документъ¹⁾, въ которомъ, въ хронологическомъ порядкѣ, были вписаны всѣ настоятели ордена, начиная отъ Али или Абу-Бакра, до послѣдняго. Общежитіе суфіевъ носитъ названіе „такія“ или „хана“ и представляетъ собою, обыкновенно, большой четырехугольный дворъ, окруженный заборомъ и кельями²⁾, въ которыхъ помѣщаются „мюриды“, духовные ученики. Съ одной стороны, преимущественно съ западной, находится мечеть, иногда помѣщеніе для общественныхъ радѣній и худжра настоятеля, болѣе обширная, чѣмъ остальные. Во главѣ ордена стоитъ *шейхъ, пиръ, ишанъ* — настоятель, за нимъ слѣдуютъ одинъ или нѣсколько *хальфовъ* — помощниковъ его, и затѣмъ уже идутъ *мюриды* — ученики. Каждый орденъ требуетъ очень высокихъ духовныхъ качествъ отъ настоятеля, глубокихъ теоритическихъ познаній въ суфизмѣ и значительное совершенство въ практическомъ его прохожденіи. Ишанъ долженъ обладать настолько развитою духовною силою, чтобы всецѣло могъ подчинить себѣ волю мюридовъ. Жить и вести себя онъ долженъ такъ, чтобы на него смотрѣли не иначе, какъ на святого. Хальфы, состоя помощниками ишана, подъ руководствомъ послѣдняго отправляютъ по отношенію къ мюридамъ роль „дядекъ“, и, вмѣстѣ съ тѣмъ считаются кандидатами на ишана, а потому отъ нихъ требуются, хотя и не въ такой совершенной степени, всѣ качества, какими долженъ обладать ишанъ. Въ уставахъ, обыкновенно, рекомендуется принимать мюридами въ орденъ изъ людей, «жаждущихъ истины», только достойныхъ, чтобы затраченные на нихъ труды не пропали даромъ.

По скольку въ орденѣ ишанъ лицо, которому все безусловно подчиняется, въ рукахъ котораго находится и жизнь и смерть его мюридовъ, постольку же мюридъ лицо самое безвѣстное въ орденѣ, не имѣющее ни своей воли, ни своихъ желаній, обязанное беспрекословно и охотно исполнять всякое, самое невѣроятное желаніе своего ишана. Мало того, всякую пользу, какую получить мюридъ, онъ долженъ считать происшедшей чрезъ своего ишана.

Новичекъ, принятый въ орденъ, подвергается искусу: ему обыкновенно приказывается прислуживать мюридамъ, даются какія нибудь болѣе или менѣе трудныя или унижительныя порученія, и затѣмъ

¹⁾ Сильсилію.

²⁾ Худжра.

уже принимаютъ его въ общину мюридомъ, удостовѣрившись въ его послушаніи и другихъ качествахъ. Первое дѣло ишана по отношеніи къ новому мюриду внушить ему, что спасеніе возможно только въ данномъ ордѣнѣ и чрезъ ишана, который только одинъ можетъ указать истинный путь. Затѣмъ ишанъ переходитъ къ изложенію ученія, которое все должно сводиться къ указанію „пути“. Науки бываютъ двухъ родовъ: „каль“ науки знанія, доказательныя и „халь“ науки вѣры, основанныя на вѣрѣ. Послѣднія важнѣе, и такъ какъ онѣ усвоятся исключительно сердцемъ, которое заключаетъ въ себѣ все свойства, необходимыя для познанія Божества и соединенія съ нимъ, то слѣдуетъ обращать главное вниманіе на сердце и совершенствовать его способности. Это достигается тѣмъ, что мюридъ старается очистить свое сердце, т. е. изгнать изъ него все мірское и водворить въ немъ мысль о Богѣ, приучая себя къ этому постояннымъ размышленіемъ о Немъ и повтореніемъ именъ Божіихъ. Послѣднее упражненіе носить названіе „зикръ“. Такъ какъ имена Божіи обозначаютъ Его качества, то послѣднія и могутъ усвоиться мюридомъ при многократномъ повтореніи каждаго имени, въ связи съ постояннымъ желаніемъ водворить ихъ въ сердце своемъ и изгнать все противоположное. Способъ произнесенія „зикра“ долженъ быть таковъ: произнесеніе начинать съ сердца при закрытомъ ртѣ и языкѣ въ спокойномъ состояніи, затѣмъ переносить глухой звукъ сердца въ дыхательное горло и затѣмъ уже произносить громко или про себя. Изучившій способъ произнесенія „зикра“ мюридъ допускается къ общественнымъ радѣніямъ. Общественныя радѣнія дервишей были столько разъ описаны, что мы считаемъ излишнимъ останавливаться на этомъ. Чрезъ „зикръ“ мюридъ впадаетъ въ экстатическое состояніе, которое считается временнымъ погруженіемъ въ Божество. Кромѣ того, такое состояніе можетъ быть вызываемо посредствомъ гипноза, который издавна извѣстенъ суфіямъ. Ишанъ необходимо долженъ обладать силою гипнотизированія.

Суфизмъ по истинѣ самая выдающаяся сторона въ религіозной жизни мусульманскихъ народовъ за весь, болѣе чѣмъ тысячелѣтній періодъ ихъ историческаго существованія, подъ мощною властью ислама. Ошибочно было бы допустить, что суфизмъ представлялъ или представляетъ нѣчто обособленное, чуждое народной жизни, общество или разрядъ людей, по своему міровозрѣнію отличныхъ отъ остальной массы. Напротивъ, онъ съ самаго начала представ-

лялъ явленіе типическое, т. е. выражалъ собою тотъ идеалъ, который жилъ въ народной массѣ персидской націи еще до порабощенія ея исламомъ, и который затѣмъ распространился на весь мусульманскій міръ. Его чувствовали на себѣ не только тѣ, которые ради спасенія отреклись отъ грѣховнаго міра и поступили въ „сулюкъ“ (орденъ), но и тѣ, которые жили въ міру и по мірски. Разница только въ томъ, что первые чрезъ свое отреченіе отъ міра и его благъ, имѣютъ возможность удобнѣйше, скорѣйше и совершеннѣйше достигнуть идеала¹⁾. По этой причинѣ нѣтъ основанія считать суфіями исключительно лицъ, живущихъ въ ордѣнѣ и по уставу ордена. Суфіями называются все тѣ, которые признали надъ собою руководство того или другого ишана, выразили готовность состоять подъ его духовнымъ воздѣйствіемъ, чрезъ вложеніе своей руки въ руки ишана.

Суфизмъ представляетъ въ полномъ своемъ развитіи философскую систему, надъ разработкою, законченностью и примиреніемъ которой съ кораномъ трудились лучшіе умы въ мусульманствѣ. Въ этой формѣ онъ доступенъ пониманію лишь усвоившихъ себѣ своеобразную логику мышленія ишановъ и людей „сулюка“, а не народной массѣ. Точно такъ же основной принципъ суфизма — „путемъ внутренняго совершенства уничтожить свою индивидуальность“ — не могъ выполняться этой массой просто по физической невозможности. Такимъ образомъ тѣ доисламскія вѣрованія народа, которыя легли въ основу суфизма, съ теченіемъ времени были приведены въ недоступную для массы философскую систему, а въ самой этой массѣ начали забываться и сливаться съ чисто исламскими вѣрованіями. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать того обстоятельства, что народъ, все духовное развитіе котораго находилось подъ широкимъ моральнымъ вліяніемъ суфизма, выработывалъ свое міровозрѣніе, свой жизненный идеалъ именно подъ его вѣковымъ давленіемъ. Это можно прослѣдить въ мусульманской исторіи, въ особенности въ нерѣдкія въ ней години бѣдъ и несчастій народныхъ, когда суфизмъ сказывался ярче и шире.

Вліяніе суфизма на народы, исповѣдующіе исламъ, еще въ недавнемъ прошломъ было чрезвычайно, хотя и не въ одинаковой

¹⁾ Благодаря тѣмъ способамъ и средствамъ, которые существуютъ въ сулюкѣ и могутъ быть приобрѣтены только въ немъ.

нѣрь за длинный періодъ его существованія. Вліяніе это то ослабѣвая, то усиливаясь, сохранилось, и несомнѣнно существуетъ въ наше время. Его бывшее вліяніе по своей обширности и характеру близко подходит ¹⁾ къ вліянію монашества на народы западной Европы въ средніе вѣка, въ эпоху, напримѣръ, крестовыхъ походовъ.

Лучшимъ показателемъ народныхъ симпатій къ нему служитъ его вліяніе на народную литературу. Въ сказкахъ и героическихъ разсказахъ часто фигурируютъ немощные плотью, но сильные духомъ „пиры“, дервиши, всегда благодѣтельные и сильные своею близостью къ Богу. Послушный „пир“, всегда обрѣтаетъ счастье, достигаетъ своей цѣли, устранивъ по его молитвѣ всевозможныя препоны и трудности, а ослушникъ позорно погибаетъ. Оборванный, жалкій дервишъ, живущій подаеніемъ, въ нужное время оказывается могущественнымъ, благодаря своей святости. То онъ является неожиданнымъ избавителемъ умирающаго въ пустынѣ отъ жажды странника, то спасаетъ отъ враговъ городъ или страну, то является строгимъ карателемъ несправедливаго царя или обманщика купца. Достоинно вниманія и то, что суфизмъ, проникнувъ въ поэзію народа, снабдилъ ее своеобразными темами и особымъ отпечаткомъ. Среди суфиевъ было немало отличныхъ поэтовъ.

Лучшіе поэты у мусульманъ-суфи: Ходжа, Хафизъ, Мавляна Джами, Суфи, Алла-Яръ. Это любимѣйшіе поэты у нихъ, которые заучиваются въ школѣ и, какъ настольныя книги, имѣются чуть не у всякаго грамотнаго туземца. Манрабъ Сайкалы—самыя популярныя поэтическія сочиненія въ простомъ народѣ. Цѣлый рядъ суфійскихъ поэтовъ, не слишкомъ блестящихъ крупицами истинной поэзіи, даетъ все-же много прекрасныхъ стиховъ, звучныхъ, краснорѣчивыхъ и цвѣтистыхъ по формѣ, что вмѣстѣ съ внутреннимъ ихъ содержаніемъ на возвышенныя темы ²⁾ производитъ большое впечатлѣніе. Для выраженія же самыхъ высокихъ понятій у суфиевъ есть свои особые термины и формы, которые въ прямомъ, не метафорическомъ смыслѣ обозначаютъ часто понятія соблазнительныя и даже безбожныя. Конечно, чтобы понимать суфическую поэзію такъ, какъ понимаютъ ее сами суфи, пужно знать значеніе раз-

¹⁾ Но въ болѣе широкомъ смыслѣ.

²⁾ О Богѣ, грѣховности міра, стремленіи слиться съ Божествомъ и проч.

ныхъ специальныхъ терминовъ и выраженій. Создавъ свою обширную специальную литературу по вопросу о суфизмѣ, суфи вмѣстѣ съ тѣмъ заняли и видное положеніе въ мусульманской наукѣ.

Въ жизни нашихъ туземцевъ часто приходится наблюдать черты суфическаго характера, напр. особенную, рекомендуемую суфіями, наружную слащавость и самоуниженіе въ обращеніи съ людьми.

Если таково, вообще, вліяніе суфизма, захватившаго въ кругъ своего духовнаго воздѣйствія все стороны общественной и частной мусульманской жизни, и на всемъ оставившаго слѣды своей характерной морали, то вліяніе выдающихся его представителей—„пировъ“ и „ишановъ“ на народную массу должно быть поразительно велико. Во всякомъ случаѣ, ихъ дѣятельность и вліяніе нельзя разсматривать только въ духовномъ отношеніи и ограничивать узко-теологическими рамками. Ихъ нельзя разсматривать только, какъ религіозныхъ реформаторовъ и сектантовъ, а непременно въ связи съ общимъ ходомъ и развитіемъ всеѣхъ прочихъ сторонъ мусульманской исторической жизни.

Исламъ, проводя въ гражданской и государственной жизни строго теократическія начала, обнимая все проявленія человѣческаго духа, захватываетъ и политическія, и соціальныя, и научныя, и всякія другія стороны ихъ. Поэтому, нововведенія въ одной изъ этихъ сторонъ жизни неизбежно затрогиваютъ и религію, подобно тому, какъ отражается и всякая религіозная реформа на всемъ строѣ государственной и общественной жизни. Поэтому, „ишаны“ и „пиры“ должны быть разсматриваемы наравнѣ съ другими историческими дѣятелями.

Слишкомъ длинно было бы перечислять тѣ народныя движенія и войны, которыя обязаны своимъ появленіемъ „ишанамъ“, но съ другой стороны, не менѣе многочисленны случаи, когда враждующія стороны мирились подъ ихъ вліяніемъ, или когда готовыя вспыхнуть братоубійственныя войны были ими устранимы.

Достаточно сказать, что все мусульманскіе правители съ давнихъ временъ считали для себя обязательнымъ имѣть въ качествѣ духовниковъ и руководителей популярныхъ и вліятельныхъ ишановъ, дѣйствовавшихъ настолько искусно, что правители играли только фиктивную роль представителей власти. Былъ случай, когда суфи добыли своей фамиліи тронъ. Иногда суфи поднимали руку на нежелательныхъ имъ правителей. Некоторые правители, какъ Мирза

Шахрукъ, не находя иныхъ средствъ избавиться отъ ишановъ, опутывавшихъ правителей и народъ, истребляли ихъ.

Самые значительные ишаны по смерти причислялись къ святымъ и надъ могилами ихъ возводились „суфы“¹⁾ и „мазары“, снабженные мраморными плитами, съ подобающими надписями. Самое большое число мусульманскихъ святыхъ, и притомъ самыхъ чтимыхъ, принадлежитъ суфиямъ.

Конечно, въ настоящее время ни у кого не остается сомнѣній, что мусульманская культура отжила свое время и съ каждымъ днемъ приближается къ окончательному паденію и разложенію, и не требуется доказательствъ, что возрожденіе мусульманства невозможно: предоставленное самому себѣ, оно или должно найти вѣрную погибель или принять другую культуру. То же можно сказать и по отношенію къ суфизму, коему предстоитъ участь всего мусульманства.

Вмѣстѣ съ началомъ паденія исламской культуры въ Средней Азии, съ конца эпохи Тимуридовъ, неудержимо началъ падать и суфизмъ, *насилно связанный съ кораномъ*. Какъ выше уже было сказано, тотъ первоначальный суфизмъ, въ основу котораго легли бывшія народныя вѣрованія, съ теченіемъ времени утратился въ самой народной средѣ, растерянный по пути исторической жизни народа, видоизмѣнившійся и затертый исламомъ. Теперь очередь дошла до суфизма, возведеннаго въ философскую систему, въ цѣльную науку. Паденіе мусульманской науки и образованности неблагоприятно отразилось и на суфизмѣ въ томъ смыслѣ, что въ орденахъ, старавшихся пополнять контингентъ своихъ членовъ людьми образованными и подающими надежду, теперь по необходимости пришлось мириться съ людьми, мало удовлетворяющими требованіямъ орденскихъ уставовъ. Разумѣется, не замедлили обнаружиться результаты этого: въ орденахъ быстро началось уменьшеніе количества людей ученыхъ и просто болѣе или менѣе образованныхъ, не говоря о двигающихъ науку, а хоть сколько нибудь понимающихъ ее. Такимъ образомъ, въ составѣ іерархіи орденовъ по необходимости пришлось терять людей неразвитыхъ и невѣжественныхъ, число которыхъ съ приближеніемъ къ нашему времени все увеличилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало количественное и качественное обѣдненіе суфической литературы, которая вращалась все въ болѣе и болѣе узкихъ горизонтахъ, при

¹⁾ Большая четырехугольная земляная насыпь.

маломъ знакомствѣ съ сущностью трактуемаго предмета. Самая цѣль такого рода сочиненій, плохо скрываема, сводилась къ тому, чтобы неимоვნно *возвысить свой орденъ и своихъ ишановъ* для чего практиковался *грубый обманъ*, ввидѣ многочисленныхъ рассказовъ о необыкновенныхъ дѣяніяхъ, чудесахъ ишановъ и проч. Басни подобнаго рода настолько невѣроятны, что нужно быть темнымъ и наивнымъ, какъ нашъ туземецъ, чтобы придавать имъ хоть долю достовѣрности.

Такимъ образомъ, съ упадкомъ науки суфизма, къ ишанамъ и суфиямъ стали предъявляться меньшія требованія, какъ по части практическаго изученія предмета, такъ и теоритическаго его прохожденія. Идеальныя цѣли и задачи орденовъ потеряли въ глазахъ суфіевъ всякое значеніе, но зато развилась *жажда къ матеріальному стяжанію и наживѣ при фарисейски шепетильномъ отношеніи къ формѣ, но пренебрегая сущностью*. Благодаря возможности легко приобретать званіе ишана и благодаря укоренившемуся взгляду на суфизмъ, какъ на удобную, при вѣкоторой ловкости и нахальствѣ, профессию для приобретенія почета, богатства и безбѣднаго существованія на чужой счетъ, число ишановъ для данной мѣстности¹⁾ въ разное время можетъ быть неодинаково.

Какъ ни трудно судить по сохранившимся до насъ туземнымъ источникамъ о добросовѣстности ишановъ прежняго времени и какъ ни трудно опредѣлить вообще границы между мороченіемъ довѣрчивыхъ людей и самообманомъ, все же, по отношенію къ современной арміи ишановъ, такого сомнѣнія, за рѣдкими исключеніями, быть не можетъ: слишкомъ на виду все ихъ дѣла, неимѣющія ничего общаго съ духовной миссіей, которую они взяли нести.

Въ Средней Азии въ наше время распространены главнымъ образомъ три суфійскихъ ордена: „Накибандія“ — преимущественно въ Самаркандской области и въ Бухарѣ, „Кадырія“ — въ Ферганѣ и орденъ „Каландарей“²⁾, — повсемѣстно въ краѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ орденъ каландарей, обратимся къ двумъ остальнымъ. Второй изъ названныхъ выше орденовъ ста-

¹⁾ Строго говоря, никакими рамками не ограниченное, сообразуется прежде всего съ матеріальною щедростью даятелей.

²⁾ Относящій себя къ „Накибандіи“, но на самомъ дѣлѣ далекій отъ него по существу.

рѣйшій въ краѣ. По характеру исполненія „зикра“ онъ „джахрія“, т. е. общественныя радѣнія этого ордена сопряжены съ громкимъ выкрикиваніемъ именъ Божьихъ, пѣніемъ специальныхъ стиховъ и различными тѣлодвиженіями. Первый орденъ — „хуфія“, т. е. тайный, въ виду того, что суфіи этого ордена выполняютъ положенный зикръ про себя, тайно, безъ всякихъ тѣлодвиженій¹⁾. Члены суфической вѣтви „Яздахумъ“ (одиннадцатый), получившей свое названіе отъ того, что общественныя радѣнія въ ней происходятъ 11-го числа каждаго мѣсяца, считаютъ ее толкомъ то „Накшбандіи“ то „Кадыріи“, и есть основанія думать, что орденъ этотъ возникъ недавно. Членами „Яздахума“ состоятъ и женщины, которыя имѣютъ свою спеціальную руководительницу женщину — ишана, обыкновенно жену ишана „Яздахума“. Большинство мусульманъ относится къ женскому отдѣленію этого ордена крайне недружелюбно, считая его еретическимъ новшествомъ и плодомъ жадности теперешнихъ ишановъ секты „Яздахумъ“, вербующихъ членовъ, гдѣ только можно, чтобы увеличить свои доходы, пользуясь тѣмъ, что женщины, обладая натурой, скорѣе поддающейся вліяніямъ ишановъ, охотно вступаютъ въ эту секту. Радѣнія женщинъ яздахумовъ совершаются въ домѣ руководительницы, не отличаясь ничѣмъ отъ радѣній мужскихъ.

У „Накшбандійцевъ“ и „Кадырійцевъ“ мы находимъ по нѣскольку ишановъ, претендующихъ на званіе главы ордена, при чемъ у каждаго изъ нихъ своя партія сторонниковъ. Дѣло въ томъ, что только настоятель ордена или главный ишанъ можетъ назначать зависимыхъ отъ него ишановъ въ филиальныя отдѣленія ордена, выдавая на это особый документъ „иршадъ“. Документъ этотъ даетъ право основать лишь филиальное отдѣленіе ордена и привлекать въ него мюридовъ, но не посвящать другихъ въ званіе ишана, причемъ обладатель его не перестаетъ оставаться въ зависимости и подчиненіи главѣ ордена. Такой порядокъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, и нарушеніе его²⁾ строго каралось властями разрушенныхъ русскими ханствъ. Въ данное же время русскія власти, не вмѣшиваясь въ духовныя дѣла покоренныхъ, дали возможность появляться самозванцамъ, преслѣдуемымъ обыкновенно лишь изъ личныхъ

¹⁾ Собравшись въ одномъ мѣстѣ и образовавъ кругъ — „Халку“.

²⁾ а равно незаконное присвоеніе титула „ходжи“, и проч.

выгоды. Во всякомъ случаѣ появленіе нѣсколькихъ главныхъ ишановъ въ одномъ орднѣ очень характерно для современнаго суфизма, а то обстоятельство, что каждый изъ нихъ старается, въ своихъ интересахъ, подорвать авторитетъ другого, вноситъ путаницу и разладъ въ секту суфи при чемъ большинство не можетъ разобраться въ справедливости притязаній и увѣреній той или другой партіи. Раньше уже было сказано, что мюриды бываютъ двухъ родовъ: одни (постоянные) живутъ во все время прохожденія суфическаго курса при ишанѣ, подъ его непосредственнымъ надзоромъ, духовнымъ возлѣйствіемъ. Эта небольшая по числу категория имѣется только при немногихъ, самыхъ знаменитыхъ ишанахъ и существуетъ исключительно на добротныя даянія, поступающія ишану главнымъ образомъ отъ второй, неизмѣримо болѣе многочисленной группы мюридовъ. Эти послѣдніе находятся, такъ сказать, въ постоянномъ отпуску отъ ордена, занимаются своими мірскими дѣлами и лишь тѣмъ отличаются отъ прочихъ мусульманъ обывателей, что считаютъ себя мюридами того или другого ишана. Отношенія этого рода мюридовъ къ своимъ ишанамъ состоятъ въ совершеніи изрѣдка зикра въ кругу постоянныхъ мюридовъ, чаще въ слушаніи благочестивыхъ наставленій ишана, въ совмѣстномъ совершеніи съ нимъ намаза. Все это сопровождается приношеніями ишану ввидѣ денегъ, зерна лошади, барана и проч.

Постоянные мюриды живутъ съ ишаномъ въ „ханакъ“. Если ишанъ, или кто изъ его постоянныхъ мюридовъ женатъ, то семейства ихъ устраиваются близъ ханака. Теперь въ городахъ и нѣкоторыхъ кишлакахъ встрѣчается значительное число бывшихъ ханакъ, обращенныхъ въ мечети, служа доказательствомъ, что число постоянныхъ общинъ суфіевъ значительно сократилось.

Въ существующихъ постоянныхъ общинахъ мюридъ проходитъ коротенькій курсъ, усваивая лишь важнѣйшія формальности уставныхъ требованій, путешествуя для сбора добротныхъ даяній¹⁾ ишану, сначала съ болѣе опытнымъ мюридомъ, потомъ одинъ. Черезъ пять-десять лѣтъ такого ученія онъ получаетъ иршадъ и выходитъ изъ ученія совершенно подготовленнымъ для практической дѣятельности ишана. Однако, иршадъ выдается и мюридамъ второй категоріи, конечно, не безвозмездно.

¹⁾ „Назиръ“.

Такимъ образомъ подчиненныхъ—ишановъ громадное большинство.

Для многихъ *ишанизмъ* является *наследственной профессіей*, причемъ *наследственные ишаны*, если предки ихъ выдвинулись на поприщѣ суфизма, пользуются большимъ вліаніемъ и почетомъ и живутъ обыкновенно близъ могилы своего знаменитаго предка въ полной праздности, обеспеченные приношеніями мюридовъ и паломниковъ, посѣщающихъ святой мазаръ.

Главнымъ, а для большинства—единственнымъ стимуломъ дѣятельности лица, добывшаго иршадъ, является стремленіе устроить свое благополучіе вербовкою возможно большаго числа мюридовъ—жертвователей.

Такое стремленіе считается законнымъ и заслуженнымъ, какъ бы наградой за претерпѣнные лишенія униженія, и труды ученическаго искуса во время усвоенія тайны направленія людей на истинный путь.

Если не находится лицъ, жаждущихъ духовнаго руководительства, если не приходятъ добровольно мюриды, въ такомъ случаѣ не только право, но и обязанность ишана идти вербовать учениковъ.

Отсюда взглядъ ишановъ на себя, какъ на власть имѣющихъ, могущихъ принуждать нерадивыхъ къ поступленію въ мюриды. Туземцы характерно окрестили такую дѣятельность ишановъ выраженіяхъ—*„мюридъ-аулямакъ“*—охота за мюридами.

Лицо, пріобрѣвшее званіе ишана, практикуется въ уловленіи мюридовъ сначала среди темнаго деревенскаго населенія, легко склоняющагося на убѣжденія даже малоопытнаго ишана. Въ деревнѣ доходы скудны, зато легче прославиться, а это даетъ возможность наверстать потерянное въ будущемъ. Расширивъ деревенской практикой свои іезуитскія способности, ишанъ переноситъ свою дѣятельность на торговцевъ, состоятельныхъ землевладѣльцевъ и вообще людей болѣе культурныхъ и зажиточныхъ; пріобрѣтая же себѣ ими въ этой средѣ, онъ уже обеспечиваетъ окончательно свое существованіе, устраивая его часто съ большимъ комфортомъ.

Ишаны никогда не ограничиваются добровольными пожертвованіями, которыя мюриды сами привозятъ имъ изрѣдка, а разъ или два въ годъ, обыкновенно осенью, послѣ уборки полей выѣзжаютъ въ сопровожденіи двухъ-трехъ пособниковъ за сборомъ дани, для ловли новыхъ учениковъ, не упуская случая и хорошенько покушать на

счетъ своихъ мюридовъ. Эти поѣздки продолжаются иногда довольно долго, смотря по обширности района, въ которомъ властвуетъ ишанъ. Пріѣхавъ въ кишлакъ, ишанъ располагается у самаго вліятельнаго и зажиточнаго изъ своихъ мюридовъ, у котораго односельчане находятъ обыкновенно въ матеріальной зависимости. Вскорѣ весь кишлакъ узнаетъ о пріѣздѣ ишана, и мюриды спѣшатъ повидать своего духовнаго руководителя. Они одѣваются почище, наматываютъ на голову цвѣтной поясъ, замѣняющій на этотъ разъ простую чалму, и странное дѣло, быстро мѣняются въ присутствіи ишана въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ, принимая сокрушенный видъ, слащавость въ рѣчахъ, становятся предупредительны, словомъ, ведутъ себя особенно вычурно, наблюдая за собою, стараясь не отступить отъ тончайшихъ предписаній въ обрядахъ и приемахъ восточнаго этикета.

Пока ишанъ живетъ въ кишлакѣ, въ мѣстной мечети строго отправляются все положенные намазы, при значительной толпѣ молящихся, тогда какъ въ обыкновенное время въ ней бывають, кромѣ имама, чуть не случайныя лица. Кромѣ того въ помѣщеніи, гдѣ остановился ишанъ, въ извѣстное время собираются мюриды, и онъ ведетъ собесѣдованія на близкія ему темы о грѣховности, тлѣнности, соблазнахъ міра, о путяхъ къ спасенію; иногда онъ читаетъ какую нибудь книгу¹⁾, толкуя прочитанное, стараясь блеснуть ученостью и влетая въ свою рѣчь тексты изъ корана и цитаты изъ разныхъ авторовъ. На этихъ бесѣдахъ могутъ присутствовать и не мюриды. Хозяинъ, которому ишанъ оказалъ своимъ посѣщеніемъ столь цѣнное у мусульманъ почтеніе, старается изо всехъ силъ ублажить гостя, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ сборѣ назира, разыгрывая между дорогими гостями и односельчанами роль маклера. Когда сборъ идетъ туго, ишанъ перемѣняетъ тактику и приступаетъ къ запугиванію своихъ нерадивыхъ чадъ, грозя наказаніями отъ Бога и въ этой и въ будущей жизни. Трудно бываетъ простому, глубоко вѣрующему человѣку устоять противъ грозныхъ рѣчей ишана, да и не менѣе страннымъ поуканіямъ вліятельнаго хозяина, отъ котораго мюридъ находится въ матеріальной зависимости. Дѣло пріѣзжихъ мюридовъ и хозяина заключается еще въ привлеченіи новыхъ учениковъ своему ишану. Соб-

¹⁾ Преимущественно о чудесахъ ишановъ, о ихъ строгой жизни и нравственности.

равъ назиръ деньгами и натурою, которая тутъ же обмѣнивается на деньги, увеличивъ иногда и количество своихъ духовныхъ чадъ, ишанъ переѣзжаетъ въ другой кишлакъ, гдѣ у него также имѣются мюриды.

Болѣе знаменитые ишаны, имѣющіе постоянный и обильный притокъ добродетельныхъ даяній, рѣдко выѣзжаютъ за сборомъ назира, считая это дѣло для себя унижительною, хотя и не стѣняются для этой же цѣли посылать своихъ родственниковъ и довѣренныхъ мюридовъ.

Въ заключеніе не можемъ не отвѣтить прямо на вопросъ, невольно возникающій у каждаго русскаго при воспоминаніи о послѣднемъ печальномъ событіи въ Ферганѣ: насколько-же опасенъ для насъ суфизмъ съ его ишанами? Недавняя исторія такъ называемаго мюридизма на Кавказѣ, проявленіе суфизма въ Турціи и современное состояніе дервишизма въ Африкѣ слишкомъ хорошо извѣстны каждому образованному человѣку, чтобы распространяться объ нихъ. Они служатъ прекрасными иллюстраціями живучести и силы суфизма.

Если, зная нашихъ туземцевъ за людей нерасположенныхъ вообще къ войнѣ, а склонныхъ болѣе къ мирной и спокойной дѣятельности, и можно утверждать, что въ русскихъ Средне-азиатскихъ владѣніяхъ не можетъ быть событій, по своимъ размѣрамъ подходящихъ къ бывшимъ событіямъ на Кавказѣ или къ современнымъ въ Африкѣ, то съ другой стороны, нельзя не сказать, что суфизмъ несетъ въ себѣ *немало для насъ разнаго рода неожиданностей*, которыя при благоприятныхъ къ тому обстоятельствахъ, не замедлятъ обнаружиться самыми нежелательными для насъ результатами. При этомъ слѣдуетъ помнить извѣстное каждому, сколько нибудь знакомому съ мусульманскою исторіей, что единственнымъ стимуломъ, побуждающимъ мусульманъ къ войнѣ, всегда была идея отстоять вѣру или распространить ее. Чуть-ли не каждой войнѣ, иногда даже простому междоусобию въ средѣ самихъ же мусульманъ придавался характеръ религіозной войны за вѣру, и павшіе въ такой войнѣ нерѣдко причислялись къ „*шамхидамъ*“ (мученикамъ за вѣру). Мусульманамъ неизвѣстна война національная, война изъ патриотизма къ отечеству — у нихъ всякая война есть война за вѣру: она неразрывно связана съ вѣрой. Если сами мусульманскіе правители иногда старались подавить влияніе

суфизма, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сдѣлать намъ, ибо онъ ничего общаго съ нашими задачами въ краѣ не имѣетъ, а напротивъ является для нихъ сильнымъ тормазомъ.

Переходимъ теперь къ повсемѣстно распространенному въ краѣ ордену суфизма — „каляндарямъ“.

Каляндари.

Русскіе ошибочно считаютъ за дервишей исключительно *каляндарей*, которые составляютъ лишь особый суфическій орденъ, имѣющій нѣкоторыя рѣзко бросающіяся особенности: необычайный костюмъ, эксцентричность въ поведеніи, громкое пѣніе хоромъ или соло священныхъ стиховъ на улицѣ или базарѣ. Основаніе этого ордена относится къ недавнему прошлому, менѣе двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, и приписывается Шейху Сафа, похороненному въ Самаркандѣ на дворѣ общежитія каляндарей. Членами этого общества могутъ состоять все мусульмане суннитскаго толка, давнѣе объѣтъ строго исполнять уставъ ордена до тѣхъ поръ, пока это признано будетъ нужнымъ настоятелемъ. Каляндари считаютъ себя послѣдователями Бахавуддина Накшабанди, основателя наиболѣе распространеннаго въ Средней Азійи ордена Накшабандія, но въ сущности они являются по отношенію къ нему лишь сектой, своеобразно понявшей смыслъ его ученія въ нѣкоторыхъ частяхъ. Главное общежитіе каляндарей и главный шейхъ находятся въ Самаркандѣ, а филиальныя отдѣленія разбросаны по всему краю и въ Бухарѣ, имѣются даже въ Кашгарѣ, Афганистанѣ и Хивѣ. Шейхи въ филиальныхъ отдѣленіяхъ управляютъ самостоятельно только по отношенію къ своимъ мюридамъ, въ вопросахъ же важныхъ обращаются къ самаркандскому шейху, у котораго они находятся въ подчиненіи. Должность самаркандскаго шейха наследственна, а остальные замѣщаются или по его назначенію, или по выбору мюридовъ того отдѣленія, гдѣ открылась вакансія. Приемъ мюридовъ въ общежитія, равно какъ и переходъ ихъ изъ одного общежитія въ другое, не ограничены.

Особенность этого ордена заключается въ томъ, что членами его могутъ быть только мюриды постоянные или бывшіе таковыми, но получившіе иршадъ; для членовъ же его положенъ по уставу особый костюмъ, отдѣльныя части котораго служатъ наружнымъ зна-

комъ тѣхъ степеней духовнаго совершенства, которыя пройдены даннымъ мюридомъ. Костюмъ этотъ шьется шейхомъ и выдается имъ лично въ такомъ порядкѣ: „шайдой“ (тюбтейка), „куляхъ“ (конусообразная высокая шапка съ мѣховою выпушкой), „мут-тако“ (жезль), „камаръ“ (поясъ), „калисуль“ (чашка изъ скорлупы кокосоваго орѣха), „сайли“ (наушники), „санги-канаатъ“ (камень съ дырочкой, носимый на поясъ) и, наконецъ, „хырка“ или „джанда“ (халатъ, сшитый изъ лоскутовъ цвѣтныхъ матерій, короче обыкновеннаго, съ широкими рукавами по локоть). Календары по преимуществу представляютъ орденъ нищенствующихъ, такъ какъ въ бытность мюридами они не должны располагать ни собственностью, ни даже имѣть собственное пропитаніе, а обязаны жить исключительно подаянiемъ, собирая его въ размѣрѣ, достаточномъ только для ежедневнаго пропитанія. Располагать собственностью, будучи на низшихъ ступеняхъ суфiйства, считается не совмѣстимымъ съ задачами мюрида, обязаннаго сосредоточиваться исключительно на духовномъ, избѣгая всего мірскаго. Сборъ поданій производится календарями по преимуществу толпой, человекъ въ пять-восемь, рѣдко въ одиночку, на базарахъ городовъ и кишлаковъ, чаще въ базарные дни. Въ лѣтнее время они командированы по пашнямъ и собираютъ подаянiе земледѣльческими продуктами. Весь сборъ поступаетъ затѣмъ въ распоряженіе начальника даннаго обществитія, который и обязанъ уже кормить всѣхъ календарей, какъ живущихъ въ обществитіи, такъ и приходящихъ.

Мюридъ, прошедшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ курсъ теоритическихъ и практическихъ познаній въ „календаръ-ханъ“, и признанный способнымъ для дальнѣшаго самосовершенствованія, получаетъ иршадъ и по усмотрѣнію остается жить въ общинѣ, или выходитъ изъ нея. Въ послѣднемъ случаѣ его обыкновенно женятъ на средства обществитія, покупаютъ для него недвижимость, хозяйственный инвентарь, и онъ становится независимымъ частнымъ человекомъ, который, поселившись между мірскими людьми, даже сбрасываетъ съ себя всѣ атрибуты календаря. Однако, выйдя изъ календаръ ханъ, онъ рѣдко порываетъ съ ней связь, являясь всегда своимъ человекомъ, готовымъ служить посредникомъ между ней и своими однопосельчанами ради пользы воспитавшей его общины.

„Такія“ ремесленниковъ.

Считаемъ не лишнимъ указать еще на одно бытовое явленіе туземной жизни, на такъ называемыя „такія“ ремесленниковъ. Подъ именемъ—„такія“ мусульмане понимаютъ всякое общественное учрежденіе, предназначенное оказывать матеріальную и нравственную поддержку всѣмъ, нуждающимся въ ней. Наши ночлежные приюты, дома трудолюбія и нѣкоторые другія подобнаго рода благотворительныя учрежденія отчасти соотвѣтствуютъ мусульманской такiи. Развитіе извѣстной отрасли занятія, взаимопомощь и сплоченіе членовъ въ болѣе тѣсный кругъ составляютъ основную задачу такiи. Раньше этихъ обществъ существовало почти столько же, сколько въ мусульманскомъ быту было отдѣльныхъ отраслей занятій, и каждое изъ нихъ имѣло задачей помогать своимъ членамъ въ ихъ специальности. Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе подробному описанію подобныхъ „такiа“, скажемъ нѣсколько словъ о самихъ ремесленникахъ и объ ихъ цеховомъ устройствѣ.

Идея поднятія значенія определеннаго вида труда въ глазахъ народа и желаніе привлечь большее число охотниковъ заставляли придавать ему высокое божественное происхожденіе, подтверждаемое такъ называемой „рисалей“ (трактатомъ или уставомъ), въ которой кромѣ свѣдѣній о божественномъ происхожденіи даннаго вида дѣятельности, говорится также, какими нравственными качествами долженъ отличаться каждый, избравшій этотъ родъ занятій, и какія на немъ лежать обязанности.

Такъ, на примѣръ, рисаля землевладѣльцевъ гласитъ, что первымъ пахаремъ былъ Адамъ (причисляемый мусульманами къ лику пророковъ) и что Архангелъ Гавріиль доставилъ ему изъ рая воловъ и всѣ земледѣльческія орудія и, по Божьему повѣленію, научилъ воздѣлывать пшеницу.

Переходя затѣмъ къ нравственнымъ качествамъ и обязанностямъ ремесленника, предписываемымъ ему рисалей, мы находимъ слѣдующія общія положенія: во 1-хъ, каждый ремесленникъ долженъ быть душевно и тѣлесно чистымъ, правдивымъ, щедрымъ, богобоязненнымъ и послушнымъ законамъ, а равно часто долженъ совершать молитвы и повторять эпитеты имени Божія (*акбаръ* — великій, *рахимъ* — милостивый, *кахгаръ* — гнѣвный, *гаффаръ* — всепрощающій и т. п.); во 2-хъ, каждый ремесленникъ, неизбѣжной у себя „ри-

сали“ своего ремесла, въ день страшнаго суда возстанетъ въ видѣ свиньи и будетъ проклятъ всеми ангелами и святыми; въ 3-хъ, каждый, имѣющій у себя рисалю, совершающій намазы и дающій духовенству нѣкоторую часть своихъ доходовъ, получить крупныя воздаянія, и въ будущей жизни его ожидаетъ та же награда, которая обѣщана тѣмъ, кто истребляетъ невѣрныхъ, кто строитъ мечети и мадраса и пр.; и, наконецъ, въ 4-хъ, кто не вѣритъ тому, что написано въ рисалѣ, тотъ проклятъ и невѣрный, а его жена должна быть разведена съ нимъ, какъ съ богоотступникомъ.

Эти рисали, принадлежащія цеху мѣстныхъ улемовъ, и понинѣ сохраниющія свое значеніе для нѣкоторыхъ ремесленниковъ, должны считаться въ высшей степени поучительными потому, что онѣ являютъ собою прекраснѣйшій образчикъ міровозрѣнія и косности туземныхъ мусульманъ, такъ равно и той роли, которую играютъ въ жизни туземца такъ называемые улемы, то мусульманское духовенство, о которомъ было упомянуто выше.

Вѣруя въ божественное происхожденіе извѣстнаго ремесла, каждый цехъ имѣетъ своего патрона—въ лицѣ одного изъ пророковъ или святыхъ, подъ непосредственнымъ духовнымъ покровительствомъ котораго долженъ находиться всякій, принадлежащій къ этому цеху. Въ общихъ своихъ чертахъ цеховое устройство тождественно съ устройствомъ разныхъ религіозно-мистическихъ орденовъ, и „такія“ ремесленниковъ служила тѣмъ же цѣлямъ, какія преслѣдовались въ „такія“ названныхъ орденовъ, а именно—подготовленіе людей къ извѣстнаго рода дѣятельности. Точно также, какъ у этихъ орденовъ, во главѣ извѣстнаго ремесла стоялъ главный мастеръ, называемый также *«пиръ» «устадъ» «баба»*, обязанность котораго заключается въ обученіи данному ремеслу поступающихъ къ нему въ такія, а затѣмъ послѣ установленнаго испытанія отпускать ихъ съ благословеніемъ (*фатиха*) и званіемъ „уста“ (мастеръ), дающимъ ему право открывать свою собственную мастерскую и обучать другихъ тому же ремеслу. Хотя такой выпущенный изъ такія уста и приносилъ немалую пользу пирю или бабѣ своими трудами во время бытности въ такія „хальфою“ (ученикомъ), но даровое обученіе ремеслу и проживаніе иногда въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на иждивеніи этого пира, налагаютъ на него нравственную обязанность удѣлять часть своихъ заработковъ въ пользу своего учителя, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неудачи въ его предпріятіяхъ,

послѣдній обязанъ предоставлять ему у себя въ такія безерочный пріютъ и пропитаніе. На бабѣ-же всецѣло лежитъ отвѣтственность и за дѣйствія выпущенныхъ имъ мастеровъ предъ ихъ кліентами. Кромѣ того всякій пріѣзжій изъ другаго мѣста уста, доказавши свою правоспособность носить это званіе, имѣетъ право требовать пріюта и прокормленія въ мѣстной цеховой такія до тѣхъ поръ, пока баба не отыщетъ соответствующихъ его ремеслу занятій.

Въ настоящее время, влѣдствіе новыхъ требованій и условій мѣстной жизни, созданныхъ здѣсь русскимъ господствомъ, и благодаря новымъ вѣяніямъ, давшимъ сильный толчекъ развитію промышленности въ совершенно иномъ направленіи, число ремесленныхъ такія въ Средней Азии значительно уменьшилось. Часть ихъ вовсе прекратила свое существованіе, подъ вліяніемъ новаго теченія социальной жизни, часть будучи заброшена, обратилась въ притоны разныхъ кукнаристовъ, анашистовъ, мелкихъ ворюшекъ и т. п. нежелательнаго элемента. Только немногіе, какъ напримѣръ такія мыловаровъ, *джуазкашовъ* (маслобойщиковъ), коноховъ и нѣкоторыхъ другихъ ремесленниковъ низшаго разряда, продолжаютъ тянуть свое жалкое существованіе, немощно опирающееся на отжившія свой вѣкъ традиціи.

Хаджъ.

Одной изъ важнѣйшихъ обязанностей каждаго вѣрующаго мусульманина въ отношеніи „Аллаха“ считается „хаджъ“ (паломничество въ Мекку) для совершенія разнаго рода религіозныхъ обрядовъ какъ въ Каабѣ, главнѣйшей святынѣ Мекки, такъ равно и въ окружающихъ Мекку святыхъ мѣстахъ, каковы: „маджанъ“ (яма въ которой Авраамъ, будто-бы мѣсилъ известь для постройки Каабы, считавшейся арабами святыней еще до Мухаммада), могила Агари, холмы Сафа и Мерва и др.

Описаніе всѣхъ совершающихся здѣсь обрядовъ заняло-бы слишкомъ много мѣста, а потому достаточно сказать, что, по совершеніи этихъ обрядовъ, получивъ званіе *хаджія* (совершившаго хаджъ), значительная часть паломниковъ направляется въ Медину для поклоненія гробу пророка. Затѣмъ каждый хаджи чувствуя себя въ значительной мѣрѣ освященнымъ и душевно обновленнымъ, путемъ прикосновенія къ мусульманскимъ святынямъ, воз-

вращается на родину, гдѣ его встрѣчаютъ съ чувствомъ особаго почтенія, гдѣ, по крайней мѣрѣ, среди своихъ сородичей и знакомыхъ, онъ, удостоившійся не только лицедрѣть, но касаться столькихъ святыхъ, сразу занимаетъ положеніе человѣка, окруженнаго ореоломъ нѣкоторой святости, снабжающей его, въ зависимости отъ умѣнія пользоваться своими прерогативами, большей или меньшей степенью авторитетности въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Это, въ свою очередь, въ виду малаго развитія громаднаго большинства лицъ, удостоившихся званія хаджи, превращаетъ ихъ въ сущности въ святошъ и изувѣровъ, весьма часто пользующихся исключительностью своего положенія не только для эксплуатаціи народнаго невѣжества, но и для воздѣйствія на умы окружающаго ихъ темнаго люда.

Не только во времена хановъ и эмировъ, но и за время нашего владычества въ Средней Азіи, было немало случаевъ, когда возвращавшіеся изъ Мекки халжи, нафанатизированные общеніемъ съ мусульманскими святынями и окруженные въ глазахъ толпы ореоломъ святости и авторитетности, распускали самые нелѣпые слухи, надолго приводившіе умы въ состояніе броженія. Такъ напр., въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ халжи, возвратившіеся изъ Мекки, принесли оттуда и распространили по всей Средней Азіи вѣсть, что въ самомъ непродолжительномъ времени во внутренностяхъ одной курицы появится маленькая змѣя, изъ которой вслѣдъ за тѣмъ народится „*даджаль*“ (антихристъ), почему всѣмъ вѣрующимъ слѣдуетъ немедленно же приступить къ истребленію всѣхъ куръ, дабы попутно съ этимъ умертвить и ту, во чревѣ которой хранится зародышъ антихриста. На бѣду распространеніе этого нелѣпаго слуха совпало съ появленіемъ (по крайней мѣрѣ въ Туркестанскомъ краѣ) болѣзни куръ, у которыхъ появились кишечные глисты и вотъ во всемъ Туркестанскомъ краѣ туземцы немедленно приступили къ поголовному избіенію родительницъ антихриста, причемъ, не взирая на крайнюю меркантильность сартовъ, въ самомъ непродолжительномъ времени погибло нѣсколько сотъ тысячъ этихъ полезныхъ птицъ.

Русская администрація приняла зависѣвшія отъ нея мѣры: были демонстрированы передъ народомъ кишечники только что убитыхъ куръ и указывалось, что въ ихъ кишечникахъ содержатся глисты, а не змѣи; но, не смотря на это, избіеніе продолжалось еще нѣкоторое время, при чемъ наиболѣе догадливые стали не избивать, а продавать христіанамъ и евреямъ на убой по 1—2 коп. за штуку.

Муй-Мубаракъ.

Сказавъ нѣсколько общихъ словъ о паломничествѣ въ Мекку, нельзя не упомянуть о томъ, что въ прежнее время нѣкоторые изъ наиболѣе сообразительныхъ хаджievъ, желая восполнить траты, сдѣланныя ими во время путешествія, привозили волосъ или похожее на послѣдній растительное волокно, которое они выдавали за волосъ изъ бороды мусульманскаго пророка и называли его поэтому „*муй-мубаракъ*“, т. е. благословенный волосъ. Такіе муй-мубараки покупались у ихъ обладателей бывшими мусульманскими правителями или богатыми людьми за большія относительно деньги, вкладывались въ особые футляры или хранилища и замуравливались по большей части въ небольшіе башни, воздвигавшіеся при мечетяхъ, при минаретахъ святыхъ и т. п. Муй-мубараки илѣются во многихъ туземныхъ городахъ и чтутся мусульманскимъ населеніемъ какъ святыни, поклоненіе которымъ, будучи душеспасительнымъ вообще, въ частности можетъ гарантировать вѣрующимъ отъ болѣзней и другихъ бѣдъ.

Мазары и Кладбища.

Не малый интересъ представляютъ изъ себя мусульманскіе *мазары* и *кладбища*, и по той именно причинѣ, что первые, привлекая къ себѣ тысячи поклонниковъ и богомольцевъ, какъ безмолвные свидѣтели былого мусульманскаго величія, служатъ неизсякаемымъ источникомъ развитія религіознаго фанатизма въ послѣдователяхъ Мухаммада; а вторые, ввиду современныхъ санитарныхъ требованій, являются предметомъ постоянной борьбы нашего правительства съ закоренѣлымъ обычаемъ мѣстнаго мусульманскаго населенія хоронить своихъ покойниковъ въ чертѣ города или селенія, не зарывая ихъ на достаточную глубину.

Какъ было сказано выше, въ отдѣлѣ объ ишанахъ, мазары воздвигались надъ прахомъ мусульманскихъ праведниковъ, принадлежавшихъ, преимущественно, къ суфійскимъ орденамъ и причисленныхъ своими преемниками къ лику святыхъ.

Смотря на возведеніе памятниковъ надъ извѣстными святыми, какъ на одно изъ душеспасительныхъ средствъ, благочестивые мусуль-

мане не жалѣли средствъ на украшеніе могилъ своихъ патроновъ великолѣпными зданіями и обезпечили послѣдніа вакуфными имуществами. При мазарахъ, болѣе или менѣе богатыхъ вакуфными имуществами, обыкновенно, имѣются мечеть, ханака, а иногда и мадраса.

Охраняются мазары шейхами, которые въ большинствѣ случаевъ производятъ себя отъ того святого, при мазарѣ коего состоятъ, и принадлежатъ къ тому или другому мистическому ордену. Сплошь и рядомъ нѣкоторые изъ шейковъ мазара вмѣстѣ съ тѣмъ и ишаны, имѣющіе большое число мюридовъ, являясь, такимъ образомъ, центромъ извѣстнаго мусульманскаго кружка.

Кромѣ шейковъ при мазарѣ находится нѣсколько „кариевъ“, чтенцовъ Корана.

Въ большихъ мазарахъ для поклоненія назначаются опредѣленные дни, и тогда почитатели святого собираются сюда сотнями. Весь сборъ пожертвованій съ прибывающихъ на поклоненіе почти цѣликомъ поступаетъ въ пользу шейковъ и другихъ лицъ, живущихъ при мазарѣ. Пожертвованія эти бывають иногда такъ велики, что напримѣръ, шейхи мазара Бахавуддина въ Бухарѣ сдаютъ этотъ сборъ добровольныхъ пожертвованій въ аренду за нѣсколько тысячъ рублей въ годъ.

Маддахи.

Всякій, кому приходилось бывать въ туземныхъ городахъ и селеніяхъ, не разъ, вѣроятно, съ невольнымъ любопытствомъ останавливался предъ толпой мусульманъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушающихъ рассказы муллы, который, расхаживая среди этой толпы большими шагами, похожими скорѣе на прыжки, нервно жестикулируя, съ засученными рукавами и подчасъ съ непокрытой головой, весь въ поту и разгоряченный, съ жаромъ выкрикиваетъ какую нибудь исторію, стараясь, повидимому, своими убѣдительными рѣчами подействовать на окружающихъ.

Лицо это носитъ названіе „маддахъ“. Существовали ли маддахи до XVII столѣтія, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній, но съ указаннаго времени въ мѣстныхъ туземныхъ источникахъ объ нихъ уже встрѣчаются свѣдѣнія, хотя и краткія.

Мѣста проповѣдей маддаховъ были излюбленными мѣстами для праздныхъ мусульманъ, куда эти послѣдніе стекались сотнями и ты-

сячами для того, чтобы или послушать извѣстнаго рассказчика, или просто для препровожденія времени. Маддахи не ограничивались рассказами религіозно-правственнаго содержанія, а съ цѣлью произведенія на слушателей болѣе сильнаго впечатлѣнія, весьма умѣло начали касаться вопросовъ современной имъ жизни и вдаваться въ ихъ оцѣнку съ религіозной, конечно, точки зрѣнія. Хитроумные маддахи, говорятъ, могли такъ экзальтировать суевѣрную толпу, что заставляли ее навзрыдъ плакать и рѣшаться на разные самоотверженные поступки. Отсюда понятно, что болѣе или менѣе талантливый маддахъ, обладающій нѣкоторою способностью внушать свои мысли довѣрчивой толпѣ, являлся руководителемъ ея мнѣній и часто игралъ довольно значительную роль въ политическихъ событіяхъ даннаго времени, на что имѣются нѣкоторые указанія въ исторіи мѣстныхъ ханствъ. Это съ одной стороны. Съ другой же стороны, будучи не столько рьяными пропагандистами ученія ислама, какими были, напримѣръ, „ваизы“ (другого рода проповѣдники), маддахи, разжигая въ своихъ слушателяхъ религіозныя страсти и зачастую доводя ихъ до полнаго экстаза, не стѣснялись, во имя Бога, пророка и всѣхъ святыхъ, вымогать отъ нихъ имущества и деньги. Со временемъ, выпрашиваніе денегъ, имущества и вѣды стало необходимымъ послѣдствіемъ дѣятельности маддаховъ, которая и была низведена до степени предмета торговли или, въ лучшемъ случаѣ, была обращена въ средство для партійной борьбы. Сами маддахи превратились въ уличнаго, отчасти политическаго оратора и эксплуататора религіознаго чувства своихъ слушателей. То значеніе, какое стало пріобрѣтать маддахъ въ народной жизни, и, главное, та легкость наживы, какая выпала на его долю, обратили его занятіе въ весьма выгодное ремесло и породили массу подражателей, нагло эксплуатирующихъ невѣжество мусульманской черни.

Обративъ дѣятельность свою въ средство для достиженія своихъ житейскихъ цѣлей, маддахи, естественно, должны были приспособляться ко вкусу своихъ слушателей и къ тѣмъ или другимъ требованіямъ политической и соціальной жизни данной мѣстности, результатомъ чего явилось полное искаженіе нѣкоторыхъ постановленій шаріата, идущее иногда въ разрѣзъ основнымъ положеніямъ ислама. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что многіе маддахи, ограничивавшіеся лишь заучиваніемъ цитатъ изъ корана и общепринятыхъ у нихъ рассказовъ, были очень малообразованы и, не

имѣя даже элементарныхъ свѣдѣній объ основахъ своей религи, часто впадали въ невольныя заблужденія.

Тѣмъ не менѣе мадахи продолжали существовать въ Средне-азиатскихъ государствахъ, пока благочестивѣйшій изъ Бухарскихъ эмировъ, Ша-Мурадъ-бий, а за нимъ и его сынъ, Амиръ-Хайдаръ, задавшіеся цѣлью очищенія ислама отъ всякихъ нововведеній и ересей, не предприняли противъ нихъ энергичнаго въ предѣлахъ Бухарскаго ханства гоненія. Въ царствованіе этихъ двухъ эмировъ исчезли было *мадахи*, *хафизы* (пѣвцы), *кисса-ханы* (чтецы) и проч.; но при эмирѣ Насруллѣ мадахи появились вновь и съ новою силою взяли за обираніе народа.

Будучи поддерживаемы и въ слѣдующемъ за Насруллою царствованіи Музаффара, число мадаховъ быстро увеличилось, и въ настоящее время ими переполнены базары всего Бухарскаго Ханства и нашихъ русскихъ Средне-азиатскихъ владѣній.

Въ большинствѣ мадахи эти, не имѣя постоянного мѣста жительства, или, вѣрнѣе, дѣйствія, ведутъ странствующій образъ жизни, переходя изъ одного населеннаго пункта въ другой. При мадахѣ почти всегда имѣются 2—3 человѣка его учениковъ и нѣсколько лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ, смѣшавшись со слушателями, подкакивать мадаху во время его разсказовъ и привлекать слушателей къ пожертвованіямъ въ его пользу. Нерѣдко эти подставныя лица, находясь, среди публики, пускаются на разные фокусы: прикидываясь напримѣръ, воодушевленными словами мадаха, дѣлаютъ довольно крупныя пожертвованія, разумѣется, изъ собственныхъ средствъ того-же мадаха, и тѣмъ вызываютъ въ невѣжественной толпѣ не мало подражателей. Часто мадахи странствуютъ совмѣстно съ какимъ нибудь фокусникомъ или музыкантомъ, служащимъ для нихъ средствомъ для приманки публики.

Темы для своихъ разсказовъ они преимущественно заимствуютъ изъ книги „*Кыссаъ-уль-анбія*“ (разсказы изъ ветхаго завета), причемъ подспорьемъ служатъ „*Сіяри-Шарифъ*“ и др. сочиненія духовно нравственнаго содержанія. Многіе изъ мадаховъ, какъ было замѣчено выше, обладаютъ большимъ искусствомъ разсказывать увлекательно. Заинтересовавъ слушателей, мадахъ обыкновенно прерываетъ свой разсказъ и обращается къ публикѣ съ предложеніемъ сдѣлать пожертвованіе во имя Бога или того святого, который служитъ предметомъ его разсказа, при чемъ не стѣсняется

въ обѣщаніяхъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ тому, кто внесетъ просимую сумму. Настоятельно выпрашивая деньги, и начавъ съ довольно крупной суммы, онъ постепенно переходитъ къ нѣсколькимъ *пулямъ* (грошамъ) и въ результатѣ получаетъ все-таки болѣе или менѣе значительный кушъ. Если ко всему этому прибавить что мадахъ всякій свой разсказъ заканчиваетъ молитвой за вѣру, за царя (разумѣя главу мусульманскаго государства) и за народъ, то этимъ исчерпывается нашъ краткій очеркъ о немъ.

Учебныя заведенія.

Главнѣйшимъ распространителемъ среди туземнаго населенія знаній мусульманскаго вѣро- и законо-ученія, разсадникомъ книжничества и ханжества, главнѣйшей поддержкой мусульманскаго обскурантизма, являющагося прямымъ слѣдствіемъ представленія, что коранъ и развившійся на его почвѣ шаріатъ являются вполнѣ совершенными кодексами, не могущими быть измѣняемыми или дополняемыми, вообще главнѣйшимъ оплотомъ ислама до сего времени являются мусульманскія учебныя заведенія: *мактабъ*, *далаяиль-ханъ*, *кариханъ* и *мадраса*.

Мактабъ.

Мактабъ (иначе мактабъ-ханъ)—нишная мусульманская школа грамотности.

Мактабы имѣются какъ въ городахъ, такъ равно въ *кишлакахъ* (селеніяхъ) и въ *аулахъ* (кочевого населенія).

Общее число мактабовъ въ Самаркандской области—1720 съ 15,029 учащимися.

Наибольшая часть этихъ школъ открываются обществомъ или, вѣрнѣе сказать, приходомъ мечети, при чемъ учебныя занятія производятся или въ этой послѣдней, или въ особыхъ кельяхъ, имѣющихся при многихъ, особенно городскихъ мечетяхъ. На должность учителя приходомъ приглашается имамъ или „*азанчи*“ данной мечети, а въ случаѣ ихъ отказа, неспособности или другихъ какихъ-либо причинъ, постороннее лицо. Рѣже, особенно въ городахъ, гдѣ много грамотнаго люда, ищущаго заработка, мактабъ открывается частнымъ лицомъ на свой страхъ и такіе мактабы по большей

части помѣщаются въ домахъ открывающихъ ихъ учителей. Наконецъ, въ наиболѣе рѣдкихъ случаяхъ, мактабъ открывается при „мадраса“ или при „кары-ханъ“.

Женскіе мактабы, сравнительно малочисленные, въ большинствѣ случаевъ помѣщаются въ домахъ открывающихъ ихъ учительницъ (атунь).

Ученики мактаба (шакирдъ) обучаются механическому чтенію и письму.

Сначала выучиваются буквы арабскаго алфавита, затѣмъ проходятъ слоги по способу буки азъ-ба, вѣди азъ-ва и т. д. Послѣ этого переходятъ къ механическому чтенію части корана такъ называемому „хавтіяку“. (Въ рѣдкихъ случаяхъ прочитывается весь коранъ). Затѣмъ также механически, безъ пониманія прочитаннаго, проходя или вѣрнѣе выучиваются читать, книги: „Чаркитобъ“, Ходжа-Хафизъ, Суфи-Аллаяръ, Фузули и пр. Чаркитобъ, заключающій въ себѣ главнѣйшія основы мусульманскаго богословія, и сборникъ стихотвореній Хафиза написаны на персидскомъ языкѣ, непонятномъ ни для дѣтей-тюрковъ, незнающихъ персидскаго языка, ни для дѣтей вообще, вслѣдствіе недоступности ихъ пониманію того, о чемъ въ нихъ трактуется. По этой же послѣдней причинѣ непонятными до извѣстнаго возраста остаются произведенія Суфи-Аллаяра, Фузули и др.

Обученіе письму въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничивается выучкой списыванія съ прописей и съ книгъ, ибо сами учителя зачастую пишутъ по-тюркски и по-персидски крайне безграмотно. Ариметика по большей части не преподается.

Старшіе ученики обучаются совершенію омовеній и намазовъ. Мальчикъ среднихъ способностей, проучившись въ мактабѣ 5—6 лѣтъ, уноситъ оттуда лишь умѣнье механически читать, и то не всякую книгу, не всегда каллиграфически списывать съ оригинала и читать наизусть тѣ молитвы, которыя полагается произносить при совершеніи намаза.

По окончаніи обученія въ мактабѣ, наибольшая часть бывшихъ учениковъ послѣдняго возвращается къ обычнымъ занятіямъ своихъ родителей, быстро забывая все то немногое, что они успѣли усвоить въ школѣ. Лишь наиболѣе любознательные или тѣ, которымъ по роду ихъ дѣятельности знаніе грамоты оказывается необходимымъ, стараются не только не забыть воспринятое, но, по возмож-

ности пойти нѣсколько дальше, путемъ или самодѣятельности, или частныхъ уроковъ у знающихъ людей.

Незначительное меньшинство поступаетъ въ мадраса.

Вотъ причины, по которымъ, не смотря на громадное число мактабовъ въ краѣ, мы встрѣчаемъ здѣсь еще болѣе громадное число безграмотныхъ людей.

Значительное число ихъ въ свое время обучались въ мактабѣ, но одни, выйдя оттуда и, не соприкасаясь болѣе съ грамотой, быстро забыли то, чему когда то понапрасну учились, а другіе, не выдержавъ методичности битвы своихъ учителей, малодушно покинули преддверіе храма мусульманской науки.

Прекрасной иллюстраціей къ сказанному является помѣщенная въ справочной книжкѣ Самаркандской Области на 1895 годъ Н. М. Вирскаго: „Дюрткульская волость“, авторъ которой указываетъ, между прочимъ, на то, что, не смотря на находеніе въ Дюрткульской волости 32 мактабовъ, волостной управитель (той же волости) умѣетъ только читать, а остальной персоналъ администраціи неграмотный; слѣдовательно, населеніе волости, выбирая на означенныя должности лучшихъ изъ своей среды людей, не можетъ найти 11-ти грамотныхъ.

Учитель мактаба (дамулла), какъ ужъ было замѣчено выше, или приглашаемый въ городахъ прихожанами мечети, или открывающій мактабъ на свой страхъ, въ большинствѣ случаевъ не получаетъ опредѣленнаго содержанія; его трудъ оплачивается приношеніями учащихся, дѣлаемыми еженедѣльно по четвергамъ (пейшамбеликъ), передъ двумя годовыми праздниками (рамазанъ и курбанъ), при переходѣ учениковъ отъ одного отдѣла обученія къ другому и при окончаніи ими курса. Ученики дарятъ своему дамуллѣ разнаго рода съѣстные продукты, маленькія суммы денегъ, халаты и т. п.

Въ кишлакахъ нѣрѣдки случаи приглашенія дамуллы съ обязательствомъ уплаты за каждаго ученика опредѣленнаго количества денегъ и зерноваго хлѣба.

Даляиль-ханъ.

Даляиль ханъ есть учебное заведеніе низшаго типа, въ которомъ учащіеся, по большей части совершенно незнакомые съ арабскимъ языкомъ, подъ руководствомъ своего даляиль-хана, заучи-

вають наизусть написанна на арабскомъ языкѣ особия молитвы, *даляиль-и-хайромъ*, содержаніе которыхъ для большинства ихъ навсегда остается малозвѣстнымъ.

Если продуктивность обученія въ мактабѣ представляется, въ общемъ, очень и очень незначительной, то *даляиль-хана*, въ смыслѣ цѣлей и пользы народнаго образованія, должна быть признана безусловно бесполезной.

Эти школы имѣются въ очень ограниченномъ числѣ лишь въ *Ферганѣ* и *Ташкентѣ*.

Кары-хана.

Кары-хана представляетъ собою столько же учебное заведеніе, сколько и особый видъ богадѣльни, или *вѣриѣ*, пріюта для слѣпыхъ, ибо ея учениками и постоянными обитателями, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, являются слѣпцы, по большей части взрослые, занимающіеся подъ руководствомъ *карыбаши* заучиваніемъ наизусть *корана*.

Выучивъ *коранъ* наизусть, но продолжая жить въ *кары-ханѣ* и постоянно практикуюсь въ своей профессіи, дабы не утратить усвоенныхъ ими знаній, *кары* имѣютъ случайные и постепенные заработки на сторонѣ, приглашаются для чтенія *корана* по покойникамъ, во время поста и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, или же состоятъ постоянными чтецами *корана* при гробницахъ и др. учрежденіяхъ, содержась на доходы съ особо завѣщанныхъ на сей предметъ *вакуфныхъ* имуществъ.

Что касается общественнаго положенія *кары*, то оно близко къ тому, которое въ свое время у насъ на Руси, особенно среди раскольниковъ, занимали такъ называемые *начетчики* и всѣ вообще лица, которые, обладая большимъ или меньшимъ знаніемъ Св. Писанія и книгъ, подобныхъ *Прологамъ*, *Цвѣтной минѣ*, *Сну Богородицы* и т. п. производили не малое впечатлѣніе на умы неграмотныхъ людей умѣньемъ уснащать свою рѣчь текстами изъ упомянутыхъ книгъ, интриговать своихъ темныхъ слушателей рассказами о разныхъ чудесахъ, въ родѣ невидимаго града *Китяжа* и тому подобныхъ вымысловъ, на которые всегда очень падко наивное воображеніе мало свѣдующаго человѣка.

Мадраса.

Подъ именемъ *мадраса* разумѣется высшая мусульманская школа, ученики которой, *муллы*, подъ руководствомъ „*мударрисовъ*“ (преподавателей), обучаются арабскому языку¹⁾, и мусульманскому вѣро- и законоученію.

Всѣ *мадрасы* Туркестанскаго края устроены частными лицами. Нѣкоторые изъ нихъ основаны бывшими ханами и ихъ женами, но послѣдніе, въ роли основателей этихъ школъ, явились тоже частными лицами, ибо, основавъ *мадраса*, завѣщавъ въ его пользу *вакуфъ*²⁾, и составивъ *вакуфный* документъ, они предъявляли послѣдній на утвержденіе *казія*, такъ какъ, согласно положеніямъ *ислама*, всякій юридическій актъ можетъ считаться дѣйствительнымъ тогда только, когда онъ закрѣпленъ приложеніемъ къ нему печати мѣстнаго мусульманскаго судьи.

Однако же, вслѣдъ за устройствомъ *мадраса* и снабженіемъ его тѣмъ или другимъ *вакуфомъ* (земли, *каравансарай*, лавки, мельницы, рѣже капиталъ), *мадраса* и его *вакуфное* имущество, переставъ быть собственностью ихъ основателя и завѣщателя превращаются *de jure* въ неотчуждаемое достояніе Бога, а *de facto* въ достояніе общества и государства, которое должно имѣть надзоръ за ними въ лицѣ: *казія*, *алыміона* (соответствующаго нашему инспектору и наблюдающему за учебной частью) и *мутавалли-баши* (наблюдающему за дѣйствіями *мутаваллиевъ* своего вилаета), въ завѣдываніи и распоряженіи которыхъ находятся *вакуфныя* имущества *мадраса* и ихъ доходы. Каждое благоустроенное *мадраса* имѣетъ видъ четырехъ-угольнаго зданія со внутреннимъ дворомъ и единственнымъ выходомъ на площадь или на улицу. Къ внутренней сторонѣ замкнутой четырехъугольной стѣны пристроены: мечеть, носящая въ данномъ случаѣ названіе *ханака*, *дарсхана* (аудиторія) и *худжра* (келья, въ которыхъ живутъ учащіеся), что придаетъ такому *мадраса* нѣкоторое сходство съ монастыремъ.

Въ *мадраса*, по крайней мѣрѣ въ учебное время года, проживаютъ:

¹⁾ Священному въ глазахъ мусульманъ, такъ какъ на немъ написанъ *коранъ*.

²⁾ Имущество на доходы съ котораго должно существовать *мадраса*.

- 1) *мударрисъ*-преподаватель (иногда ихъ нѣсколько);
- 2) *имамъ*-священникъ мечети (ханака, находящейся при мадраса);
- 3) *муэzzинъ* или *азончи*, выкрикивающей *азонъ* (призывъ на молитву);
- 4) *муллы*—(учащiеся);
- 5) *фарашъ*—(дворникъ) и
- 6) *сартарошъ*—(цырюльникъ).

Въ большинствѣ случаевъ одна изъ келiй мадраса предоставляется въ распоряженiе мутавалiа, который, какъ уже было замѣчено выше, завѣдуетъ зданiемъ и вакуфнымъ имуществомъ училища.

Кромѣ того, при мечетяхъ нѣкоторыхъ мадраса имѣются еще: *хатибъ*, на обязанности котораго лежитъ чтенiе по пятницамъ и годовымъ праздникамъ особыхъ проповѣдей (*хутба*) на арабскомъ языкѣ, и *максура-ханъ*, обязанный прочитывать опредѣленный для того времени коранъ.

Муллы, какъ это было уже замѣчено выше, обучаются въ мадрасахъ главнымъ образомъ арабскому языку, на что тратится отъ 3 до 5 лѣтъ, и мусульманскому праву по книгамъ шарiата, на арабскомъ языкѣ, при чемъ необходимыя объясненiя дѣлаются на одномъ изъ мѣстныхъ нарѣчiй. Попутно съ этимъ, учащiеся изучаютъ персидскiй языкъ и персидскую литературу, а равно и такъ называемый *мушкилятъ*, главную часть котораго составляютъ обрывки древне греческой философи, заимствованныя арабами изъ Византии, главнымъ образомъ, въ эпоху Богдадскихъ халифовъ, и впоследствии значительно искаженные, ради согласованiя съ ученiемъ ислама.

Ариметика (четыре дѣйствiя съ простыми числами) и искаженные клочки геометрiи (главнымъ образомъ измѣренiе площадей) проходятся обыкновенно попутно съ наследственнымъ правомъ, при чемъ, напр. всякiй вообще четырехугольникъ принимается за прямоугольный, а слѣдовательно, и любая изъ сторонъ косоугольнаго четырехугольника трактуется, какъ его высота. Теорiи дробей не знаетъ ни одинъ изъ мударрисовъ. Исторiей почти никто не занимается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при изученiи персидской литературы, читывается масса вздорныхъ книжекъ, поселяющихъ въ умахъ муллъ самыя превратныя понятiя по части географiи, анатомiи и физиологiи человека и т. п.

Многiя изъ прочитываемыхъ книгъ духовно-нравственнаго содержанiя не могутъ привести ни къ чему другому, кромѣ развитiя въ муллахъ изуверства, подобнаго изуверству adeptовъ нѣкоторыхъ нашихъ сектъ, и самому превратному представлению о нравственности.

Не взирая на крайне неодобрительныя отношенiя къ этому со стороны ислама, порнографическая литература, во зкусѣ „Физиологiи брака“ Дебе, и даже много порнографичнѣе оной, весьма обширна.

Муллы окончившiе полный курсъ мадраса, при счастii, получаютъ судебныя должности *казiевъ*, *муфтiевъ* и *аглямовъ* или учебныя должности *мударрисовъ* и *мукаррировъ* (репетиторовъ въ мадрасахъ).

Весьма многiе ученики старшаго класса отправляются въ главнѣйшiя мадраса города Бухары, для завершенiя тамъ своего богословскаго и юридическаго образованiя.

Значительное число муллъ оставляютъ мадраса, далеко не окончивъ ихъ полнаго курса; въ этомъ случаѣ они уносятъ съ собой, кромѣ болѣе или менѣе обстоятельнаго знанiя персидскаго и неполнѣе обстоятельнаго знанiя арабскаго языковъ, лишь хаосъ превратныхъ представлений о физической и духовной жизни, преувеличенное понятiе о своей учености, привившiеся къ нимъ въ стѣнахъ мадраса наклонность къ ханжеству и фарисейству, стремленiе не только эксплуатировать народъ на почвѣ книжничества и святошества, въ роли *дуагуевъ* (или *духановъ*), отчитывающихъ больныхъ, въ роли составителей разнаго рода писанныхъ *тумаровъ* (амулетъ) и проч., но и влiять такъ или иначе на настроенiе народныхъ умовъ, прикидываясь хранителями и носителями мусульманскаго благочестiя.

Выше было уже замѣчено, что согласно мусульманскимъ законоположенiямъ, государство должно имѣть надзоръ за мадрасами въ лицѣ казiевъ, алямiоновъ и мутавалли-баней.

Однако же, по занятiю нами края, алямiоны и мутавалли-бани, еще предъ этимъ имѣвшiеся далеко не во всѣхъ вилаятахъ, упряднились какъ то сами собой, а надзоръ казiевъ слѣбался совершенно фиктивнымъ, при чемъ всѣ соприкосновенiя ихъ съ мадрасами обыкновенно заканчивались совершенiемъ какихъ либо незаконнiй. Такъ напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ ташкентскихъ казiевъ продалъ въ частныя руки вакуфныя земли мадраса Холжа—Ахраръ,

а вырученные деньги разделили со старшим аксакаломъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ этой небезвыгодной для нихъ операціи.

Самаркандскіе казіи самопроизвольно превратили мадраса Махдуми-Харазмъ въ кары-хану.

Мударрисъ и мутавалли одного изъ Кокандскихъ мадраса, войдя въ сдѣлку съ казіемъ и продавъ съ его разрѣшенія вакуфную землю, принадлежавшую этому мадраса, подъ предлогомъ малой ея доходности, на вырученные отъ этой продажи деньги построили хозяйственнымъ способомъ торговую баню, которая на слѣдующій же годъ развалилась, при чемъ мадраса безвозвратно лишилась вакуфнаго имущества.

Въ свое время было констатировано значительное число случаевъ подобнаго хищенія вакуфа.

Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ Іюня 1890 г. по Іюнь 1893 г., мадраса Туркестанскаго края были приведены въ извѣстность, при чемъ въ послѣдовательно представлявшихся отчетахъ заключались подробныя описанія современнаго состоянія мадраса, ихъ внутренняго быта, соотношеній между мударрисами, мутавалліями и муллами, учебной программы и способовъ ея выполненія и т. п., а равно, и подробныя статистическія данныя: названія и мѣста нахожденія мадраса, именныя списки мударрисовъ и мутавалліевъ, число муллъ, количество разнаго рода вакуфныхъ имуществъ, принадлежащихъ мадрасамъ и ихъ доходность.

Согласно отчетамъ, въ Самаркандской Области имѣется 65 мадраса. (Изъ этого числа въ 6-ти мадрасахъ, влѣдствіе плохаго состоянія зданій, отсутствія вакуфныхъ имуществъ и др. причинъ, занятій не производится).

При означенныхъ мадрасахъ состоятъ:

1) *мударрисовъ* (преподавателей) 85, и

2) *муллъ* (учащихся)—1854.

Въ вакуфномъ владѣніи этихъ мадраса въ 1895 году состояло:

1) земель—3528 десятинъ;

2) лавокъ—254;

3) мѣсть подъ лавками, построенными частными лицами—396;

4) каравансараевъ 9;

5) мѣсть подъ каравансараями, выстроенными частными лицами—4;

6) мельницъ—6.

До 1896 года вакуфнаго дохода со всѣхъ вышеупомянутыхъ имуществъ поступило въ подлежація мадраса 28,555 руб.

За 1896 и 1897 годы общее количество вакуфныхъ доходовъ мадраса уменьшилось влѣдствіе непризнанія владѣнія нѣкоторыми вакуфными имуществами.

Одновременно съ приведеніемъ означенныхъ школъ въ извѣстность были констатированы: крайняя распушенность муллъ и многихъ мударрисовъ и хищенія вакуфныхъ имуществъ.

Современный надзоръ за мадрасами можетъ быть признанъ скорѣе фиктивнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, а состояніе этихъ школъ далеко не удовлетворяющимъ основнымъ задачамъ обрусѣнія края. Преподаватели старательно доказываютъ мулламъ, что на ихъ священной обязанности лежитъ истребленіе невѣрныхъ; что каждый изъ нихъ долженъ жертвовать опредѣленную часть своего имущества (закать) на бѣдныхъ мусульманъ и на веденіе священной войны; что прелюбодѣя и прелюбодѣйку необходимо наказывать, смотря по тяжести совершеннаго ими преступленія, или ударами плети, или побіеніемъ камнями, а вору и воровкѣ, дабы не преступить повелѣнія пророка, слѣдуетъ отсѣкать руку.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что переводъ книгъ шаріата на тюркскій (узбекскій) и персидскій языки даже и съ мусульманской точки зрѣнія не представляетъ собою какого-либо посягательства на религіозное чувство мусульманъ, ибо сами послѣдніе признаютъ грѣховнымъ переводъ съ арабскаго на другой какой-либо языкъ одного лишь корана.

Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служитъ то обстоятельство, что въ Кашгарѣ и Хивѣ шаріатъ проходитъ въ тамошнихъ мадрасахъ, по большей части, на тюркскомъ языкѣ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ ташкентскихъ жителей перевелъ на тотъ же языкъ (и издалъ) одну изъ книгъ шаріата, *Мухтасаръ-уль-Викая*.

Къ сожалѣнію переводъ сдѣланъ въ очень плохихъ и крайне необстоятельно изложенныхъ стихахъ.

Дервишизмъ въ Туркестанѣ.

Несмотря на большое число мусульманъ въ Россіи, въ нашемъ обществѣ весьма слабо распространены свѣдѣнія о дервишизмѣ, или суфизмѣ, представляющемъ непремѣнную принадлежность мусульманства какъ суннитскаго, такъ равно и шіитскаго толковъ, а между тѣмъ дервишизмъ существуетъ въ немъ почти повсюду въ томъ или въ другомъ видѣ, въ той или другой степени развитія и распространенія. Причины малаго знакомства русскаго общества съ дервишизмомъ, нужно думать, заключается въ томъ, что въ мусульманскихъ мѣстностяхъ внутренней Россіи и на Кавказѣ не встрѣчается дервишей въ томъ видѣ, въ какомъ они невольно бросаются каждому въ глаза въ Турціи и сѣверной Африкѣ. Только занявъ Среднюю Азію, мы лицомъ къ лицу столкнулись, съ такъ называемыми, бѣснующимися дервишами. На улицахъ почти всѣхъ туркестанскихъ городовъ нрѣдко встрѣчаются отбѣнно грязные, оборванные, лохматые люди, одѣтые въ странный костюмъ изъ разноцвѣтныхъ локутьевъ, съ остроконечною шапкою на небритой головѣ; они ходятъ то въ одиночку, то толпами, и распѣваютъ дикими голосами, собирая подаянія въ особія кубышки, сдѣланныя изъ тыквы-горлянки. Это мѣстные дервиши, члены, по большей части, весьма распространеннаго средне-азіатскаго дервишскаго ордена Накшбенди; у сартовъ они носятъ названіе каляндарей, русскіе же, обыкновенно, называютъ ихъ дуванами (дивона), придавая этому слову понятіе и юродиваго, и калики-перехожаго. Кромѣ каляндарей, къ отдѣлу явныхъ дервишей, большею частью, принадлежатъ и уличные проповѣдники (мадлахя); это, преимущественно, пожилые люди, одѣтые въ обыкновенный, но изрядно растрепанный и оборванный костюмъ сарта. Они появляются въ людныхъ мѣстахъ и на базарахъ, и громкимъ голосомъ, съ изступленнымъ видомъ крайне агитированнаго субъекта,

смѣло ведутъ проповѣдь въ духѣ яраго фанатизма, или же рассказываютъ поучительную жизнь какого нибудь святого дервиша-ишана, преимущественно, главы или дѣятеля того ордена, къ которому принадлежитъ самъ проповѣдникъ. Тѣ и другіе дервиши доступны непосредственному наблюденію всѣхъ и каждаго, но, кромѣ ихъ, въ средѣ мусульманъ разсыпана цѣлая армія дервишей, живущая своею оригинальною, самобытною жизнью. На Кавказѣ они извѣстны подъ именемъ мюридовъ, въ мусульманскихъ же мѣстностяхъ внутренней Россіи и Сибири, а также и въ Средней Азійи они носятъ названіе ишановъ (начальники орденовъ и ихъ вѣтвей) и мюридовъ (второстепенныхъ членовъ братствъ). Этотъ видъ дервишей совершенно не замѣтенъ для невнимательнаго глаза, хотя въ мусульманскихъ странахъ они нерѣдко представляютъ собою многочисленныя, тѣсно сплоченныя братства, хранящія въ себѣ могучую скрытую силу, вырывающуюся иногда наружу неожиданно и крайне бурно, какъ то было, на примѣръ, на Кавказѣ.

По своему существу дервишизмъ, или иначе суфизмъ¹⁾, представляетъ собою мистико-спиритуалистическое ученіе, во многомъ не согласное съ основными положеніями корана; это самостоятельное ученіе съ конечнымъ результатомъ не только достиженія рая (идеаль кораническаго ученія), но и приближенія къ Богу и исчезновенія въ его существѣ, изъ чего видно, что дервишизмъ ставитъ конечною задачею обоготвореніе человѣческаго духа. Дервиши стараются достигнуть этого созерцательною жизнью и извѣстными видами подвижничества, нужно думать, заимствованными отъ древнихъ религій Востока, а отчасти у христіанскихъ аскетовъ.

Причины появленія такой секты въ мусульманствѣ, мистическій идея которой получили особенно широкое развитіе и обработку у шиитовъ, пока точно не изслѣдованы. Во всякомъ случаѣ, основныя положенія суфизма не покоятся на идеяхъ и постановленіяхъ корана. Создатель ислама, самъ крайній деистъ, завѣщаль своимъ послѣдователямъ религію чисто монотеистическую, а по внѣшности—

¹⁾ Дервишамъ присвоено нѣсколько названій; такъ, въ Индіи они называются *факирами*, въ Персіи арабскимъ именемъ *суфи*, въ Турціи и сѣверной Африкѣ персидскимъ словомъ *дервиши*, на Кавказѣ *мюриды*, а въ Средней Азійи и у нашихъ татаръ *ишаны* или *ишаны*. — „Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ“, Позднева. Оренбургъ, 1886 г.

обрядовую, формальную, безъ примѣси философскаго элемента. Основныя положенія ислама кратки, просты и сразу понятны даже мало развитому уму, въ чемъ нельзя не видѣть тайны его успѣха среди народовъ, стоящихъ на болѣе или менѣе низкой ступени культурнаго развитія. Поэтому причины появленія и развитія въ мусульманствѣ секты съ мистико-философскимъ направленіемъ, скорѣе всего, кроются въ историческихъ условіяхъ его хода и развитія въ родинѣ пророка. Выйдя при первыхъ халифахъ изъ дикихъ степей Аравіи, исповѣдники ислама столкнулись съ образованными народами того времени: сирійцами, египтянами и персами, которые, принявъ новую религію подъ остріемъ меча, не могли удовлетвориться однимъ крайнимъ ея монотеизмомъ и сухою обрядностью и внесли въ нее философскій элементъ, лежавшій въ основѣ ихъ прежнихъ вѣрованій. Такое предположеніе заслуживаетъ вѣроятіе потому, что арабы времени Мухаммеда были народомъ далеко не культурнымъ: они тогда только-что усвоили сирійскую письменность и не имѣли ни литературы, ни наукъ; торговля и промышленность были у нихъ въ зачаточномъ состояніи. Это была грубая, дикая сила, до фанатизма воодушевленная своимъ пророкомъ и его сподвижниками; благодаря этому и слабости противниковъ, менѣе чѣмъ въ столѣтіе арабы образовали огромное государство на развалинахъ могущества римлянъ и государства Сассанидовъ. Естественно, что впечатлительный, талантливый арабъ, выйдя изъ бѣдныхъ степей своей родины, началъ заимствовать отъ покоренныхъ и сосѣднихъ народовъ то, чего у него не было, а сліяніе съ культурными неопитами еще болѣе увеличило сумму этихъ заимствованій. Выступивъ на міровое поприще, арабы начали изучать науки и искусства, а также знакомиться съ философскими системами древнихъ грековъ, маговъ, буддистовъ и современныхъ имъ христіанъ, выдѣлившихъ въ то время изъ своей среды нѣсколько сектъ съ мистическимъ характеромъ, каковы несторіанство, манихейство и др. Вторженіе философскихъ идей и пантеизма маговъ въ формальный монотеистическій исламъ повело, впоследствии, къ отдѣленію отъ него большой, по численности исповѣдниковъ, секты шиитовъ, представляющей въ настоящее время господствующую религію въ Персіи. Нужно полагать, что изъ указанныхъ выше элементовъ образовались, на почвѣ, однако, кораническаго ученія, мистико-спиритуалистическія секты суфизма или дервишизма, охватившія обѣ вѣтви ислама —

суннитскую и шиитскую. Въ первые вѣка мусульманскаго лѣтосчисления ¹⁾ такое направленіе сильно осуждалось послѣдователями чистаго ученія корана, но съ теченіемъ времени дервишество, какъ законное, всѣми признанное измѣненіе, вошло въ религію пророка, составляя теперь ея непремѣнную принадлежность.

Точно также и внѣшній, практической видъ учрежденій дервишей созданъ мусульманами едва-ли самостоятельно; вѣроятно всего предположить, что внѣшніе приемы и аскетизмъ скопированы съ образцовъ подвижничества другихъ религій. Коранъ категорически заявляетъ, что въ исламѣ нѣтъ подвижничества: „подвижничество выдумали они сами (христиане). Мы (т. е. Богъ) имъ не предписывали его“ (гл. 57, ст. 27). И дѣйствительно ни самъ Мухаммедъ, ни его *асхабы* ²⁾ не были ни аскетами, ни подвижниками.

Учрежденіямъ дервишей приданъ видъ тайныхъ обществъ, доступъ въ которыя строго воспрещенъ непосвященнымъ. Мѣстами это тѣсно сплоченныя братства, задающіяся не однимъ только отвлеченнымъ изученіемъ путей познанія истины, но и цѣлями чисто практическаго характера, въ числѣ коихъ не послѣднюю роль играетъ политика на почвѣ религіозно-національныхъ стремленій, или же честолюбій отдѣльныхъ лицъ. Такихъ братствъ или орденовъ очень много въ обоихъ мусульманскихъ ученіяхъ (суннитскомъ и шиитскомъ); нѣкоторые ориенталисты насчитываютъ ихъ до 35, другіе же болѣе сотни. Организация ихъ болѣе и менѣе одинакова. Во главѣ каждаго ордена стоитъ полновластный авторитетный начальникъ. Смотри по мѣстностямъ, эти начальники носятъ разныя названія, а именно: шейхъ, мюршидъ, ишанъ и пиръ. Организация въ своей основѣ имѣетъ теократическій характеръ: глава ордена непремѣнно представляетъ собою звено *цѣпи*, первое кольцо которой есть одинъ изъ первыхъ халифовъ—Абу-Бекръ или Али, на основаніи сунны (преданій религіознаго характера), почитаемые основателями дервишества, что, впрочемъ, исторически невѣрно. Въ каждомъ орднѣ имѣется своя цѣпь, указывающая на преемственность передачи тайнъ мистическаго ученія, дара пророчества и творенія чудесъ отъ одного шейха къ другому, что въ терминологіи дервишей называется *тарикатъ* (путь, собственно путь

¹⁾ Считаая отъ „гиджры“, т. е. бѣгства пророка изъ Мекки въ Медину.

²⁾ Асхабы—сподвижники Мухаммеда.

къ познанію истины); Цѣпь ордена должны обязательно знать всѣ его члены, отъ главы до послѣдняго мюршида. По іерархической лѣстницѣ ордена, послѣ его главы стоитъ *халифъ* или *наибъ* (намѣстникъ, замѣститель); онъ считается кандидатомъ на должность мюршида, начальника ордена. За халифами стоятъ *мюршиды* (собственно значить—желающій, а по терминологіи дервишей—жаждущій истины); они раздѣляются на нѣсколько степеней, по мѣрѣ усвоенія тайнъ мистическаго ученія. По существу дѣла мюршиды представляютъ собою рядовыхъ членовъ общества, учениковъ, изъ коихъ очень и очень немногимъ современемъ удастся достигнуть завиднаго положенія халифа.

Съ теченіемъ времени дервишескіе ордена прочно установились въ мусульманствѣ и получили каноническое право, мѣстами явившись институтомъ, стоящимъ во главѣ дѣлъ религіи, какъ напримѣръ въ Персіи, Индіи и Средней Азіи. Въ Турціи дервишескіе ордена, хотя и играютъ, обыкновенно, роль государства въ государствѣ, но номинально подчинены главѣ господствующей религіи; здѣсь турецкій шейхъ-уль-исламъ утверждаетъ въ должностяхъ начальниковъ орденовъ, но однако не иначе, какъ по избранію ихъ самими дервишами, своего же кандидата назначить ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Такая власть шейхъ-уль-ислама имѣетъ, слѣдовательно, призрачный характеръ и сводится къ простой формальности ¹⁾.

Таковъ общій типъ организациі дервишескихъ орденовъ. Понятно, что отъ него существуютъ многочисленныя и разнообразныя отступленія. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ степени культурнаго развитія народа и степени усвоенія имъ мусульманства, а во-вторыхъ, отъ того, что у мусульманъ нѣтъ общаго главы религіи, нѣтъ общаго главы и руководителя дервишескихъ орденовъ. Нужно думать, что наиболѣе рѣзкія отступленія существуютъ въ вѣтвяхъ орденовъ, коими усѣяны почти всѣ мусульманскія страны, и именно въ тѣхъ, кои организуются самостоятельно въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ дѣятельныхъ главъ орденовъ. Но суть дѣла отъ этого не мѣняется; орденъ или вѣтвь его, все-таки, есть тайное сообщество, съ тайными цѣлями, сплоченностью и дисциплиною членовъ.

¹⁾ П. Поздневъ „Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ“.

Съ религіозно-политической дѣятельностью дервишизма Россіи впервые пришлось познакомиться на Кавказѣ. Сюда, въ среду воинственныхъ горцевъ-мусульманъ, это ученіе проникло изъ Бухары. Въ началѣ текущаго столѣтія въ Дагестанѣ появился бухарскій суфій Кази-Мухаммедъ и вмѣстѣ съ извѣстнымъ бойцемъ за независимость, Кази-Муллою, распространилъ дервишизмъ по всему Кавказу. Здѣсь дервишизмъ получилъ названіе мюридизма, кажется, главнымъ образомъ отъ русскихъ, не знавшихъ какъ назвать то явленіе, которое сплотило разрозненные племена горцевъ и воодушевило ихъ въ борьбѣ съ невѣрными. Первымъ имамомъ (муршидомъ), по крайней мѣрѣ видимымъ, былъ Кази-Мулла; въ 30-хъ годахъ онъ былъ убитъ при взятіи Гимръ генераломъ Розеномъ и какъ мученикъ, погибшій за вѣру въ борьбѣ съ невѣрными, считается горцами святымъ человѣкомъ. Преемникомъ Кази-Муллы былъ Шамиль, талантливый организаторъ и военачальникъ; принявъ званіе имама и пророка, онъ образовалъ изъ горскихъ племенъ нѣчто въ родѣ теократическаго государства и держалъ Кавказъ въ напряженномъ состояніи почти 35 лѣтъ. Онъ стоилъ Россіи миллиарды рублей и десятковъ тысячъ жизней ея сыновъ.

Кавказскій дервишизмъ временъ Кази-Муллы и Шамиля не имѣлъ серьезнаго развитія въ смыслѣ мистической секты съ ея тонкостями изученія тариката. Заниматься этимъ было некогда, да и люди были не тѣ; въ то время въ огромномъ большинствѣ, горцы были плохіе мусульмане, въ родѣ нашихъ киргизовъ. Поэтому мюридизмъ принялъ на Кавказѣ чисто практической характеръ; онъ усвоилъ преимущественно только внѣшнія формы и, будучи построеномъ на почвѣ борьбы за независимость, вдохнулъ въ исповѣдниковъ ненависть къ врагу ихъ вольности и вѣры, хотя этотъ врагъ и не думалъ посягать на религію горцевъ.

Изъ политическихъ видовъ вожаки воспользовались одною особенностью ислама, имѣющею въ искусныхъ рукахъ весьма дѣйствительное оружіе: они начали особенно настойчиво проповѣдывать постановленіе корана, придающее послѣдователямъ ислама положеніе людей, исключительно угодныхъ Богу, и гордое презрѣніе къ ино-вѣрцамъ, обреченнымъ на вѣчныя муки въ загробной жизни и поэтому едва заслуживающихъ названіе людей. Коранъ вовсе не думалъ учить, что невѣрному нѣтъ милости и снисхожденія ни въ земной жизни, ни въ жизни будущей. Въ этой жизни пред-

оставляется мусульманамъ истреблять невѣрныхъ всякими способами: „казните невѣрныхъ, сѣкайте ихъ головы“ (гл. 47 ст. 4); „за невѣрныхъ не молись“; „невѣрные издохнутъ“ (гл. 9 ст. 55 и 85), говоритъ коранъ, и не только благословляетъ заниматься такимъ дѣломъ, но рекомендуетъ продолжать его до тѣхъ поръ, пока не будутъ истреблены все невѣрные. Въ будущей жизни для невѣрныхъ не обѣщается ничего, кромѣ огня и лютыхъ мукъ: „наслаждайтесь въ объятіяхъ пламени“ (гл. 54 ст. 48), говоритъ пророкъ, обращаясь къ невѣрнымъ, и въ то же время сулитъ вѣрнымъ неземныя наслажденія въ объятіяхъ гурій „чернозеничныхъ“ и „волоокныхъ“; „Тѣмъ, которые боятся Господа своего, будутъ два сада, обильные деревьями; въ обоихъ по два текущихъ источника, въ обоихъ по два рода всякихъ плодовъ, пальмы, гранаты; они будутъ опираться на постели, покрытыя шелковыми тканями; у нихъ будутъ скромныя взоромъ, красивыя, подобныя яхонтамъ и коралламъ, черноокія, укрытыя въ шатрахъ опирающіяся на зеленныя подушки и прекрасныя ковры. Съ ними, прежде нихъ (вѣрныхъ) не сообщались ни люди, ни геніи“ (гл. 55 ст. 46 и 77). Такое ученіе огня и меча, такіе взгляды и обѣщанія, привитые полудикимъ горцамъ, создали изъ нихъ отчаянныхъ, фанатизированныхъ бойцевъ; видѣвшихъ въ смерти въ бою вѣрную дверь въ столь соблазнительный рай.

Такой яркій примѣръ кроваваго взрыва религіозно-національнаго фанатизма, какъ Кавказская война 40-хъ годовъ, имѣетъ для насъ глубоко-поучительное значеніе, потому что дѣятельный, талантливый муршидъ, при стеченіи благоприятныхъ условій, можетъ создать Кавказъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Не нужно забывать, что мусульманскія племена почти не ассимилируются съ кореннымъ населеніемъ, а живутъ своею обособленною жизнью въ теченіи столѣтій, чему нагляднымъ примѣромъ могутъ служить волжскіе татары, вошедшіе въ составъ Русскаго государства еще при Іоаниѣ Грозномъ.

О размѣрѣ распространенія суфизма среди крымскихъ татаръ и мусульманскихъ племенъ внутренней Россіи и Сибири, по недостатку свѣдѣній, ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Нужно однако полагать, что дервишизмъ распространенъ тамъ слабо, такъ какъ не обращаетъ на себя особеннаго вниманія. Во многихъ татарскихъ и башкирскихъ селахъ есть начетчики старика, называемые обыкновенно ходжами и ишанами; они имѣютъ по нѣсколько человѣкъ

согласниковъ. Изъ этого, впрочемъ, нельзя еще заключить, чтобы подобные самозванные ишаны были непременно дервишами и специально изучали тонкости суфизма; скорѣе всего это обыкновенные мусульмане, любители священнаго писанія, которые однако не прочь при случаѣ пожить на чужой счетъ.

Средняя Азія классическая страна дервишизма. Кромѣ того, что здѣсь подвизались такія свѣтила суфизма, какъ Мухаммедъ-Богаэддинъ-Накшбенди, Ходжа-Обейдуллахъ-Ахраръ, Ахметъ-Ясави и другіе, въ ней основано два важнѣйшихъ дервишескихъ ордена: Накшбенди и Кубрави, раскинувшіе свои вѣтви почти по всемъ мусульманскимъ странамъ суннитскаго толка. До нашествія тюркскихъ ордъ и перехода въ ихъ руки политической власти, огромное большинство населенія Средней Азіи состояло изъ племенъ, родственныхъ иранцамъ не только по происхожденію, но и по духу. За много столѣтій до принятія ислама населеніе страны было такъ же цивилизовано и умственно развито, какъ и населеніе сосѣдней Персіи; оно имѣло значительно развитую торговлю и промышленность и занималось науками и искусствами; господствующею религіею была кроткая религія Зороастра, возвышенныя идеи которой впоследствии легли въ основу европейской цивилизаціи. Весьма естественно поэтому, что сухія, формальныя положенія кераническаго ученія не могли быть приняты средне-азиатцами безъ значительной переработки, какъ то и случилось въ сосѣдней Персіи. Но Персія пошла дальше по пути переработки, чѣмъ Средняя Азія. Последняя, залитая бурнымъ потокомъ дикихъ тюркскихъ ордъ, остановилась на мѣстѣ и ея суфизмъ перешелъ въ сухой догматизмъ, изуверство, и грубое ханжество, что повсюду характеризуютъ, такъ называемый, правовѣрный исламъ (суннатъ). Остановка съ одной стороны и движеніе впередъ съ теченіемъ времени породили между родственными (по корню населенія и по духу) странами рѣзкую религіозную вражду. Въ концѣ концовъ эта вражда дошла до того, что фанатизированные улемы и муллы Бухары и Самарканда, въ XV ст., заклемили персидскихъ шиитовъ позоромъ, отлучивъ ихъ отъ ислама; они издали фетву (постановленіе) о томъ, что шииты не признаются болѣе мусульманами; наравнѣ съ невѣрными ихъ дозволено продавать въ неволю, а браки съ ними считать всепрещенными (мекрухъ)¹⁾.

¹⁾ Г. Вамбери „Исторія Бухары“, т. II.

Такое варварское постановленіе бухарскихъ изуверовъ стоило впоследствии много слезъ и жестокихъ страданій шіитамъ сѣверной Персіи, разграбляемымъ и увлекаемымъ въ неволю туркменскими аламанщиками. Практическое значеніе безчеловѣчной фетвы бухарскихъ и самаркандскихъ ревнителей ислама только въ половинѣ текущаго столѣтія было подорвано нашими побѣдами въ Средней Азіи и окончательно уничтожено разгромомъ ахаль-текинскаго разбойническаго гнѣзда.

Вмѣстѣ съ паденіемъ культуры въ Средней Азіи и разрушеніемъ политическаго могущества ея государствъ, все ниже и ниже, падалъ ея суфизмъ и его учрежденія—медресе, кари-ханы, ханаки и каляндарь-ханы¹⁾; разрушались и богатѣйшія постройки мечети, и памятники святыхъ и пр. Мистическое ученіе потонуло въ схоластическомъ догматизмѣ и въ выполненіи обрядовыхъ формальностей; въ ордена и ихъ вѣтви вторглись всевозможныя плуты, обдѣлывавшіе свои дѣла. Богатѣйшія вакуфныя имущества уничтожились или вследствие истребленія населенія, разрушенія оросительныхъ каналовъ и проч., или расхищены; великолѣпныя мечети Тамерлана и Абдуллахана—все въ полуразрушенномъ состояніи; въ памятникахъ высокочтимыхъ святыхъ—пыль, грязь, мерзость запустенія. Совершенно невольно и неожиданно для себя мы подали руку помощи мусульманству въ Средней Азіи и, главнымъ образомъ, активной его части—суфизму. Мы ввели здѣсь тишину и порядокъ; дали обдѣлывшему, задумавшему населенію возможность оправиться въ экономическомъ отношеніи, одуматься и придти въ себя; поддерживаемъ вакуфы, возобновляемъ мечети и памятники святыхъ. Подъ вліяніемъ этого мусульманство оправилось, а дервиши территориально расширили свою дѣятельность, направивъ ее въ степи кочевыхъ тюркскихъ племенъ, еще очень недавно придерживавшихся шаманства.

По недостатку данныхъ, невозможно опредѣленно сказать, сколько именно имѣется въ настоящее время дервишескихъ орденовъ въ Средней Азіи. Въ областяхъ Туркестана ихъ, кажется, три: Накшбенди, Кадріе и Кубрави.

¹⁾ Махтабъ—низшая школа, кари-хана—пристанище для чтецовъ корана, изучающихъ его наизусть, ханаки и каляндарь-ханы—помѣщенія для дервишей.

Наибольше важнымъ, по числу мюридовъ и по размѣрамъ дѣятельности, нужно считать орденъ Накшбенди, или Накшибенли. Основатель его Мухаммедъ-Багаэддинъ Накшбенди жилъ во времена Тамерлана и умеръ въ г. Бухарѣ въ 1388 г., гдѣ и находится его гробница. Багаэддинъ — мистикъ и высокочтимый національный святой сартовъ и таджиковъ и трехкратное путешествіе на поклоненіе его гробницѣ замѣняетъ пилигримство въ далекую Мекку. Ханакъ и мавзолей надъ его гробницею, находящеяся въ окрестностяхъ Бухары, въ XVI столѣтіи выстроилъ Абдуль-Азисъ-ханъ (изъ династїи Шейбани). Здѣсь живетъ главный шейхъ ордена, — главный, по крайней мѣрѣ, для дервишей Средней Азіи; вѣтви его, подъ главенствомъ ишановъ, раскинуты повсюду.

Къ этому ордену принадлежалъ послѣдователь Багаэддина Ходжа-Обейдуллахъ-Ахраръ, мистикъ и ученый, въ свое время пользовавшійся большою популярностью и вліяніемъ среди народа и князей, наслѣдниковъ Тимура. Онъ жилъ въ Каракулѣ (близъ Бухары), умеръ въ 1489 г. и похороненъ въ Самаркандѣ, въ мечети памятникъ его имени.

Орденъ Кадріе основанъ въ XII ст. нѣкимъ Абдуль Кадырь-Гиляни (умеръ въ Багдадѣ въ 1165 г.). Въ настоящее время этотъ орденъ самый могущественный въ мусульманствѣ. Религіозно-политическая дѣятельность кадріатовъ приняла весьма видное значеніе въ Африкѣ, именно въ Марокко, Алжирѣ и къ югу отъ Сахары; въ областяхъ верхняго Нила они создали культъ Махди и могущество дервишей, успѣшно борющихся съ англо-египтянами, италянинами и Абиссинією. Особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ богатая результатами дѣятельность по распространенію мусульманства среди негрскихъ племенъ страны Великихъ Озеръ и во внутренней Африкѣ; они съ огромнымъ успѣхомъ вносятъ мусульманское ученіе въ самую глубь „чернаго континента“ и вѣроятно, скоро пройдутъ его насквозь съ кораномъ въ одной рукѣ и съ невольническою плетью въ другой ¹⁾.

Орденъ Кадріе не имѣетъ особаго главы, начальника, который руководилъ бы направленіемъ дѣятельности вѣтвей; по обширности распространенія и многочисленности адептовъ онъ принялъ космо-

¹⁾ „Исламъ въ XIX вѣкѣ“. А. Шателье (русскій переводъ Калмыковой).

политическій характеръ. Въ Средней Азіи онъ имѣетъ нѣсколько вѣтвей, которыя все самостоятельны и одна отъ другой независимы: общаго главы нѣтъ, хотя бы съ номинальною властью. Первые кадріаты появились здѣсь въ началѣ XIV стол. со времени муршида Ходжа Джухана, бывшаго первымъ пиромъ основанной имъ вѣтви. Нужно полагать, что орденъ распространился при помощи ученика и послѣдователя Джухана, извѣстнаго Ахмета Ясави. Этотъ отшельникъ и мистикъ, дервишъ до мозга костей, съ великимъ успѣхомъ подвизался на поприщѣ распространенія мусульманства среди тюркскихъ колѣнъ. Въ настоящее время онъ національный святой кочевыхъ племенъ Средней Азіи, второй послѣ Багаэддина бухарскаго, развѣ только потому, что иранскія племена, хотя и вырѣзанныя тюрками на девять-десятьхъ, все-таки сохраняли за собою главенство въ дѣлахъ религіи и вообще культуры. О важности заслугъ Ахмета Ясави на поприщѣ мистики и апостольства свидѣтельствуетъ то, что величайшій изъ тюрковъ, Таммерланъ, воздвигъ надъ его могилою памятникъ-мечеть, самый огромный по размѣрамъ изъ всехъ имъ возведенныхъ на сокровища ограбленныхъ имъ странъ. Вокругъ этой мечети впоследствии возникъ г. Туркестанъ ¹⁾.

Орденъ Кубрави основанъ въ Харезмѣ (Хивинскій оазисъ) въ XIII стол. мистикомъ и подвижникомъ Неджмеддиномъ Кубра, подвизавшимся на поприщѣ суфизма во времена послѣдняго харезмъ-шаха Мухаммеда, своею безтактностью и задоромъ вызывавшимъ губительное нашествіе монголовъ на Среднюю Азію. Кубра погибъ отъ руки безпощадныхъ воиновъ Чингизъ-хана, опустошившихъ Харезмъ огнемъ и мечемъ въ 1221 году; его могила находится среди развалинъ г. Куна-Угрэнча (въ Хивинскомъ ханствѣ) и очень почитается хивинцами.

Дервиши ордена Кубрави находятся, кажется, исключительно только въ Хивинскомъ ханствѣ и въ нашемъ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что они есть и въ Закаспійской области. Въ прежнее время орденъ Кубрави былъ преобладающимъ въ Хивинскомъ оазисѣ, имѣлъ много пировъ

¹⁾ Вѣрнѣе Туркистанъ, что значить становище, стойбище тюрковъ.

и мюридовъ и обладалъ богатыми вакуфами ¹⁾, но въ послѣднее время здѣсь началъ сильно распространяться орденъ Накшбенди, занесенный изъ сосѣдней Бухары. Обстоятельство это можно объяснить, кажется, главнымъ образомъ модою, имѣющею могущественное значеніе и въ Средней Азіи. Дѣло въ томъ, что когда мы въ 1873 г. пробили дорогу сквозь хивинскія пустыни и извлекли хивинцевъ изъ ихъ одиночества на свѣтъ божій, они, оглядѣвшись, поняли, что сильно отстали отъ сосѣдей во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ религіозномъ. Съ 80-хъ годовъ хивинцы сильно двинулись по пути прогресса, дѣлая заимствованія безъ разбора и, перекраивая жизнь и убѣжденія по примѣру бухарцевъ, этихъ парижанъ Средней Азіи. Понятно, что бухарцы, придвинувшись послѣ усмиренія нами туркменской вольницы вплотную къ Хивѣ Кабаклинскимъ бекствомъ, не приминули воспользоваться обстоятельствами и, прививая простодушнымъ и недогадливымъ узбекскимъ родовичамъ тонкости амлякдарскихъ приемовъ законнаго грабежа простого народа, умѣняя жить весело и другихъ благъ специально сартовской цивилизаціи, постарались захватить въ свои руки и духовную жизнь народа. До нашего прихода накшбендисты, носящіе здѣсь названіе каляндарей, держались преимущественно на правомъ берегу Аму-Дарьи (у Рахмана-берды близъ Бій-базара, въ Чимбаѣ и въ дельтѣ — на Даукарѣ), но когда наши отряды грозно двинулись на оазисъ съ трехъ сторонъ, каляндари струсили и бѣжали въ Бухару. Врагъ однако оказался вовсе не страшнымъ. Каляндари скоро вернулись и въ настоящее время усилились до того, что къ ордену Накшбенди принадлежатъ, въ качествѣ мюридовъ, почти всѣ высокопоставленные хивинцы и въ томъ числѣ извѣстный диванъ-беги Матъ-Мурадъ со всѣми своими родственниками. Благодаря такой благосклонности высшей хивинской аристократіи къ бухарцамъ, природной ловкости и способности къ интригамъ послѣднихъ и превосходству ихъ цивилизаціи (въ мусульманско-средне-азіатскомъ, конечно, значеніи этого слова), національный дервишескій орденъ стараго Харезма, Кубрави, почти вовсе потерялъ значеніе; его мюриды и вакуфы перешли къ каляндарямъ, главари которыхъ очень искусно пользуются невѣжествомъ народа,

¹⁾ Есть темное, но провѣренное свѣдѣніе о томъ, что глава ордена Кубрави живетъ въ Индіи, въ Хивѣ же сохранились подчинившіяся ему вѣтви.

увѣряя мюридовъ въ томъ, что въ ученіи и пріемахъ моленія между орденами никакой разницы нѣтъ. Этому много способствуетъ то, что въ Хивѣ, по сеансамъ, дервиши того и другого ордена — *хуфія*, т. е. молчальники.

Дѣятельность бухарскихъ накшбендистовъ или каляндарей для насъ имѣетъ далеко не безобидный характеръ, какъ въ Хивинскомъ оазисѣ, такъ равно и въ при-аральскихъ и прикаспійскихъ степяхъ. Среди ихъ ишановъ и мюридовъ (высшихъ степеней посвященія) есть очень предприимчивые, а главное, фанатичные люди, извѣстные тамъ подъ неопредѣленнымъ названіемъ „ходжей“. Это, преимущественно, мѣстные уроженцы, узбеки и каракалпаки, получающіе образованіе въ бухарскихъ медресе, главнымъ образомъ, въ г. Бухарѣ. Какъ передаютъ, по окончаніи курса имъ выдаются особые свидѣтельства и они выпускаются въ степи для пропаганды мусульманской религіи и обирания кочевниковъ. Повязавъ бѣлыя тряпичныя поперекъ высокихъ черныхъ каракалпацкихъ шапокъ ¹⁾, эти пиры и преданные имъ мюриды партіями разъѣзжаютъ по кочевкамъ туркменъ и киргизовъ, проникая даже на Мангышлакъ, Эмбу и въ Казалинскій уѣздъ, а также въ Кызылкумскую пустыню къ тамдинскимъ, минбулакскимъ и джизакскимъ киргизамъ. Въ болѣе или менѣе богатыхъ и людныхъ аулахъ они проживаютъ по недѣлѣ и по двѣ, поучая правиламъ мусульманской религіи, извѣстнымъ дикарямъ пустынь часто только по наслышкѣ, устраиваютъ молитвенные сеансы въ духѣ своего ордена, проповѣдуютъ отчужденіе отъ кяфировъ и, къ довершенію всего, обираютъ своихъ слушателей и почитателей. Въ послѣднее время за подобную дѣятельность принимались и сами киргизы, награжденные хивинскими и чимбайскими пирами почетнымъ званіемъ *суфи*, подъ чѣмъ нужно подразумѣвать высшую степень мюрида, *мурда*, по грубому киргизскому выговору. Такая дѣятельность хивинскихъ ишановъ небезобидна для насъ потому, что эти господа уже возбуждали беспорядки въ степяхъ; такъ въ 1868 году именно они, вмѣстѣ съ оренбургскими и уфимскими татарскими муллами, вліяли на киргизовъ при-уральскихъ степей, поднявшихъ бунтъ изъ-за „штатовъ“, т. е. Степного Положенія 1868 года.

¹⁾ Дервишескіе ордена имѣютъ свои орденскіе цвѣта; такъ, бѣлый цвѣтъ — цвѣтъ орденовъ Накшбенди и Кубрави, зеленый — ордена Кадріе.

Къ отдѣлу дервишей нужно также причислить шейховъ, хранителей памятниковъ святыхъ. Несмотря на то, что въ коранѣ красною нитью по всѣмъ его сурамъ проведена отчетливо и ясно идея крайняго монотеизма и категорически воспрещено воздавать божеское почитаніе чему и кому бы то ни было, кромѣ одного Бога, въ мусульманство, подъ вліяніемъ суфизма, проникло и глубоко укоренилось чествованіе святыхъ и священныхъ предметовъ. Къ числу святыхъ причислено множество людей, хотя и безъ формальной ихъ канонизаціи, а часто и вовсе не по заслугамъ, но и имъ воздается почтеніе. Въ Средней Азіи къ этому присоединяется еще почитаніе надгробныхъ памятниковъ и могилъ, а иногда и священныхъ предметовъ. Такъ, въ сороковыхъ годахъ одинъ кокандскій пилигримъ принесъ откуда-то волосъ пророка Магомета; несмотря на очевидную вздорность подобныхъ вещей, этой реликвиі было оказано населеніемъ и правителями Кокандскаго ханства великое почтеніе. Волосъ пророка до сего времени хранится въ Ферганѣ, а въ честь его бывшимъ чимкентскимъ и ташкентскимъ бекомъ „лютымъ“¹⁾ Мирза-Ахметомъ-кушбеги даже были образованы вакуфы въ Ташкентѣ и въ Иски-Ташкентѣ; первый изъ нихъ существуетъ и теперь, а второй не признанъ мѣстною поземельно-податною коммисією и упраздненъ (вакуфы Муи-мубаракъ).

Въ средней Азіи при памятникахъ и могилахъ святыхъ часто живутъ шейхи-ишаны: или дѣйствительно убѣжденные люди, или просто пройдохи, преслѣдующіе личныя корыстныя цѣли. Въ первомъ случаѣ, какъ ишаны ордена, къ которому принадлежалъ почивающій святой, шейхи имѣютъ мюридовъ на общемъ основаніи. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ могилахъ и памятникахъ есть цѣлыя поселенія потомковъ святого, даже съ родословными, въ видѣ длиннѣйшихъ свитковъ, причемъ родъ начинается, большею частью, отъ Адама. Это иногда, дѣйствительно, потомки святого многожена, а чаще просто набѣгное населеніе, метавшееся когда-то изъ стороны въ сторону подъ ножемъ разбойническихъ тюркскихъ колѣнъ; къ такимъ поселеніямъ принадлежатъ, напримѣръ, жители г. Туркестана, сел. Зенги-ата подъ Ташкентомъ и пр.

¹⁾ Такой эпитетъ онъ получилъ отъ чимкентскихъ дулатовцевъ за жестокіе грабежи въ шестидесятыхъ годахъ, не задолго до взятія Чимкента генераломъ Черняевымъ, что повліяло на переходъ сильнаго поколѣнія Дулатъ на нашу сторону.

При памятникахъ святыхъ, а часто и просто у мѣсть, которая осталась въ памяти народа по преданіямъ языческой, христіанской и мусульманской старины, нерѣдко поселяются, постоянно или временно, разные ловкіе люди, съ единственною цѣлью эксплуатаціи легковѣрныхъ. Такъ, недавно одинъ изъ ташкентскихъ сартовъ домогался утвердить его мутавалліемъ (смотрителемъ) вакуфа памятника святого Идрисъ-найгамбара, т. е. пророка Еноха, считая себя и своихъ присныхъ потомками этого ветхозавѣтнаго пророка. На самомъ дѣлѣ никакой могилы „пророка Еноха“, конечно, нѣтъ, да нѣтъ и вакуфнаго имущества, а есть въ Чаткальскомъ ущельи, на востокъ отъ Ташкента, какая то старая полуразвалившаяся постройка и около нея много проходящихъ на лѣтовки въ горы киргизовъ, причемъ, очевидно, появился неудобный конкурентъ. Вотъ и надумалъ догадливый „потомокъ пророка Еноха“ отдѣлаться отъ конкурента при помощи русской власти, требуя себѣ грамоту на званіе мутаваллія...

Къ разряду такихъ эксплуататоровъ простаго народа принадлежатъ и самозванные ишаны, о дѣятельности которыхъ имѣются кое-какія свѣдѣнія въ нашей мѣстной литературѣ¹⁾. Въ ряды самозванныхъ ишановъ временно, ради наживы, вступаютъ казанскіе, оренбургскіе, и мѣстные татары и разные предприимчивые люди изъ Бухары. Выбравъ себѣ наиболее глухой уголокъ степи или группу удаленныхъ отъ людныхъ мѣсть горныхъ зимовокъ киргизовъ, самозванный ишанъ смѣло начинаетъ свои продѣлки: читаетъ на распѣвъ коранъ, или даже любую добытую имъ книгу (для невѣжественныхъ, неграмотныхъ слушателей это безразлично), объясняетъ по вдохновенію прочитанное, учитъ молиться, при подходящемъ случаѣ поругаетъ невѣрныхъ и ихъ порядки, раздастъ тумары (талісманы), лечитъ, наговариваетъ... Вообще все эти продѣлки далеко не замысловаты и грубы; онѣ рассчитаны на крайнее невѣжество и наивность степныхъ или горнымъ захолустниковъ, которые и платятъ ловкому плуту соотвѣтствующую мзду, въ простотѣ сердца принимая татарчука или сарта за великаго святителя и ревнителя вѣры. Накопивъ капиталаецъ, такой ишанъ бросаетъ пропо-

¹⁾ Арендаренко; „Досуги въ Туркестанѣ“ и Саттаръ-ханъ; Мусульманскіе ишаны, — статья въ книгѣ Н. П. Остроумова „Сарты“. Ташкентъ, 1896 г.

вѣди, молитвы и подвижничество и принимается за торговлю, а чаще всего за кутежи и растрату нажитого. Нужно, однако, замѣтить, что такіе мелкіе плуты встрѣчаются все рѣже и рѣже, потому что времена перемѣнились, да и люди стали не тѣ. Какъ ни просты, доверчивы и легковѣрны степныя тюркскія племена, но и ихъ обманывать и обирать стало гораздо труднѣе, потому что оживленіе сношеній подъ нашимъ вліяніемъ дѣлаетъ народъ бойчѣе и смысленѣе. Обобрать его могутъ настоящіе орденскіе ишаны, зачисляя въ мюриды и одѣвая доверчивыя головы чалмами, вмѣсто прежнихъ бараньихъ малахаевъ, папахъ и лисьихъ шапокъ, причемъ не всѣ поборы идутъ, такъ сказать, прахомъ: частица попадаетъ на школы (медресе) и другія заведенія.

Здѣсь, кажется, у мѣста сказать, что авторитетными проповѣдниками ислама и сборщиками обильной дани съ мусульманъ являются прѣзжающіе, время отъ времени, изъ Мекки, такъ называемые, *вакили* (повѣренные), посылаемые *далиями* (руководителями выполненія паломниками обряда поклоненія Каабѣ въ Меккѣ) въ мусульманскія страны для сбора пожертвованій на содержаніе священныхъ зданій въ Меккѣ и Мединѣ. Это, конечно, только благодидный предлогъ: на самомъ дѣлѣ всѣ собранныя суммы идутъ въ карманы далилей. Какъ видно изъ словъ меккскаго паломника-очевидца г. Ишаева, наши средне-азиатскія мѣстности раздѣлены на слѣдующіе далильскіе участки: Кокандъ съ уѣздомъ (далили наслѣд. Абаса), Наманганъ (далиль Сеиль-Абдукадыръ), Ошскій уѣздъ и сел. Чиміонъ (далиль Али-Бреджи), Андижанъ (далиль Шейхъ-Али Шукри), Хивинское ханство (далиль Азгаръ), а всѣ прочія мѣстности имѣютъ одного общаго далиля (Сеиль-Мухаммедъ)¹⁾. Выходитъ, что каждый баринъ имѣетъ свое помѣстье...

Не владеясь въ тонкости ученія дервишей и организаціи ихъ орденовъ, въ чемъ по отношенію къ средне-азиатскому суфизму можно надѣлать слишкомъ много ошибокъ по отсутствію положительныхъ, строго проверенныхъ данныхъ, необходимо однако имѣть въ виду, что какъ и въ другихъ мусульманскихъ странахъ, дервиши и здѣсь, по виду выполненія своихъ моленій или сеансовъ, дѣлятся на двѣ части: *хуфія* (хуфи) и *джагріе*. Моленія за-

¹⁾ Ш. Ишаевъ: „Мекка, священный городъ мусульманъ“, *Средне-Азиатскій Вѣстникъ*, ноябрь и декабрь 1896 г.

ключаются въ произношеніи имени Бога и Его многочисленныхъ арабскихъ эпитетовъ (всего насчитывается 99 эпитетовъ). Это упражненіе называется *зикръ*. О сеансахъ дервишей трудно дать понятіе по недостатку подходящихъ словъ въ русскомъ языкѣ. Это ни въ какомъ случаѣ не общая молитва, а что-то въ родѣ радѣній, по крайней мѣрѣ у джагріатовъ, потому что во время сеансовъ никто ни о чемъ не молится, а только стремится сердцемъ къ Богу, доходя при этомъ до экстаза и истеричныхъ припадковъ, что и считается вѣнцомъ, удачею сеанса. Хуфіаты цѣлымъ обществомъ произносятъ имя божіе въ молчаніи, прерываемомъ время отъ времени громкими отрывочными возгласами. По наружному виду положенія участниковъ сеанса, торжественной тишинѣ и созерцательному виду ихъ, сеансъ хуфіатовъ напоминаетъ обыкновенную молитву мусульманъ, хотя люди, преимущественно, садятся въ кружокъ, а не въ рядъ, какъ въ первомъ случаѣ. Существенная разница, однако, заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ люди дѣйствительно молятся, а дервиши-хуфіаты, какъ сказано выше ни о чемъ не молятся, а, отрѣшаясь отъ всего земного и стремясь сердцемъ къ Богу, доводятъ себя до экстаза и истерики. Нерѣдко случается, что ишаны, изъ числа любителей говорить и поучать, прежде сеансовъ или по окончаніи ихъ произносятъ проповѣди: или на темы отвлеченнаго суфизма, или же по разнымъ практическимъ случаямъ, внушая мюридамъ взгляды и понятія, свойственные мусульманству въ религіозно-нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Джагріаты произносятъ имя божіе и его эпитеты съ большимъ крикомъ, шумомъ и кривляніями; иногда къ этому присоединяются танцы, или, вѣрнѣе, бѣганье кругомъ своего пира. Впрочемъ, танцы въ употребленіи, кажется, только у кашгарскихъ дервишей (дувановъ), изъ разряда странствующихъ и носящихъ постоянно спеціальнѣй дервишескій костюмъ. Сеансы этого вида дервишей, совершаемые ночью, въ саду, при освѣщеніи танцоровъ огнемъ костра, чрезвычайно эффектин по своеобразности и дикости картины. Въ прежнее время такіе концерты часто устраивались въ красивомъ и богатомъ столѣтними карагачевыми деревьями саду при мечети-памятникѣ Зенги-ата близъ Ташкента¹⁾.

¹⁾ Существуютъ и теперь, по пятницамъ, но совершаются днемъ и очень малочисленны.

Сеансы джагриатовъ, совершаемые въ ханакахъ или мечетяхъ, никакого эффекта не представляютъ; съ эстетической точки зрѣнія это одно сплошное безобразіе... Усѣвшись въ кружокъ на полъ, люди нелѣпо и не граціозно качаются изъ стороны въ сторону и дико и оглушительно орутъ звѣринными и птичьими голосами, подражая сидящему во главѣ кружка пиру. Любопытные могутъ полюбоваться этими милыми картинками въ ханакахъ туркестанскихъ городовъ, такъ какъ входъ туда рѣшительно никому не возвращается, въ томъ числѣ и невѣрнымъ.

Тотъ и другой виды молитвенныхъ сеансовъ существуютъ во всѣхъ орденахъ безразлично, но въ Средней Азіи, гдѣ суфизмъ принялъ, преимущественно, практическій характеръ, предпочтеніе отдается сеансамъ хуфіатовъ, молчальниковъ, будто-бы потому, что Богу пріятнѣе тайная молитва преданной души, чѣмъ громкая, ибо послѣдняя служитъ доказательствомъ того, что молельщики стараются больше обратить на себя вниманіе людей, чѣмъ Бога. Вздорность такого объясненія, которое даютъ дервиши непосвященнымъ, а тѣмъ болѣе любопытнымъ не въ мѣру русскимъ, сама собою понятна. Настоящая причина предпочтенія молчаливыхъ сеансовъ шумливымъ заключается въ томъ, что не каждый человѣкъ способенъ увлечься до того, чтобы публично выкрикивать имена Аллаха звѣринными голосами, мотаться изъ стороны въ сторону, потѣть и бѣсноваться до потери сознанія, какъ то дѣлаютъ джагриаты. По свойственному, вообще, мусульманамъ стремленію держаъ себя скромно и сдержанно, дико орать и бѣсноваться многіе считаютъ неприличнымъ и несвойственнымъ своему общественному положенію; поэтому, въ ряды явныхъ джагриатовъ и въ ряды странствующихъ каляндарей вступаютъ, преимущественно, люди низшихъ сословій.

Нужно, однако, имѣть въ виду, что въ числѣ джагриатовъ есть много тайныхъ, т. е. такихъ, которые совершаютъ свои сеансы не въ публичныхъ ханакахъ, а въ разныхъ укромныхъ мѣстахъ, какъ-бы стыдясь подобнаго время-препровожденія. При взглядѣ на многихъ почтенныхъ мужей и старцевъ трудно догадаться, чтобы они могли разыгрывать роль сумасшедшихъ экстатиковъ, не уступая въ усердіи оборваннымъ и грязнымъ каляндарямъ и простымъ поденщикамъ.

Внимательно всматриваясь въ народную жизнь средне-азиатскихъ туземцевъ, нельзя, однако, не замѣтить, что дѣятельность дервише-

скихъ орденовъ и ихъ вѣтвей далеко не организована: всѣ идутъ въ разбродъ, безъ ясно-намѣченной, определенной цѣли. Стремленія ишановъ имѣютъ, преимущественно, своекорыстный, матеріальный характеръ, часто даже безъ слѣда религіозныхъ и общественныхъ идеаловъ. Сборы съ мюридовъ и населенія, а также огромное большинство доходовъ съ вакуфныхъ имуществъ поступаютъ въ личную пользу ишановъ, ихъ семей и родственниковъ, въ пользу семействъ ходжей, потомковъ сеидовъ, и только незначительная часть на общественныя учрежденія, каковы мадраса, мечети, кари-ханы и пр. За доказательствами ходить далеко нечего; достаточно для этого осмотрѣть любое общественное учрежденіе, любую мечеть. А между тѣмъ, судя по цифрамъ однихъ вакуфныхъ доходовъ, кое гдѣ зарегистрированныхъ русскою властью, зданія и учрежденія могли бы быть содержимы много лучше. Нерѣдко случается, что ишанъ, имѣя десятки тысячъ мюридовъ и пользуясь приношеніями окрестнаго населенія, много, если выстроить плохенькую мечеть, стоящую 100—200 руб., но чаще всего и этого не бываетъ. Чтобы не говорить голословно, можно указать на недавно умершаго ишана сел. Карасу (близъ Ташкента). Имѣя въ продолженіи многихъ лѣтъ десятки тысячъ мюридовъ изъ волостей Той-тюбинской, Джаляль-тюбинской, Гаибъ-атинской и другихъ, онъ выстроилъ только плохенькую мечеть и ханакъ, какъ помѣщеніе для себя и своихъ прислужниковъ-мюридовъ. Куда же дѣвались мюридскія и частныя пожертвованія? Мюриды говорили, что все отсылалось въ Ходжентъ, гдѣ у ишана была семья и родственники.

Типъ своекорыстныхъ ишановъ пока преобладаетъ. Только немногіе дѣйствуютъ въ тѣхъ или другихъ интересахъ общества, т. е., не преслѣдуя однихъ личныхъ матеріальныхъ выгодъ, заняты привитіемъ своей паствѣ мистическаго ученія. Одни изъ такихъ немногихъ ишановъ заняты привитіемъ своей паствѣ мистическаго ученія и ведутъ это дѣло добросовѣстно, устраивая сеансы, произнося проповѣди и поученія въ духѣ суфизма и пр. Это люди не отъ міра сего и ихъ ученики съ увлеченіемъ читаютъ богословскія и другія сочиненія, а по ночамъ оглашаютъ окрестности заунывнымъ пѣніемъ религіозныхъ стиховъ. Другіе ишаны посвящаютъ свое время и трудъ на устройство мадраса и низшихъ школъ; третьи мечтаютъ о возстановленіи политической независимости народа, именно о превращеніи Средней Азіи изъ *даруль-харбъ* (страна невѣрныхъ) въ *даруль-*

исламъ (страна исключительно мусульманская). Но, повторяю, такихъ ишановъ, обладающихъ тѣми или другими идеалами и полагающими ихъ въ основу своей дѣятельности, очень мало.

Въ настоящее время большая часть населенія не любитъ ишановъ, но исключительно за преобладаніе среди нихъ типа своекорыстныхъ. За то достаточно ишану повести взятое на себя дѣло болѣе или менѣе добросовѣстно, какъ онъ тотчасъ пріобрѣтаетъ огромное вліяніе. Какъ на примѣръ, можно указать на умершаго въ 1892 году ташкентскаго ишана Абдуль Касымъ-хана. Онъ имѣлъ десятки тысячъ мюридовъ въ Ташкентѣ и другихъ городахъ, на сборы съ коихъ и вакуфные доходы выстроилъ медресе въ 30 тыс. рублей, въ которомъ занималось отъ 100 до 150 студентовъ¹⁾; вліяніе же его на населеніе было громадно.

Значеніе и силу дервишей и вообще мусульманскаго духовенства очень вѣрно оцѣнилъ величайшій изъ средне-азиатскихъ государей, Тимуръ. Въ завѣщаніи дѣтямъ и „счастливымъ завоевателямъ государствъ“ онъ такъ очерчиваетъ роль духовнаго элемента въ своемъ управленіи государствомъ. „Потомки пророка, ученые, начальники общинъ (шейхи, ишаны) и законовѣды были допущены въ мое общество; моя дверь была всегда открыта для нихъ; они составляли украшеніе и славу моего двора. Часто я совѣтовался съ ними о вопросахъ, касающихся религіознаго порядка, управленія и наукъ“²⁾. Изъ двѣнадцати классовъ, на которые Тимуръ дѣлилъ своихъ сотрудниковъ, духовенство и юристы имъ ставились въ первый классъ. Турецкій султанъ Орханъ I, учреждая войско янычаръ, призналъ необходимымъ испросить на него благословеніе славнаго въ то время ишана Ходжа-Бекаташи (уроженца Бухары), учредителя ордена того же имени (въ XIV ст.). Такихъ примѣровъ силы и вліянія духовенства у властителей мусульманскихъ странъ очень много.

Обыкновенно духовенство мечетей состоитъ изъ *имамовъ* и *азанчей* (приходскихъ священниковъ и пономарей, переводя на русскія понятія хотя приблизительно), не пользующихся никакимъ значеніемъ и вліяніемъ. Это просто грамотные люди, могущіе прокричать *азанъ* (призывъ къ молитвѣ) и совершить *намазъ* (мо-

¹⁾ „Мусульманскіе ишаны“. Саттаръ-ханъ.

²⁾ „Уложеніе Тимура“, Н. Остроумовъ. Казань, 1894 г.

литву), ставъ въ мечети во главѣ молящихся, а также совершить обрѣзаніе, повѣнчать, похоронить и пр. Вся сила и власть надъ взглядами и убѣжденіями паствы находится въ рукахъ ишановъ. Эти важные господа держатъ себя гордо и независимо. Ихъ не соблазняютъ видныя, а мѣстами и очень доходныя, должности, о коихъ мечтаетъ почти каждый туземецъ, изъ за выгодъ или изъ тщеславія стремясь хоть не много выдвинуться изъ толпы. Ишаны не занимаютъ административныхъ должностей: волостныхъ управителей, аксакаловъ, арыкъ-аксакаловъ и мирабовъ, лично не платятъ государственныхъ податей и не отбываютъ повинностей. Въ случаѣ невозможности уклониться отъ послѣднихъ, за ишановъ, обыкновенно, раздѣляются или арендаторы имуществъ, или мюриды, или, наконецъ, сельскія и волостныя общества. Ишаны считаютъ для себя все это унижительнымъ. Исключеніе составляютъ должности казіевъ (народныхъ судей), но и ихъ занимаютъ очень и очень немногіе ишаны. Почему ишаны не гнушаются должностями казіевъ—понятно: эти должности установлены шаріатомъ и очень почетны среди туземцевъ, да и въ матеріальномъ отношеніи безвыгодны. Занимающій должность казія не нарушаетъ ни въ чемъ религіозно-политическихъ постановленій ислама; напротивъ, онъ служитъ имъ, такъ или иначе проводя въ жизнь правила шаріата и сунны. Онъ служитъ, такимъ образомъ, не правительству невѣрныхъ, а идеѣ мусульманства и тѣмъ не подрываетъ въ глазахъ своихъ учениковъ и поклонниковъ ни званія ишана, ни родовой гордости сеида, если имѣетъ счастье насчитывать въ числѣ своихъ предковъ съ дожиною асхабовъ пророка.

Власть шейха или ишана надъ мюридомъ весьма велика; начальники орденовъ всегда были господами душъ и тѣлесъ мюридовъ. „Опережая *prinde ac cadaver* иезуитовъ, они всегда провозглашали, что „ученикъ долженъ быть въ рукахъ шейха, какъ трупъ въ рукахъ обмывателя мертвыхъ“¹⁾. Не говоря уже про орденскіе уставы, вотъ какъ очерчиваются отношенія мюрида къ ишану въ обыкновенномъ популярномъ сочиненіи, предназначенномъ не для однихъ дервишей²⁾. Мюриду „во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ

¹⁾ „Исламъ въ XIX вѣкѣ“. А. Шателъе.

²⁾ „Кодексъ приличій на востокъ“, соч. Махамедъ-Садыка Кап-кари; рус. перев. Н. Лыкошина.

руководствоваться волей шейха, во всемъ безпрекословно ему повиняться, будь то дѣла вѣры, или дѣла житейскія; ничего не слѣдуетъ предпринимать безъ разрѣшенія пира,—его волѣ должно подчиняться даже принятіе питья и пищи“. „Безъ совѣта пира не слѣдуетъ предпринимать ничего, даже если бы къ тому понуждала неотложная необходимость“. „Мюридъ долженъ считать своего пира единственнымъ въ мірѣ и самымъ важнымъ“. „Начиная какое бы то ни было дѣло, необходимо мысленно испросить разрѣшеніе и помощь у шейха. Хазретъ Ходжа-Ахраръ говоритъ, что будетъ-ли пиръ на лицо, или будетъ отсутствовать, мысли мюрида всегда находятся у пира между бровями и все равно будутъ ему извѣстны“. „Тайны шейха мюридъ долженъ хранить отъ людей, а тайны свои обязанъ сообщать пиру“. Словомъ мюридъ долженъ находиться въ полнѣйшемъ духовномъ рабствѣ у своего пира.

Вотъ въ общихъ, далеко не полныхъ, чертахъ тотъ институтъ, который называется дервишизмомъ—институтъ, составляющій активную часть мусульманства по преимуществу.

На доказательства вреда дервишизма для всякаго прогресса въ общинахъ мусульманъ—не приходится тратить много словъ. Въмѣстѣ съ проповѣдью мусульманства въ рѣзкой его формѣ ишаны и дѣятельные мюриды внушаютъ неразвитымъ, довѣрчивымъ людямъ отчужденіе отъ всего европейскаго, отъ всего того, что не носитъ на себѣ печати мусульманства и стариннаго быта. Между прочимъ, благодаря личному примѣру ишановъ и мюридовъ и внушеніямъ первыхъ (или во время собраній для сеансовъ, или же въ бесѣдахъ наединѣ), общественный и домашній бытъ туземнаго населенія нисколько не измѣняется къ лучшему. Несмотря на наглядные уроки, даваемые русскою частью населенія, повсюду царитъ прежнее невѣжество, грубое суевѣріе, грязь въ домашней обстановкѣ, дикіе нравы въ семьяхъ. Немудрено поэтому, что туземцы несутъ огромную потерю отъ злокачественной лихорадки, расхлывшейся въ областяхъ Средней Азии не хуже индійской чумы,—лихорадки, отъ которой русское населеніе терпитъ только ничтожную потерю. Вслѣдствіе того же темнаго безвыходнаго невѣжества, годъ отъ года бѣднѣетъ, а мѣстами почти поголовно вымираетъ тюркская часть населенія, именно кочевники и полукочевники. Главнымъ образомъ, ишанамъ мы обязаны малымъ успѣхомъ русско-туземныхъ школъ, открытыхъ съ такими широкими надеждами. Наконецъ, ишанамъ обязаны мы

уже двумя открытыми возмущеніями: возстаніемъ жителей Чирчикской долины въ 1871 году подъ главенствомъ Ходжи-Ишана-Ишъ-Мухаммеда кулькаринскаго, и въ настоящее время въ Ферганѣ; подъ начальствомъ Магометъ-Али, ишана-хальфа ¹⁾ минтюбинскаго. Въ томъ и другомъ случаѣ была пролита кровь, въ томъ и другомъ случаѣ дисциплина мюридовъ сдѣлала то, что русскія власти узнали о крупныхъ шайкахъ, формировавшихся у воротъ областныхъ городовъ (Ташкента и Маргелана), только тогда, когда мятежники, начавъ возстаніе, уже производили нападеніе.

Е. Т. Смирновъ.

¹⁾ Мѣстнымъ населеніемъ арабское слово халифъ передѣлаво въ хальфа (по выговору сартовъ),—халфа или хална (по грубому выговору киргизовъ и узбековъ).

ПЯТЬ ЗАПОВѢДЕЙ АЛЖИРСКИХЪ ДЕРВИШЕЙ.

(Переводъ съ французскаго).

Основатели религіозныхъ орденовъ всегда старались присоединять къ доказательствамъ своего правовѣрія, заключавшимся уже въ самомъ существованіи цѣпи, (то есть преемственной связи основателя ордена съ однимъ изъ первыхъ основателей суфизма) и въ заслугахъ, соединенныхъ съ титуломъ шерифа, авторитетъ письменнаго ученія, находящагося въ совершенномъ согласіи со священными текстами и особенно со словами Мухаммеда. Такимъ образомъ, въ большинствѣ сочиненій, содержащихъ ученіе хуановъ¹⁾, находятся постоянные завѣты не удаляться отъ пяти заповѣдей, на которыхъ сосредоточивались, обыкновенно, бесѣды Мухаммеда съ его сподвижниками, — заповѣди, которыя стали основаніемъ ученія Ислама, и точное исполненіе которыхъ религіозные ордена считаютъ, по преимуществу, своею обязанностью.

1) Имѣйте страхъ Божій въ самомъ сердцѣ вашемъ, и пусть этотъ страхъ руководитъ вашими поступками, ибо онъ есть начало всего добраго и все основано на немъ. Онъ предписываетъ вамъ остерегаться вашихъ страстей, которыя, увлекая васъ въ бездну беззаконія, порождаютъ ненависть, зависть, гордость, скупость и, наконецъ, всѣ пороки, которые гнѣздятся въ сердцѣ. Ваши глаза, ваши руки, ваши уши, вашъ языкъ, вашъ желудокъ, вашъ носъ, ваши дѣтородныя части и, наконецъ, все то, что выражаетъ ваши поступки, — будетъ обуздано страхомъ Божиимъ.

2) Сообразуйтесь съ преданіями (Сунна), то есть подражайте во всѣхъ дѣлахъ моимъ поступкамъ, ибо тотъ, кто будетъ сообра-

¹⁾ т. е. дервишей.

зоваться съ этимъ, представить мнѣ доказательства своей любви, а кто будетъ нарушать преданія, тотъ не будетъ считаться мусульманиномъ.

3) Не питайте къ земнымъ созданіямъ ни любви, ни ненависти; не предпочитайте того, кто вамъ даетъ, тому, кто вамъ не даетъ ничего. Любовь или ненависть отвлекаютъ человѣка отъ его обязанностей по отношенію къ Божеству; у васъ есть только одно сердце, и если оно занято земными дѣлами, то что же останется Богу?

4) Довольствуйтесь тѣмъ, что Создатель назначилъ вамъ въ удѣлъ; не огорчайтесь, если Онъ лишаетъ васъ части вашихъ богатствъ, или если Онъ ниспосылаетъ на васъ какія-нибудь бѣдствія; также не радуйтесь, если Онъ увеличитъ ваше благосостояніе, или если наградитъ васъ хорошимъ здоровьемъ.

5) Приписывайте все Богу, потому что все исходитъ отъ Него. Будьте столь преданы волѣ Божьей, что если добро и зло были бы обращены въ лошадей, а вамъ предложили бы ихъ для ѣзды, то вы бы безъ всякаго колебанія бросились на первую попавшуюся изъ нихъ, не разсуждая которая изъ нихъ хорошая, которая дурная. Добро и зло исходятъ отъ Бога, и вы не должны дѣлать выбора изъ нихъ ¹⁾.

Пророкъ предвидѣлъ уже, что впоследствии его законъ подвергнется нападкамъ и что нѣкоторые отступятъ отъ той вѣры, которую онъ проповѣдывалъ, и потому сказалъ своимъ ученикамъ: „Я научилъ васъ правиламъ, которыя заповѣдую вамъ возвѣстити міру. Я разсчитываю въ этомъ случаѣ на ваше усердіе; но придетъ время, когда тѣ, которыхъ вы научите, будутъ избѣгать этихъ правилъ. Знайте, что я меньше боюсь враговъ религіи, которую я установилъ, чѣмъ религіозныхъ наставниковъ, которые должны со временемъ появиться. Правда, они будутъ выполнять пять ежедневныхъ молитвъ, будутъ соблюдать нѣкоторые изъ нашихъ обрядовъ, но будутъ удаляться отъ многихъ другихъ и раздѣлятся на 73 класса, которые будутъ посвящены огню, за исключеніемъ одного, который сохранить въ точности все мои пять заповѣдей“.

¹⁾ На практикѣ эти высокія нравственныя правила в. рѣдко выполняются среднеазиатскими суфіями. Перев.

Мусульманскія конгрегаціи прилагаютъ эти послѣднія слова къ мистикамъ, вѣрующимъ, но не вступившимъ въ религіозную общину, ибо они, по ихъ словамъ, признаютъ другой авторитетъ, а не авторитетъ священныхъ книгъ, только вслѣдствіе того, что повинуются представителямъ свѣтской власти, будь то христіанинъ, или мусульманинъ, тогда какъ свѣтская власть осуждена уже въ самомъ принципѣ своимъ божественнымъ закономъ.

Напротивъ, каждая конгрегація претендуетъ на то, что именно она сохранила въ неприкосновенности повиновеніе пяти заповѣдямъ пророка и получила отъ него указанія лучшаго пути для того, чтобы избѣгать заблужденія, заслужить спасеніе души и достигнуть жизненной цѣли, которая состоитъ въ соединеніи съ Богомъ.

Онѣ принимаютъ и исповѣдуютъ то, чему учитъ и что проповѣдуетъ Коранъ, но преувеличиваютъ это. Онѣ основываются на тѣхъ же самыхъ святыхъ и учителяхъ, какъ и весь остальной Исламъ. Подобно всемъ религіознымъ обществамъ, онѣ открыто провозглашаютъ, что стремятся только къ вѣчному прославленію Бога и къ торжеству истинной вѣры. Онѣ задались цѣлью привести вѣрующихъ къ тому, чтобы они своими трудами и выполненіемъ обрядовъ благочестія заслужили вѣчное блаженство, которое коранъ обѣщаетъ людямъ, слѣдующимъ по правому пути. На этомъ пути, который былъ открытъ Мухаммеду Архангеломъ Гаврииломъ, а Мухаммедомъ указанъ основателямъ религіозныхъ орденовъ, новообращеннымъ руководятъ шейхи и постепенно доводятъ его до все болѣе и болѣе чистаго нравственнаго состоянія, которое, наконецъ, доходитъ до высшаго духовнаго совершенства, само по себѣ приближающаго человѣка къ Божеству.

Слѣдовательно, путь (тарикатъ) есть простая совокупность учений, обрядовъ и молитвъ, свойственныхъ данному ордену. Его также называютъ *Вирдъ*, что означаетъ „доступъ, прибытіе“. Это послѣднее слово даже болѣе употребительно, чѣмъ первое, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ языкѣ.

Оттѣнки, различающіе эти два слова, неважны и говорятъ безразлично: *Вирдъ Сиди-Абдулькадера* или *Тарикатъ-эль-Кадрия* (орденъ Си-Абдулькадера). Человѣкъ, который добивается посвященія въ религіозный орденъ, принимаетъ вирдъ отъ такого-то Сиди; тотъ, кто посвящаетъ его, даетъ вирдъ. Такимъ образомъ, слово *вирдъ* стало употребляться въ болѣе обширномъ значеніи и

получило смысл посвященія; въ дѣйствительности, *вирдъ* означаетъ въ одно и тоже время ученіе и тѣ правила, которыя составляютъ *путь*.

Путь, какъ мы уже сказали, раздѣляется на нѣсколько поприщъ или степеней, пройти которыя доступно не всѣмъ посвященнымъ и которыя на мистическомъ языкѣ носятъ различныя, не вездѣ одинаковыя имена, смотря по обществу или по странѣ. Многіе ордена признаютъ семь послѣдовательныхъ степеней въ достиженія душею совершенства; другіе же допускаютъ ихъ меньше. Первая степень называется: то закономъ, то посвященіемъ, то человѣчностью; на практикѣ она сводится къ произнесенію зикра и въ нѣкоторыхъ обрядахъ на этомъ останавливается огромное большинство *хуановъ*.

Затѣмъ слѣдуютъ различныя степени экстаза, каковы: страстный экстазъ, сердечный экстазъ, безплотный экстазъ души, таинственный экстазъ, экстазъ изступленія. Эти пять степеней, нерѣдко соединяемыхъ въ одно, образуютъ то, что въ другихъ орденахъ называютъ *Халь* (состояніе), или еще *Макамъ* (степень), такъ же какъ *Хаккъ* — истина (по книгѣ опредѣленій Сухрварди, гл. XVI). Существуетъ слѣдующее различіе между халь и макама: халь есть чистый даръ Бога, а макама — плодъ трудовъ; халь происходитъ изъ чистой щедрости Божіей, а макама достигается помощью усилій. Такимъ образомъ, слово халь выражаетъ состояніе продолжительное и упроченное, а макама — состояніе временное, переходное.

Эти степени достигаются посредствомъ аскетизма, все болѣе и болѣе строгаго, посредствомъ поста, размышленія, бдѣнія. Сообразно съ болѣе или менѣе успѣшнымъ движеніемъ по духовному пути, мусульманинъ получаетъ различныя наименованія, не одинаковыя въ разныхъ странахъ и у разныхъ писателей. Въ началѣ, когда вступающій только готовится вступить на *путь* и еще не получилъ никакого посвященія, онъ называется таламидъ — ученикъ, или лучше — присутствующій, т. е., тотъ, кого готовятъ къ принятію въ общество; это — новичокъ. Разъ принятіе рѣшено, таламидъ, вступившій на путь Божій, называется мюридомъ, стремящимся; это тотъ, кто стремится къ Богу и желаетъ Его достигнуть; проще сказать: это — посвященный или новообращенный. Подвигаясь далѣе на пути духовнаго совершенства, мюридъ дѣлается факиромъ, бѣднымъ — въ мистическомъ смыслѣ этого слова, которому учителя мистицизма даютъ слѣдующее опредѣленіе: „факиръ, это —

человѣкъ, обратившійся въ ничто, т. е. человѣкъ, бытіе котораго незамѣтно для его собственнаго взора; или еще: факиръ есть тотъ, кто самъ избралъ для себя бѣдность, чтобы достигнуть близости къ Богу, ибо бѣдность составляетъ начало суфизма“.

За факиромъ слѣдуетъ суфи, т. е. „тотъ, кого избралъ самъ Богъ предметомъ своей любви“. Но для многихъ вѣроучителей состояніе суфи означаетъ, скорѣе, извѣстное нравственное совершенство, чѣмъ опредѣленную степень въ духовной іерархіи.

Когда суфи подвинулся на пути къ Богу довольно далеко, тогда онъ получаетъ даръ видѣній или сверхъестественныхъ откровеній, которыя, притомъ, онъ способенъ понимать и различать (ибо и невѣжда часто бываетъ игролищемъ сновъ и видѣній, исходящихъ отъ сатаны). Достигнувъ этого состоянія, суфи получаетъ имя садикама, т. е., идущаго по пути (разумѣется, къ концу пути, ведущаго къ Богу); его утонченный умъ паритъ уже выше вѣдѣній обрядовъ религіи.

Наконецъ, еще ближе къ Богу стоитъ маджедубъ, восхищенный, привлеченный къ Богу. Ему свойственно мистическое восхищеніе, привычка къ сверхъестественнымъ видѣніямъ. Это человѣкъ, дошедшій до такого психологическаго состоянія, когда равновѣсіе между духомъ и плотью нарушено и когда душа чувствуетъ себя притягиваемою къ Богу. Это — острое состояніе, которое передается словомъ *одеджимостъ* или *безуміе*. И дѣйствительно, слово маджедубъ на обыденномъ языкѣ часто бываетъ синонимомъ слова *безумный*, какъ у насъ слово *одеджимый*.

Достигнувъ этого состоянія отрѣшенности отъ чувствъ, и слѣвавшись влѣдствіе этого способнымъ къ воспріятію божественныхъ даровъ и благодати божественной, вѣрный получаетъ иногда также вазваніе *мухаммади*, т. е., исполненный духомъ пророка. Тогда онъ возносится за предѣлы матеріальной жизни. Для него теперь только существуетъ жизнь духовная, и религіозные обряды перестаютъ для него быть необходимыми. Хуанъ мухаммеда находится въ такомъ благодатномъ состояніи, что не можетъ сдѣлать ничего лучше, какъ погрузиться всецѣло въ созерцаніе Бога.

Выше этого состоянія мухаммеда есть еще одно состояніе вышаго блаженства, обозначасмаго словомъ таухидъ, т. е. исповѣданіе единства Божія или марифать т. е. познаніе. Хуанъ таухиди, т. е. человѣкъ, находящійся въ состояніи таухида, на столько одержимъ

духомъ Господнимъ, что онъ, такъ сказать, отождествляется съ Божествомъ, познаетъ и исповѣдуетъ состояніе Божества. На этой высочайшей степени душа человѣческая теряетъ сознание своей индивидуальности и даже сознание своего Божества, ибо, въ противномъ случаѣ, для нея существовали бы двойственность, и единство не было бы совершеннымъ. Въ сущности, это та же индійская Нирвана, только подъ другимъ именемъ. Такимъ образомъ, здѣсь безъ малѣйшихъ измѣненій встрѣчаются всѣ мистическія выраженія, которыя свойственны языку суфиевъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ мистическіе ордена всегда были наиболее ревностными распространителями суфизма въ исламъ, и ученіе мусульманскихъ религіозныхъ обществъ можно охарактеризовать однимъ словомъ, сказавъ, что эти ученія суть ученія суфійскія. Впрочемъ, это все то же, что провозглашаютъ громко основатели религіозныхъ орденовъ и ихъ моккадемы, когда ихъ спрашиваютъ о принципахъ, которые служатъ основаніемъ ихъ мистическаго ученія. Они говорятъ, что тотъ—суфи, кто преданъ созерцательной жизни и старается достигнуть аскетическими упражненіями слѣпago повиновенія по отношенію къ начальникамъ отреченія отъ міра, проевѣщенія ума, спокойствія души и близкаго соединенія съ Богомъ, благодаря заступничеству различныхъ начальниковъ духовныхъ или святыхъ, которыхъ они чтятъ, какъ покровителей. Однакожъ, религіозные начальники не вполне согласны на счетъ того, что нужно понимать или дѣлать, чтобы быть суфіемъ. Одни полагаютъ, что достаточно исполнять ревностно предписанныя дѣла, а другіе говорятъ, что для того, чтобы заслужить этотъ титулъ, нужно имѣть мистическія видѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, суфизмъ не есть философская система и не религіозная секта, это—особый родъ жизни въ совершеннѣйшей чистотѣ. Онъ не имѣетъ ни догматовъ, ни точныхъ правилъ, ни разсужденій, ни доказательствъ. Его существованіе заключается въ чувствѣ, въ интуиціи, впечатлѣніи и другихъ ощущеніяхъ—неясныхъ и неопредѣленныхъ. Суфи—ни мусульманинъ, ни христіанинъ, ни индеецъ (буддистъ).

Главная сущность суфизма, говоритъ Ибнъ-Хальдунъ¹⁾, это обрядъ, по которому должно часто заставлятъ свою душу отдавать

¹⁾ Ибнъ-Хальдунъ родился въ Тунисѣ въ маѣ 1332 (1 рамазанъ 732) и умеръ въ мартѣ 1406 (25 рамазанъ 808).

отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и во всемъ томъ, что-бы она не дѣлала. Кроме того, это есть раскрытіе и развитіе экстазовъ, которые рождаются изъ борьбы съ естественными склонностями, потому дѣлаются для духовной жизни ступенями (или степенями), по которымъ суфи поднимается постепенно отъ одной къ другой. Освобожденіе отъ чувствъ случается чаще всего у людей, которые ведутъ духовную борьбу, и тогда они пріобрѣтаютъ понятіе объ истинной природѣ существъ. Великіе мистики не признаютъ этого освобожденія отъ вѣшнихъ чувствъ; они не открываютъ ничего, что знаютъ объ истинной и тайной сущности вещей, прежде чѣмъ не получатъ приказанія говорить объ этомъ. Новѣйшіе мистики съ особымъ интересомъ останавливаются на этомъ освобожденіи отъ вѣшнихъ чувствъ, при которомъ душа получаетъ возможность пользоваться присущей ей способностью созерцанія всего существующаго, начиная отъ престола Божія до самаго легкаго дождя.

Понятія, сообщаемыя суфизмомъ, говоритъ онъ, впрочемъ, поддаются еще труднѣе другихъ научной классификаціи. Это зависитъ отъ того, что суфи претендуютъ разрѣшать всѣ проблемы съ помощью откровеній, полученныхъ ими изъ міра духовнаго, и что они избѣгаютъ употребленія доказательствъ. Впрочемъ, они знаютъ насколько идеи этого рода отличаются отъ понятій, извлеченныхъ изъ наукъ: первыя не согласуются съ послѣдними ни въ направленіяхъ, ни въ результатѣ.

А вотъ какъ говорить о суфизмѣ одинъ глава алжирскаго религіознаго ордена, въ XIX вѣкѣ, шейхъ Мухаммедъ-ель-Миссумъ, халифъ ордена хаделіевъ: „Обязанности истиннаго суфія состоятъ въ исполненіи предписаній Божіихъ, касающихся поста, молитвы, милостыни и паломничества. Познавать Бога и молиться Ему безпрестанно, возглася славу Его говоря: „пѣтъ Божества, кромѣ Аллаха, хвалѣ Богу! Богъ великъ! (Можно также замѣнить слова „Богъ великъ“ однимъ изъ атрибутовъ Божіихъ).

Первое условіе суфія—отрѣшиться совершенно отъ этого бреннаго міра и тѣхъ, кто въ немъ обитаетъ; онъ долженъ имѣть всегда передъ глазами жизнь будущую, забывать долженъ гордость и зависть: не нужно подвергать себя смертельной опасности въ предпріятіяхъ, которыя выше собственныхъ силъ. Дѣйствительно, Богъ сказалъ: „не стремитесь къ смерти“. Всѣ старанія суфія должны быть направлены къ исканію на землѣ мѣста, гдѣ бы онъ

могъ свободно и увѣренно заниматься дѣлами благочестія. Таковы истинные принципы суфизма, а всякое другое ученіе ложно“.

Конечно, есть марабуты, не вступившіе въ религиозную общину, которые принаравливаются къ этому правилу и которые стараются суровымъ аскетизмомъ и примѣрной жизнью приобрести послѣ смерти славу святого; но не всѣ марабуты исполняютъ требованія суфизма; есть такіе, которые живутъ, какъ всѣ люди, и хотя подають примѣръ исламской добродѣтели, но не предаются сверхдолжнымъ занятіямъ, такъ цѣнимымъ у мистиковъ.

Обыкновенно, почти во всѣхъ религиозныхъ орденахъ пользуются суфизмомъ, какъ образцомъ, слѣдовать которому предлагаютъ выдающимся членамъ. Мы сказали уже, что титулъ суфія впервые явился еще при жизни Мухаммеда. Люди, которые его получили, были въ то же время его первыми адептами и составляли основу перваго религиознаго ордена. Это—Сиддикія. Суфизмъ развился позже, въ частности, по тѣмъ же причинамъ, которыя привели къ основанію религиознаго ордена.

„Суфизмъ, сказалъ М. Dugat (Dugat, Histoires des philosophes et des théologiens musulmans, page 336), появился въ исламизмѣ, какъ противодѣйствіе жизни разсѣянной и свѣтской, которая развилась вълѣдствіе умноженія богатствъ и мусульманскихъ завоеваній; а позже суфизмъ выступилъ противъ порчи мусульманскаго духовенства, которое обогатилось, пользуясь монополіей должностей учительскихъ, судебныхъ и духовныхъ“.

Таково было происхожденіе алжирскихъ марабутовъ, которые были простыми аскетами, а умирали святою смертю; но преемники ихъ не подражали ни простотѣ, ни суровости предшественниковъ. Не этого добивались суфіи: они поняли скоро, что если реакція, которую они испытали, была, дѣйствительно, сильна, то нужно нѣчто другое, чѣмъ единичные примѣры и догматическія проповѣди, произнесенныя съ кафедръ. Они надѣялись употребить всѣ свои старанія, чтобы соединиться въ религиозную общину, и ставили себѣ въ заслугу распространеніе своихъ философическихъ идей, ибо понимали—какую огромную силу составляютъ дисциплина и число послѣдователей.

Вотъ почему они и старались имѣть какъ можно больше сообщниковъ. Въ этомъ отношеніи религиозные ордена показали себя крайне способными: вмѣсто того, чтобы волновать людей, го-

воря имъ о высшей добродѣтели или о суровости, которыя не имѣютъ ничего обольстительнаго, глава ордена и мокадемы довольствовались восхваленіемъ сверхъестественныхъ заслугъ молитвъ, которымъ они обучаютъ, и особенно настаивали на духовномъ значеніи титуловъ хуана, факира¹⁾ или дервиша²⁾ Всѣ эти три слова тождественны³⁾.

Послѣ посвященія въ орденъ начальники выбираютъ себѣ подчиненныхъ и съ превосходной ловкостью принаравливаютъ свое ученіе къ нравственнымъ способностямъ учениковъ, давая каждому такія нравственныя упражненія, которыя соотвѣтствуютъ ихъ стремленіямъ. Суровость правилъ мусульманскихъ религиозныхъ орденовъ держится только на двухъ или трехъ пунктахъ: послушаніе шейху, тайна, въ которой сохраняются всѣ дѣла ордена, взаимная солидарность (согласіе) дервиша съ другими хуанами. Сверхъ того, примѣненіе вирда на практикѣ отличается большой эластичностью. Шейхи и мокадемы, какъ и всѣ духовныя лица класса болѣе или менѣе образованнаго, отличаются искусствомъ направлять людей и умѣютъ принимать въ соображеніе нужды и страсти каждаго, когда это можетъ быть полезно для ордена. Для нихъ возможны компромиссы, и новообращенный, ничего даже не подозревая о вниманіи, которое ему оказываютъ, получаетъ приказанія, соотвѣтствующія его духовному темпераменту.

Узкому уму ханжей шейхъ предлагаетъ свои мелочные обряды зикра; для ума слабаго онъ имѣетъ талисманы и обряды сусвѣрія, такъ почитаемые невѣждами и несчастными; для мистика—опьяненіе (упоеніе) экстазомъ религиознымъ; человеку серьезному онъ предлагаетъ свое усовершенствованное нравоученіе и суровость, которая напоминаетъ суровость Вахабитовъ, не впадая однако въ расколъ; ученому шейхъ предлагаетъ книги и ученія наблюдательной философіи; слабымъ и угнетеннымъ онъ обѣщаетъ поддержку и силу всемогущаго братства. А всего болѣе замѣчательно то, что нѣтъ даже

¹⁾ Факиръ значитъ бѣдный, смиренный: часто мусульмане, не хуаны, кончаютъ свои письма слѣдующею формулой: я, бѣднякъ (ничтожный) передъ Богомъ.

²⁾ Слово дервишъ турецкое, и имѣетъ тотъ же смыслъ, что бѣдный, нищій. На крайнемъ Востокѣ дервиши извѣстны подъ именемъ факировъ, а на сѣверѣ Африки—подъ именемъ хуановъ.

³⁾ Чтобы еще болѣе пояснить значеніе этихъ терминовъ, можно сопоставить ихъ съ евангельскимъ выраженіемъ: „нищіе духомъ“. Перев.

необходимости обращаться для этого къ различнымъ орденамъ: каждая конгрегация умѣетъ въ ловкомъ примѣненіи своихъ уставовъ найти средства, чтобы сообразоваться съ понятіями всякихъ разумныхъ существъ всѣхъ характеровъ и всѣхъ общественныхъ положеній.

Глубокое невѣжество большей части хуановъ не позволяло имъ возвыситься до уровня тѣхъ философическихъ представлений, которыя занимаютъ ихъ духовные руководители.

Уступки, сдѣланныя относительно нѣкоторыхъ личностей, которыхъ желаютъ удержать или привязать къ себѣ, не мѣшаютъ начальникамъ орденовъ всегда особенно настаивать въ своихъ писаніяхъ и проповѣдяхъ на отреченіи отъ міра, уединеніи, молчаніи, изможденіи плоти, бдѣніи, на постоянныхъ молитвахъ, наконецъ на аскетизмѣ подъ различными видами, также на добродѣтеляхъ отрицательныхъ и антисоціальныхъ, которыми отличаются святые и которымъ предаются мистики всѣхъ религій и всѣхъ странъ. Къ счастью, существуетъ нѣкоторое облегченіе въ примѣненіи этихъ правилъ; большинство хуановъ даже не обязано предаваться всѣмъ этимъ, якобы религіознымъ, подвигамъ.

И такъ, практическія слѣдствія нестолько важны, сколько объ этомъ можно думать по нашимъ словамъ. Съ точки зрѣнія философской, вліяніе религіозныхъ орденовъ было даже полезно исламу, ибо рядомъ съ этимъ мечтательнымъ идеаломъ, необходимымъ для нѣкоторыхъ исключительныхъ натуръ, эти ордена, кромѣ этого, имѣютъ еще одно ученіе, въ которомъ нѣтъ ничего дурного.

Каждая книга суфиевъ заключаетъ въ себѣ изложеніе принциповъ, установленныхъ основателемъ ордена, и наставленія, нужныя для его адептовъ; всѣ же книги, вообще, содержатъ прекрасные совѣты и поученія, приложимыя къ нравоученію, которое приближается многими пунктами къ нравоученію, проповѣдуемому моралистами или христіанскими философами. Безусловно можно сказать, что мусульманскія конгрегации заботятся въ такой степени о нравоученіи и добродѣтели, что подобнаго попеченія не встрѣтишь у другихъ марабутовъ, не членовъ конгрегации, или удаленныхъ отъ священническихъ обязанностей.

Хорошо извѣстно всѣмъ, что вліяніе суфизма въ первые вѣка ислама было очень благотворно. Можно почти сказать, что на суфиевъ смотрѣли, какъ на основателей нравственнаго ученія на востокѣ. Когда въ Багдадѣ они соединились съ правовѣрными,

чтобы защищать сунну, ихъ поведеніе, ихъ безкорыстіе, ихъ благочестіе произвели самое спасительное дѣйствіе на нравы мусульманскаго общества; большое число изъ нихъ были уважаемы халифами Багдада и остаются для народа святыми, почитаемыми всѣми исповѣданіями ислама.

Въ Алжирѣ вліяніе религіозныхъ орденовъ не всегда было дурно; вражда, которую они тамъ поднимали, и опасность, какую нѣкоторые изъ нихъ могли составлять для политики и просвѣтительныхъ дѣйствій французовъ, не должны заставлять ихъ забывать услуги, которыя они могли оказать народонаселенію. То, что Даи или миссіонеры вахабитскіе сдѣлали въ первые вѣка гиджры, чтобы смягчить нравы берберовъ, возвратившихся почти къ дикому состоянію, и то, что марабуты снова начали дѣлать нѣсколько позже, когда правовѣрный исламъ уже распространилъ свое дѣйствіе на всея сѣверѣ Африки, духовныя конгрегации предприняли это почти вѣкомъ раньше, тогда какъ послѣдователи этихъ первыхъ марабутовъ, сдѣлавшіеся личностями болѣе или менѣе могущественными, соединились вмѣстѣ, чтобы наслаждаться доходами, пріобрѣтенными ихъ предками, и оставили благочестивое дѣло прозелитизма.

Ссылаются особенно на одно племя, гдѣ развитіе духовныхъ обществъ положило конецъ кровавымъ войнамъ и раздорамъ, постоянно возраждающимся.

Большой авторитетъ мокаддемовъ и духъ дисциплины, который они внушали своимъ ученикамъ, не одинъ разъ помѣшали имъ начать борьбу безъ успѣха и безъ пользы для тѣхъ, которые принимали въ ней участіе. Когда появились въ Алжирѣ французы, тогда ходъ дѣлъ могъ измѣниться, но даже и послѣ 1830 года нѣсколько разъ, благодаря благоразумію начальниковъ религіозныхъ орденовъ, не удавалось поднимать возстанія, и французы, не употребляя военной силы, могли поддерживать порядокъ между фанатическими партіями, готовыми поднять оружіе противъ французовъ. Несомнѣнно, что такое поведеніе начальниковъ орденовъ вызвано не дѣйствительными симпатіями ихъ къ французамъ, а ясно сознанными личными интересами; но результаты всего этого, тѣмъ не менѣе были одинаково выгодны, какъ для туземнаго населенія, такъ и для французовъ. Всѣ ордена, впрочемъ, по писаннымъ правиламъ, обязаны держаться въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ, но,

съ другой стороны, хорошо извѣстно, какъ религіозныя общества всѣхъ народовъ понимаютъ удаленіе отъ политическихъ дѣлъ, и было бы бесполезно обвинять однихъ мусульманъ въ неисполненіи этого правила.

Догматическое ученіе каждаго изъ орденовъ особенно отличается специальными обрядами благочестія и особыми молитвами, а также предпочтеніемъ, какое всѣ основатели ордена оказывали извѣстнымъ добродѣтелямъ и идеаламъ, которые онъ и рекомендуетъ своимъ адептамъ. Такимъ образомъ, ученіе кадрийцевъ особенно настаиваетъ на любви къ ближнему, ученіе Хильватіевъ на пустынножительствѣ, ученіе Айсавитовъ на мистицизмѣ, проявляемомъ нечувствительностью къ физическимъ страданіямъ, ученіе Бекташіевъ на смиреніи, ученіе Деркавьевъ на бѣдности и удаленіи отъ властей, ученіе Таибіевъ на почитаніи и преданности потомкамъ пророка, ученіе Тиджаніевъ — на терпимости, ученіе Сенуситовъ на теократическомъ главенствѣ и нанисламизмѣ.

(Переводъ изъ книги: *Marabout et Kham. Etude sur l'Islam en Algérie* par Louis Rinn, Alger. 1884 Chap. II, pag. 62—76).

ИШАНЫ И СУФИЗМЪ.

„Il ne saurait pas être inutile d'insister tout particulièrement sur la vitalité du Mahométisme mystique. C'est lui seul qui, chez les musulmans du XIX siècle, représente le principe religieux actif“ („L'Islam au XIX siècle“ par A. le Chatelier, Paris, 1888).

Ишаны, привлекая на себя въ послѣднее время вниманіе русскаго общества, суть наиболѣе уважаемые представители особаго мусульманскаго ученія, именуемаго у европейцевъ суфизмомъ, отъ слова „суфи“ (благочестивый, преданный созерцательной жизни), адептъ этого ученія; у мусульманъ это ученіе называется „*та-саввуфъ*“ (созерцаніе). Изъ рядовъ представителей суфизма вышли почти всѣ мусульманскіе святые, а также весьма многіе поэты и философы мусульманскаго міра, къ этому же ученію принадлежали нѣкоторые дѣятели, игравшіе видную роль въ политической исторіи ислама. Въ настоящее время въ мусульманскихъ странахъ суфии являются главными духовно-нравственными руководителями народа, а въ странахъ съ иновѣрнымъ населеніемъ они выступаютъ распространителями ислама. Все это заставляеть видѣть въ суфизмѣ главную активную силу современнаго мусульманства.

Что же такое суфизмъ?

Весьма многіе приравнивають суфизмъ къ христіанскому монашеству. Но въ исламѣ нѣтъ монашества, какъ указалъ основатель ислама. Дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, суфизмъ исходитъ изъ иныхъ началъ, нежели монашество, и, кромѣ нѣсколькихъ случайно сходныхъ чертъ, ничего общаго съ послѣднимъ не имѣеть.

Съ большимъ правомъ можно было бы назвать суфизмъ мусульманскимъ сектантствомъ, если бы только понятіе сектантства не

заключало въ себѣ понятія отчужденности отъ правовѣрія. Суфизмъ, наоборотъ, такъ тѣсно сплелся съ ортодоксальнымъ исламомъ, что, какъ сказано, является въ настоящее время главной активной силой послѣдняго.

Вѣрнѣе всего назвать суфизмъ мусульманскимъ мистицизмомъ.

Извѣстно, что собственно исламъ есть религія несложная и, если можно такъ выразиться, сухая, въ которой не находятъ себѣ отвѣта нѣжныя движенія слабой души человѣческой, ищущей сверхъестественной помощи и поддержки. Въ восполненіе этого недостатка въ мусульманствѣ постепенно выработалось мистическое ученіе, извѣстное подъ названіемъ суфизма.

Въ началѣ это ученіе, не согласовавшееся съ духомъ ислама, подвергалось сильному гоненію; однако, мало-по-малу, вся религіозная жизнь ислама прониклась вліяніемъ суфизма.

Мистицизмъ, вообще, коренится въ стремленіи несовершенной души человѣческой къ существу совершенному, къ Богу. Однако, мистикъ, приближается къ Богу не путемъ усовершенствованія своей собственной личности, не путемъ обузданія грѣховныхъ порывовъ своихъ, какъ то дѣлаетъ аскетъ, — и въ этомъ коренное различіе суфизма отъ христіанскаго монашества, основаннаго, преимущественно, на аскетизмѣ¹⁾. По понятіямъ мусульманскихъ мистиковъ, божество таинственно объемлетъ весь міръ, слѣдовательно, витаетъ кругомъ человѣка и живетъ въ человѣкѣ. „Для людей, познавшихъ Бога, нѣтъ ничего кромѣ Бога“, говоритъ знаменитый персидскій поэтъ и мистикъ Саади²⁾. Величайшій мистикъ и святой, шейхъ Мансуръ, въ концѣ концовъ сталъ называть себя Богомъ. „Я есмь Истина“ (Аналь-хаккъ), говорилъ онъ, за что и былъ приговоренъ ортодоксальными муллами къ смерти, какъ богохульникъ.

Туркестанскій мистическій поэтъ XII ст., Султанъ Арефинъ, стихотворенія котораго весьма уважаются туземцами нашего края,

¹⁾ Аскетическій элементъ присущъ суфизму въ малой степени: на практикѣ онъ выражается нѣкоторыми сверхдолжными (татауо) молитвами, постами и бдѣніемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажущійся аскетизмъ суфіевъ объясняется просто анестезіей, т. е. есть послѣдствіе нервной ненормальности мистиковъ. См. любопытный примѣръ такой анестезіи (сидѣніе на морозѣ) въ житіи Хусамидина Шаши (въ книгѣ Гуламъ-Сарвара „Хазинатуль-асфія“ — что значитъ „Сокровищница чистѣйшихъ“, на персид. яз., т. 1, 558).

²⁾ Холмогоровъ, „Шейхъ Мослихундинъ Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы“, 109.

не разъ приводитъ вышеупомянутое изреченіе Мансура, какъ откровеніе высшей мудрости:

„И сказалъ Мансуръ: „я есмь Истина“, — а дѣло божьихъ людей правильно.

Но муллы сказали: „неправда“, и мыслили въ сердцахъ своихъ злое „Не говори: „я есмь Истина“, ты сталъ невѣрнымъ. Мансуръ“, — сказали они.

Это есть въ Коранѣ, сказали они, и собравшись, убили Мансура.

Не поняли муллы словъ Мансура: „я есмь Истина“.

Открыть людямъ явной науки тайное ученіе (суфизма) Богъ не счелъ умѣстнымъ.

Тексты изъ Корана они подобрали, но состоянія Мансура понять не могли.

Святыхъ, подобно Мансуру, на висѣлицу возводили они³⁾.

Основатель дервишскаго толка (или ордена, „сулюкъ“), Мевлеви говорилъ своему духовному наставнику: „О, мой учитель! Ты довершилъ мое ученіе, научивъ меня, что ты Богъ, и что все есть Богъ“⁴⁾.

А если все есть Богъ, то не можетъ быть грѣха, ни вытекающаго изъ него зла; исчезаетъ всякое различіе между добромъ и зломъ, исчезаетъ, вообще, всякая форма, и все уничтожается въ Богѣ. Уничтоженіе въ Богѣ (*фэна филиахи* или „пано шилля“ по мѣстному выговору) есть высшая цѣль стремленій мусульманскаго мистика. Такъ Баязидъ Бестами говорилъ: „Боже! Долго-ли между Тобою и мною будутъ находиться понятія „я“ и „ты“? Отстрани ихъ, чтобы я превратился въ ничто“⁵⁾. „Ни имени у меня, ни прозвища не осталось; я обратился въ ничто...“⁶⁾.

Если нѣтъ грѣха, то нѣтъ и необходимости искупленія, которое есть высокій основной принципъ христіанства. Если мистикъ согрѣшилъ и палъ, то ему кажется достаточнымъ то жгучее чувство раскаянія, которое охватываетъ человѣка послѣ паденія. Мистикъ кажется, что это чувство само по себѣ уже очищаетъ его душу отъ послѣдствій грѣха и приближаетъ его къ Богу: вѣдь Богъ такъ близокъ къ мистикъ. Мистикъ стоитъ лишь сопоставить свое ничтожество и слабость съ величіемъ милосерднаго Бога, какъ умиленіе уже объемлетъ душу его, слезы выступаютъ на его глазахъ,

¹⁾ Султанъ Арефинъ, стихотв. 21.

²⁾ Позднень, „Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ“, 119.

³⁾ Холмогоровъ, о. с. 116.

⁴⁾ Султанъ Арефинъ, стихотв. 1.

и ему кажется, что милостивое до потворства божество уже здѣсь, возлѣ, подобно заботливой нянѣ.

„Божѣ“ — сказалъ я (Султанъ Арефинъ). „Что угодно?“ (Ляббайкъ?) — сказалъ Онъ и взялъ руку мою¹⁾.

То чувство нравственнаго успокоенія, которое, какъ неизбежная реакція, слѣдуетъ за порывами пылкаго умиленія и жгучаго раскаянія, мистикъ считаетъ утѣшеніемъ, исходящимъ непосредственно отъ Бога.

Мистицизмъ возможенъ вездѣ; но только тамъ, гдѣ онъ не сдерживается никакими положительными постановленіями религіи, его не предвидѣвшей, какъ то случилось съ исламомъ, онъ достигаетъ ненормальнаго развитія, охватываетъ всѣ сферы духовной жизни и принимаетъ формы иногда уродливыя.

Мусульманскій мистикъ (суфи, дервишъ) долженъ находиться въ состояніи непрерывнаго умиленія, непрерывнаго страстнаго стремленія къ сліянью съ божествомъ. Такъ какъ при нормальномъ состояніи человѣческаго организма это невозможно, то мистики выработали, мало-по-малу, цѣлое искусство приводить себя въ желаемое настроеніе („халь“, т. е. „состояніе“ по преимуществу) и поддерживать въ себѣ это настроеніе. Это искусство сложилось въ стройную систему, по своей цѣлесообразности не уступающую знаменитымъ *Exercitia Spiritualia*, — „Духовнымъ упражненіямъ“ Игнатія Лойолы.

Жизнь дервиша окружена сѣтью столь мелочныхъ и стѣснительныхъ предписаній, что буквальное ихъ выполненіе становится невозможнымъ. Однако тотъ, кто потщится выполнять ихъ по мѣрѣ силъ своихъ, дѣйствительно, настолько затмитъ свой разумъ, что достигнетъ желаемаго экстаза, т. е. *воображаемаго соединенія съ божествомъ* („васль“).

Первое средство для достиженія этого есть абсолютное подчиненіе волѣ духовнаго наставника („муршидъ“, т. е. „руководитель“, „шейхъ“ или „пиръ“, т. е. „старецъ“). По отношенію къ своему духовному наставнику дервишъ называется „муридомъ“ или „муридомъ“, т. е. „желающій“ „жаждущій“, подразумевается, наставленій). Вступленіе въ число муридовъ у насъ, въ Туркестанскомъ краѣ, обозначается терминомъ „дать руку“

¹⁾ „Хикматъ“ стихотв. 116, казан. изд.

(Куль бирмакъ). Оно есть актъ свободный и обставляется различными обрядами, для каждаго дервишескаго толка особыми. Интересно, что у насъ, въ Туркестанскомъ краѣ, существуютъ и наследственныя мистическія отношенія; такъ, напр., какъ я слышалъ, нѣкоторые псентскіе ишаны, или „тюри“ ежегодно отправляются на сборъ дани къ жителямъ Ура-тубе, на томъ основаніи, что отцы послѣднихъ были мюридами ихъ отцовъ.

Обязанность духовнаго наставника состоитъ въ томъ, чтобы вести мюрида по пути духовнаго совершенства. Этотъ путь именуется „тарикатомъ“ („путь къ истинѣ“). Онъ раздѣляется на три поприща: собственно тарикатъ или „путь, ма'рафатъ“ или „знаніе“ и „хакыкатъ“, т. е. „состояніе истины“, или достиженіе божества¹⁾.

Огромное большинство дервишей не идетъ дальше первой ступени; на двухъ высшихъ стоятъ лишь немногіе избранные, удостоившіеся получить отъ Бога даръ видѣній, пророчествъ и чудесъ. Эти послѣдніе и являются духовными наставниками, „пирами“, для прочихъ дервишей. Особенно уважаемые изъ нихъ называются ишанами, отъ персидскаго слова „ишанъ“ („они“), т. е. „ихъ милость“ — почтительное выраженіе. Послѣ смерти они зачисляются въ разрядъ святыхъ и именуется въ жизнеописаніяхъ, составленныхъ ихъ благочестивыми послѣдователями, „хазратъ-ишанъ“ („святые они“) т. е. „ихъ святѣйшество“ въ приближенномъ переводѣ.

¹⁾ Въ теоріи тарикатъ есть одна изъ четырехъ степеней духовной жизни, а именно: шаріатъ, тарикатъ, ма'рафатъ и хакыкатъ. И дѣйствительно, эти понятія встрѣчаются въ мистическихъ книгахъ рядомъ, какъ равныя по объему (напр., въ трактатѣ (рисоля) Султана Арефина, стр. 3). Однако, это дѣленіе осталось теоретическимъ, идеальнымъ; жизнь давно раздѣлила мусульманское общество только на двѣ неравныя группы; къ первой принадлежитъ огромное большинство мусульманъ, — всѣ, относящіеся къ религіозно-философскимъ вопросамъ болѣе или менѣе индифферентно и довольствующіеся выполненіемъ обрядовъ, предписанныхъ шаріатомъ, — это „люди шаріата“ (ахль-и-шаріатъ). Люди съ душою болѣе чуткою, люди „ищущіе Бога“, составляютъ вторую группу — суфіевъ, людей, вступившихъ на путь духовной жизни („ахль-и-тарикатъ“). Такимъ образомъ, понятіе „тарикатъ“, въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, включаетъ въ себя понятія „ма'рафатъ“ и „хакыкатъ“. Изъ этихъ послѣднихъ слово „хакыкатъ“ употребляется гораздо чаще, нежели „ма'рафатъ“, и означаетъ высшую ступень духовно-мистической дѣятельности.

Выработалась цѣлая система, при помощи которой воля мюрида порабощается волѣ наставника. Такъ, организм мюрида умышленно изнуруется постомъ, молитвами и зикромъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже; все это облегчаетъ дѣйствіе гипнотизирующихъ силъ ишана. Мюридъ не долженъ пристально и долго смотрѣть на ишана; въ присутствіи послѣдняго онъ долженъ говорить какъ можно меньше. Мюридъ обязанъ закрывать глаза на все, что можетъ, такъ или иначе уронить авторитетъ наставника. Болѣе всего онъ долженъ остерегаться осуждать ишана, не только словесно, но даже и мысленно. Вообще, мюриду вмѣняется въ обязанность увѣрить себя въ томъ, что наставнику извѣстны всѣ мельчайшія подробности его жизни и даже всѣ его мысли.

Приказанія ишана мюридъ долженъ исполнять не разсуждая и не колеблясь. Мюридъ долженъ всѣми силами отвращать всякій вредъ, или непріятности, которыя могутъ угрожать наставнику.

Однимъ словомъ, „мюридъ долженъ быть въ рукахъ шейха, какъ трунъ въ рукахъ обмывателя мертвыхъ“, гласитъ одно изъ правилъ „*тасаввуфа*“ (Chatelier, о. с.).

Пользуясь такою властью надъ волей мюрида, шейхъ можетъ исцѣлять больныхъ мюридовъ и вообще творить чудеса¹⁾.

¹⁾ Въ огромномъ большинствѣ случаевъ чудеса ишановъ легко объясняются причинами естественными: ловкостью неразборчиваго на средства ишана и легковѣріемъ его послѣдователей. Припомнимъ хотя-бы чудесную варку плова безъ огня Дукчи-ишаномъ, виновникомъ печальныхъ событій въ Андижанѣ 17—18 мая. Въ жизни Зенги-ата, мазаръ котораго находится по близости отъ Ташкента, было, напр., слѣдующее чудесное событіе: „Существуетъ рассказъ, что Ходжа Хакимъ-ата (наставникъ Зенги-ата),—да будетъ милость Божія надъ нимъ!—имѣлъ жену, по имени Анбаръ, которая была дочерью Борахъ-хана. Такъ какъ Хакимъ-ата имѣлъ темный цвѣтъ кожи, то однажды биби-Анбаръ пришло въ голову: „хорошо бы было, кабы мужъ мой, Хакимъ-ата, былъ не такъ черенъ“. Объ этой мысли узналъ Хакимъ-ата и изрекъ: „скоро ты будешь подругою того, кто еще чернѣе меня“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того Хакимъ-ата прильпился къ милосердію Божію (т. е. умеръ), и Зенги-ата (бывшій намѣстникъ Хакимъ-ата), черезъ установленный срокъ послѣ смерти его, послалъ просить Анбаръ-биби за себя замужъ. Она отказала. Хакимъ-ата въ отвѣтъ ей велѣлъ передать: „вы помните, что изрекъ вашъ покойный супругъ,—именно: скоро ты сдѣлаешься подругою того, кто еще чернѣе меня“. Эгооть еще болѣе чернѣе—я, и дѣло это-рѣшеное дѣло“. Биби-Анбаръ изумилась, ибо думала, что, кромѣ нея, никто не знаетъ объ этомъ, и въ концѣ концовъ согласилась на бракъ съ Ходжею Зенги-ата“. „Хазина-туль-асфія“, т. е. „Сокровищница чистѣйшихъ“ т. I, стр. 537).

Нѣкоторые особенно уважаемые ишаны имѣютъ тысячи и даже десятки тысячъ послѣдователей; они владѣютъ большими капиталами, составившимися изъ добровольныхъ пожертвованій. Вліяніе сильной и даровитой личности наставника на мюридовъ можетъ быть могущественно; нерѣдко шейхи становились во главѣ сильныхъ политическихъ организаций; припомнимъ исторію Шамиля, Махди и особенно исторію знаменитаго „*Старца горы*“, шейха Хасана Аламутскаго, основателя средневѣковой секты тайныхъ убійць, ассасиновъ (отъ слова „*хашашійюнъ*“, т. е. употребляющіе опиумъ).

Нѣкоторые дервиши, напр., въ Египтѣ и Персіи, пользуются и доселѣ хашишемъ для приведенія себя въ желаемое настроеніе, но наиболѣе употребительнымъ средствомъ для достиженія экстаза служитъ „*зикръ*“, буквально, „упоминаніе“ именъ Божіихъ¹⁾. Изъ именъ Божіихъ особенно важны семь („*Алла*“—Богъ: „*Ху*“—Онъ; „*Хай*“—Живый и др.). Каждое изъ этихъ именъ должно быть произнесено совершеннымъ дервишемъ тысячи разъ въ сутки (по Поздневу, о с., даже десятки тысячъ). Процессъ совершенія мысленнаго „*зикра*“ у нашихъ туркестанскихъ мистиковъ слѣдующій. Въ груди у человѣка существуютъ пять куполообразныхъ отдѣленій („*гумбазъ*“); первое изъ нихъ называется „*кальбъ*“, т. е. сердце, оно помѣщается на два пальца ниже лѣваго соска; второе именуется „*рухъ*“, т. е. духъ, оно находится на два пальца ниже праваго соска; третье помѣщается надъ первымъ и называется „*сиръ*“, т. е. тайна; четвертое—надъ третьимъ и называется „*хафи*“, т. е. скрытое; пятое между четвертымъ и вторымъ, оно называется „*ихфа*“ („*ахфо*“), т. е. сокровенное²⁾.

¹⁾ Всѣхъ именъ Божіихъ—1001; они находятся въ четырехъ священныхъ книгахъ—Тауратъ (Пятикнижіе), Забуръ (Псалмы Давида), Инджиль (Евангеліе), Куръанъ (Коранъ). Но простымъ смертнымъ извѣстны лишь 99 именъ Божіихъ; изъ нихъ семь считаются „прекраснѣйшими“. Въ противоположность нашей третьей заповѣди, „не приѣмли имени Господа Бога твоего всуе“,—возможно болѣе частое повтореніе именъ Божіихъ считается у мусульманъ дѣломъ богоугоднымъ.

²⁾ Порядокъ размѣщенія этихъ „гумбазовъ“, по словамъ другихъ, нѣсколько иной, а именно: третье находится надъ первымъ, четвертое надъ вторымъ, а надъ третьимъ и четвертымъ, въ мѣстѣ, лежащимъ непосредственно подъ горломъ,—пятое, т. е. *ихфа* („*ахфо*“). Каждое изъ этихъ пяти отдѣленій имѣетъ спеціальнаго покровителя изъ пророковъ: покровитель высшаго, т. е. „*ихфа*“ („*ахфо*“)—самъ Мухаммедъ.

Для произнесения зикра мистикъ долженъ закрыть глаза, крепко сжать ротъ, стиснуть зубы и, сдерживая дыханіе, медленно, съ великимъ усиленіемъ, произносить имена Божіи, но не языкомъ, который остается неподвиженъ, а „сердцемъ“, при этомъ руки дервиша сложены повыше живота, а голова склонена по направленію къ „сердиу“; потомъ точно также зикръ продѣлывается въ „духъ“, и. т. д. Это носитъ техническое названіе— „чаръ зарбъ урмакъ“, „сдѣлать четыре отпечатка“, разумѣется, именъ Божіихъ. Зикръ въ пятюмъ отдѣленіи, повидимому, считается особо. Иной ишанъ, насколько мнѣ извѣстно, продѣлываетъ зикръ въ сутки до пяти тысячъ разъ, т. е. по тысячѣ въ каждомъ изъ упомянутыхъ отдѣленій. Счетъ зикровъ производится при помощи четокъ („тасбихъ“).

Кромѣ зикра, совершаемаго въ-одиночку, существуетъ зикръ общій, совершаемый, сообразно уставу ордена, или каждымъ изъ участниковъ молча, про себя („хуфія“), или же вмѣстѣ и вслухъ („джахрія“). Зикръ послѣдняго рода (джахръ), въ Туркестанскомъ краѣ, состоитъ изъ чтенія нѣкоторыхъ молитвъ и стиховъ корана и выкрикиванія именъ Божіихъ вслухъ цѣлою толпою дервишей, раскачивающихся при этомъ всѣмъ тѣломъ; иные изъ нихъ вертятся среди круга („халька“), пока ихъ не обуреетъ экстазъ. Съ пѣной у рта, съ вытаращенными, налитыми кровью, ничего не видящими глазами, эти фанатики испускаютъ безсвязные, дикіе вопли, въ то время, какъ наэлектризованная толпа дервишей, стоящихъ кругомъ, продолжаетъ, съ ритмическими движеніями и покачиваніемъ тѣла, рычать: „Ху, Ху, Ху Алло“ (Онъ, Онъ, Онъ Богъ), или: „Хай, Хай, Хай Алло“ (Живый, Живый, Живый Богъ). Чтобы на участниковъ зикра не дѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ дневной свѣтъ, зикръ обыкновенно совершается или ночью, или въ темномъ помѣщеніи, которое слабо освѣщается нѣсколькими свѣтильниками. Тяжелыя испаренія сотенъ качающихся тѣлъ, копотъ свѣтильниковъ, мѣрные движенія многоголовой толпы, дикія, горловая завыванія дервишей и пронзительные вопли фанатиковъ, впавшихъ въ экстазъ,— все это дѣйствуетъ даже на посторонняго зрителя потрясающимъ образомъ. Въ Египтѣ наэлектризованные фанатики лижутъ раскаленное желѣзо, или наносятъ себѣ раны кинжалами (Поздневъ, о. с. 247). Когда, наконецъ, нервное напряженіе участниковъ зикра достигаетъ апогея, всѣ садятся въ кругъ, и особый чтецъ начинаетъ

выкрикивать стихи изъ произведеній мистическихъ поэтовъ (Султана Арефина). Это заунывное, протяжное чтеніе рецитативомъ стиховъ, которые сами по себѣ нерѣдко трогательны, производитъ на ослабѣвшихъ, изнеможенныхъ участниковъ зикра сильное впечатлѣніе. Чтеніе сопровождается отдѣльными возгласами удивленія, согласія, одобренія. Нѣкоторые, чьи нервы особенно ослабѣли, рыдаютъ, заливаясь слезами. Вотъ это-то состояніе слезливого экстаза, достигаемаго какими бы то ни было средствами, считается у мистиковъ за высшее и лучшее проявленіе духовной жизни. „Ихъ (мистиковъ) рыданія и слезы смываютъ съ ихъ очей сурьму сна... Пребывая день и ночь въ морѣ тоски и пламени они при своемъ смущенномъ состояніи уже не отличаютъ ночи отъ дня и, очарованные красотой художника (Бога), не хотятъ имѣть дѣла съ красотой формы“ (Саади, перев. Холмогорова, 107).— „Когда возмущенные любовью (т. е. дервиши) поклоняются вину (подъ виномъ разумѣется божественная любовь), то пьянствуютъ при звукахъ колеса (кругового танца дервишей); они кружатся, какъ водяное колесо, и точно такъ же стелаются сами... Не возлагай хулу на разстроенныхъ, опьянѣлыхъ дервишей; они тонутъ (въ морѣ любви); оттого-то и бьются руками и ногами... Цѣлый міръ наполненъ этимъ танцемъ, упоеніемъ и страстью, но что можетъ видѣть слѣпой, (т. е. трезвый, не мистикъ) въ зеркаль? Не видишь-ли, какъ восторгъ заставляетъ плясать верблюда, котораго погоняетъ вожакъ-арабъ? И когда уже въ головѣ верблюда рождается эта страсть и эти восторги, то, если человекъ не ощущаетъ ихъ въ себѣ, онъ оселъ!“ (Саади, тамъ-же).

Итакъ истинный суфи находится въ состояніи постоянного воздыханія, постоянного страстнаго стремленія къ Богу. Это состояніе называется любовью,— „шикъ“, а суфи—влюбленнымъ, „ошикъ“. Иносказательный языкъ мистическихъ поэтовъ полонъ образовъ и картинъ, относящихся до страстной любви и опьяненія. Для описанія мистическихъ восторговъ поэты употребляютъ самыя нечестивыя въ глазахъ ортодоксальнаго мусульманина выраженія. Напр., полъ виномъ, „шарабъ“, разумѣется божественная любовь, подъ

виночерпиемъ, *саки*, или душенькой, „джанонъ“, — „Богъ“, подъ трактирщикомъ, или старѣйшиной маговъ, „ниръ-мугонъ“, Мухаммедъ и т. п. Въ сущности, суфизмъ опровергаетъ и самый исламъ, подъ сѣнью котораго онъ приютился, такъ какъ, если все есть Богъ, то все въроисповѣданія уравниваются для суфи; достигнувъ соединенія съ Богомъ, мистикъ можетъ не соблюдать постановленій шаріата, ибо онъ сталъ выше шаріата. Такъ говоритъ Султанъ Арефинъ.

Шаріатъ есть только оболочка религіи; содержаніе ея — тарикатъ“.

Еще рѣзче выражается Шамсъ-и-Табризи (Солнце тавризское).

„Нѣтъ у меня упованія на гвевровъ, ни надежды на исламъ.

Такимъ же атеистическимъ отчаяніемъ дышатъ слова другого персидскаго поэта:

„Чего ты хочешь отъ небесъ? Чего ты ищешь на землѣ? Жестокъ сводъ небесный, а земля, — есть кукольный театръ.

Вообще же, суфизмъ, съ его пантеистическими воззрѣніями, можетъ вести къ нравственной разнузданности. Интересна въ этомъ отношеніи эсхатологическая книжка „Ахыръ-заманъ китаби“ („Книга о послѣднихъ временахъ“), пользующаяся среди поволжскихъ мусульманъ великою популярностью. По всеобщему воскресенію Богъ уступитъ просьбамъ Мухаммеда и проститъ *всѣхъ* послѣдователей его. И тогда:

„Какъ имамъ во главѣ всего народа, придетъ Мухаммедъ. Все гуріи и молодые райскіе юноши выйдутъ имъ на встрѣчу. Восемь раевъ озарятся своимъ свѣтомъ, — и настанетъ полный свѣтъ“ *).

Ясно, что такія обѣщанія, подрывая вѣру въ возмездіе, не могутъ способствовать развитію правильныхъ нравственныхъ понятій.

Еще дальше въ этомъ отношеніи пошелъ нѣкій шейхъ Саняваръ, основавшій недавно на границахъ Ташкентскаго и Кокандскаго уѣздовъ новую безнравственную суфійскую секту (подробности напечатаны въ *Окраинѣ* за 1897 г. № 19).

* (Записки Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, 1897 г., вып. 1, 25).

Несмотря на противорѣчіе съ основными догматами ислама, суфизмъ въ настоящее время является едва-ли не главной опорой его. Въ настоящее время и охранителями, и распространителями, и реформаторами ислама являются именно суфи. Не будемъ говорить о махдистахъ Судана, о дервишахъ, разжигавшихъ фанатизмъ мусульманскаго населенія Турціи, о факирахъ, распространяющихъ исламъ въ Китаѣ, Индіи и Зондскомъ архипелагѣ, — упомянемъ только о нашихъ ишанахъ, которые съ успѣхомъ распространяютъ свое вліяніе въ киргизской степи и въ горахъ Туркестанскаго края, среди простодушнаго и невѣжественнаго кочевого населенія. Осѣдлое населеніе относится къ ишанамъ довольно недо-вѣрчиво. Немало анекдотовъ о продѣлкахъ ишановъ, особенно при исцѣленіи неплодныхъ женщинъ, ходитъ среди туземцевъ нашего края.

Однако, иные, дѣйствительно почтенные ишаны, насчитываютъ тысячи послѣдователей даже среди горожанъ, преимущественно, низшихъ классовъ. А отдѣльныя суфійскія выраженія и идеи широко распространены среди всѣхъ туземцевъ нашего края; таково „*я тиризмъ!*“ (О, старецъ мой!) — восклицаніе, произносимое туземцемъ при взлѣзаніи на лошадь; далѣе, „*я, Ху!*“ (о, Онъ, т. е. Богъ) или „*Худа — я!*“ (о, Господи!) — обычныя присловія чело-вѣка, ничѣмъ не занятаго; далѣе, „*тоуба*“, или „*тауба кылдымъ Худога*“, — т. е. „*я смиряюсь передъ Господомъ*“, — выраженіе смиреннаго изумленія, или вѣжливаго недо-вѣрія къ словамъ собесѣдника и т. под.

Многіе сарты низшихъ сословій, особенно ремесленники, считаютъ своими „пирами“ знаменитыхъ святыхъ мусульманскаго міра, давно умершихъ и считающихся покровителями различныхъ ремеслъ (напримѣръ, Имамъ Аагзамъ, т. е. Абу-Ханифа, или „Хасъ-Султанъ“, т. е. Хазретъ-Султанъ Ахмадъ Ясави). Среди сартовъ, вообще, распространенъ такой взглядъ, что существуютъ ишаны дѣйствительно святыя, ученые, чудотворцы, надежные руководители нравственнаго поведенія, но только они встрѣчаются рѣдко; большинство же ишановъ — обманщики (ялганчи), лицемѣры (мунапыкъ), которые охотятся (ауляйде) не за сердцемъ мюридовъ, какъ то дѣлалъ Хазретъ Султанъ, а за ихъ деньгами. Нѣкоторые видятъ въ этомъ дурное знаменіе, ибо такъ говоритъ въ своемъ поученіи (*фисоля*) Султанъ Арефинъ:

„Когда послѣ насъ приблизятся послѣднія времена, возстанутъ такіе шейхи, что самъ діаволь,—проклятіе да будетъ надъ нимъ!—станетъ учиться у нихъ, и весь народъ будетъ привязанъ къ нимъ, и съ помощью хитростей будутъ ловить мюридовъ. Такіе шейхи возстанутъ, которые будутъ наживать отъ мюридовъ деньги, и не будетъ очищена душа ихъ отъ богохульства и заблужденія. И на еретиковъ будутъ они смотрѣть окомъ благосклоннымъ, а людямъ, держащимся преданія, не будутъ доброжелательствовать, до ученія же шаріата не будетъ имъ никакого дѣла. И станутъ они обращать взоры на чужихъ женщинъ и, творя злое, постоянно будутъ разсчитывать на милосердіе Божіе. Дѣла-же истинныхъ шейховъ будутъ они презирать. И ученики ихъ будутъ отверженцы, и сами они будутъ отступники. И еще: съ униженіемъ и слезами будутъ они обходить двери домовъ мюридовъ своихъ. И въ такомъ положеніи будутъ они принимать отъ мюридовъ своихъ подачку, и, если мюриды не дадутъ имъ обѣщанной подачки, они станутъ браниться и говорить: „если я отвращусь (отъ тебя), то и Богъ отвратится“.

„Тотъ есть истинный шейхъ, кто, получивъ подаваніе, отдаетъ его достойнымъ того странникамъ и бѣднымъ. Если же, получивъ что-либо, онъ употребитъ это на себя, то будетъ это подобно сквернѣ, пожираемой псами. И если изъ полученной милостыни онъ сдѣлаетъ платье и надѣнетъ его самъ, то отъ того, кто это платье соткалъ, не приметъ Всевышній Господь ни поста, ни молитвы. И если изъ полученной милостыни онъ (шейхъ) сдѣлаетъ себѣ хлѣбъ и съѣстъ его, то плюнетъ его въ аду Всевышній Господь всевозможными муками. И всякій человекъ, который доверится такимъ шейхамъ, станетъ невѣрнымъ (кафиръ).

„Такіе-то проклятые шейхи возстанутъ тогда; волненія, произведенныя ими, превзойдутъ возстаніе Даджала (Антихриста). И будутъ они отступни-

ками отъ шаріата, тариката, хакыката и ма-
фата...

„О, ты, ищущій познанія! Если, ты стремишься къ Богу, пожелаешь найти Его, то предай руку твою такому духовному наставнику, который въ шаріатѣ былъ бы знающимъ Бога, въ тарикатѣ былъ бы осведомленнымъ о тайнахъ, въ хакыкатѣ—достигшимъ полного совершенства, ма-
фатѣ—безбрежнымъ океаномъ. Предай руку твою такому духовному наставнику, дабы дѣла твои шли благополучно. И, если мюридъ не знаетъ ученія шаріата—наставникъ преподаетъ ему ученіе шаріата; и если съ мюридомъ случится то же относительно тариката, шейхъ наставитъ его на путь при помощи ученія тариката, и, пользуясь тайнами хакыката, укажетъ мюриду дорогу“ и т. д.

Правъ былъ великій мыслитель и святой туркестанскій: современные ишаны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отличаются корытолюбіемъ и невѣжествомъ¹⁾, они, по-истинѣ, суть „вожди слѣпые“, незнакомые ни съ достойной изученія философіей суфизма, ни съ его богатой литературой, нѣкоторые образцы которой достойно могутъ быть зачислены въ разрядъ перловъ всемірной поэзіи. Современные ишаны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только эксплуатируютъ низшіе слои туземнаго населенія, разжигаютъ въ нихъ фанатизмъ, да знакомятъ ихъ съ самыми темными проявленіями суфизма, именно, съ зикромъ. Въ такомъ же духѣ дѣйствуютъ ишаны и въ Закавказьи, но только тамъ дѣятельность ихъ имѣетъ мѣстный колоритъ, couleur locale: въ зикрѣ введены пляски молодыхъ женщинъ, а сами ишаны не гнушаются и разбоємъ. Такъ, въ 1888 г. одинъ закавказскій ишанъ былъ приговоренъ, за разбойническій угонъ скота, къ каторжнымъ работамъ.²⁾ Неизмѣримая разница между подобными дѣятелями, или, напри-
мѣръ,

¹⁾ А пророческія слова Султана Арефина *аминъ иштанамъ Даджаладанъ бадтаръ булай* (ихъ возмущеніе хуже пришествія Антихриста) могутъ быть приложены именно къ мингтюбинскому ишану Мадали; слово питна значитъ бунтъ, мятежъ, возмущеніе.

²⁾ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, вып. 24, 1898 г. 14—40.

Дукчи-ишаномъ, произведшимъ злодѣйское нападеніе на лагерь въ Андижанѣ,—и Хазретъ Султаномъ, который училъ, между прочимъ, даже въротерпимости¹⁾):

„Преданіе отъ пророка таково: если будетъ предъ тобой и невѣрный, — не дѣлай обиды ему.

Отъ сердца жестокаго, отъ души обидчика отвращается Господь. Ей, Боже Истинный! Такому рабу уготована преисподняя ада.“²⁾

Вспомнимъ извѣстное четверостишіе Абдуллы Ансари:

„Что есть дервишь? Просѣйна земляца,

А на нее полита водица.

Ни подошвѣ ноги отъ нея никакой боли,

Ни на поверхности ноги отъ нея никакой пыли.“³⁾

Нынѣ рѣдки ишаны, живущіе по этому правилу. На этотъ счетъ существуетъ весьма характерный разсказъ о томъ, какъ эмиръ бухарскій, Ша-Мураль, прапрадѣдъ (Lane Poole, the mohammedan dynasties, London, 1894, p. 216) нынѣ царствующаго эмира, сталъ упрекать одного ишана и для вящей укоризны сослался на примѣръ знаменитаго Багауддина, духовнаго наставника Тимура. Ловкій ишанъ однако нашелся и возразилъ, что, правда, ишаны нынѣ стали не тѣ, что бывали въ старину, имъ съ Багауддиномъ никакъ не сравнятся; да и то сказать, „Багауддинъ жилъ въ царствованіе великаго Тимура, а я, государь, живу въ твое, по Сенькѣ и шанка“ (въ подлинникѣ выражено рѣзче: ослу приличны его пути (тюркская пословица) — *ишакка яраша тушави*).

Итакъ, къ вырожденію суфизма повелъ общій упадокъ мусульманской культуры.

Двойственный взглядъ народа на ишановъ сказался въ слѣдующемъ простомъ сартскомъ стихѣ:

„Если, будучи ученымъ, сдѣлаешься шейхомъ, то будешь свѣточемъ обоихъ міровъ;

А если, будучи невѣждой, сдѣлаешься шейхомъ,—будешь, какъ палка на круподеркѣ („пустомеля“).

¹⁾ Впрочемъ, возможно, что Хазретъ Султанъ находился подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, которыя въ XII ст. распространялись въ Туркестанскомъ краѣ несторіанами.

²⁾ Стихотв. I.

³⁾ „Восточныя замѣтки“, сборникъ статей и изслѣдованій професоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 1895 г. проф. В. А. Жуковскаго, „Пѣсни хератскаго старца“, 84.

Я не думаю, чтобы мнѣ удалось въ этомъ бѣгломъ очеркѣ охарактеризовать суфизмъ вполне: это явленіе настолько сложное, что для его всесторонняго изученія мало и цѣлой человѣческой жизни, притомъ всецѣло этому занятію посвященной. Въ суфизмъ входятъ всевозможныя философскія системы, начиная отъ возвышеннаго бабизма и до самаго дикаго сектантства; онъ покрываетъ и высокое благочестіе Султана Арефина, и ханжество Суфи Аллаяра, и глубокомысліе Саади, и материализмъ Ходжи Хафиза, и даже атеизмъ Шамсъ-и-Табризи. При неподвижности догматовъ ортодоксальнаго ислама, всякое движеніе мысли въ мусульманскомъ мірѣ должно было прикрываться суфизмомъ, и самое обновленіе мусульманства можетъ совершиться только при помощи суфизма. Не даромъ старецъ Гератскій, Ансари, въ изящной формѣ персидскаго двуступня говоритъ слѣдующее:

„Хакикатъ—море, а шаріатъ—ладья; такъ какъ же переплывешь море безъ ладьи?“

Итакъ, всякая новая мысль, всякое новое движеніе,—политическое или религіозное, реакціонное или революціонное, можетъ пріобрѣсти довѣріе мусульманскихъ массъ, прикрываясь суфизмомъ; а вышеизложенные основные принципы суфизма (мистическій пантеизмъ, согласуемый съ какою угодно догмою и моралью) и способы приложенія этихъ принциповъ къ дѣлу (полное порабощеніе воли мюрида волѣ духовнаго наставника и подавленіе самостоятельной разсудочной дѣятельности мюрида посредствомъ зикра) могутъ помочь всякой даровитой и сильной духомъ личности, сгруппировать вокругъ себя десятки тысячъ фанатиковъ, готовыхъ на отчаянную борьбу съ ненавистными ихъ вождю учрежденіями.

Н. Маллицкій.

Джихадъ или Газаватъ.

то есть священная война мусульманъ съ невѣрными.

Андижанское дѣло, извѣстное всей Россіи, какъ безумная вспышка мѣстныхъ фанатиковъ, состояло въ томъ, что минтюбинскій ишанъ Мухаммедъ-Али-Сабыръ-оглы, ставъ во главѣ противоправительственнаго движенія андижанскихъ бунтовщиковъ, обращался къ мирному населенію Ферганы съ воззваніемъ начать противъ русскихъ, какъ невѣрныхъ, священную войну. Воззванію этому мусульмане ферганскіе повѣрили, и 18 мая 1898 года толпа безумцевъ, подъ предводительствомъ означеннаго ишана, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ „Дукчи-ишана“, сдѣлала нападеніе на андижанскій лагерь въ 3 часа утра, когда солдаты спали. Но нападеніе это было доблестно отбито, а затѣмъ, по распоряженію высшихъ властей, было произведено по этому дѣлу слѣдствіе и военный судъ (объ результатахъ суда печаталось въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1898 г.).

Чтобы познакомить русскихъ читателей съ важнымъ, въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, ученіемъ мусульманъ о священной войнѣ ихъ съ невѣрными, въ настоящемъ выпускѣ излагается сначала развитіе взгляда основателя ислама на священную войну, а затѣмъ приводятся постановленія мусульманскихъ законовъ объ этой войнѣ (см. особое сочиненіе **А. Агронома** о свящ. войнѣ мусульманъ съ невѣрными, изданное въ Казани въ 1877 г.).

Вчитываясь въ эти постановленія, невольно удивляешься, какимъ образомъ даже нѣкоторые современные мусульманскіе правители рѣшаются примѣнять къ вопросамъ чисто политическимъ вопросамъ религіозный. Каждый разсудительный мусульманинъ можетъ

понимать, что нѣтъ смысла предлагать русскимъ или англичанамъ принять исламъ подъ угрозой итти противъ нихъ войной, а между тѣмъ Абдуррахманъ-ханъ афганскій еще недавно издалъ особое сочиненіе о войнѣ съ невѣрными. Это значитъ злоупотреблять религіознымъ сознаніемъ своихъ подданныхъ. Точно также вожаки андижанскаго возмущенія злоупотребили словомъ „газаватъ“ когда безумно задумали напасть на русскій лагерь, чтобы перебить солдатъ, а затѣмъ уничтожить русское населеніе Андижана. Это уже не священная война, а дикій варварскій разбой, не оправдываемый ни божескимъ, ни человѣческимъ закономъ; это безуміе, подъ вліяніемъ котораго участники возмущенія даже не трудились сообразовать свои дѣйствія съ религіознымъ закономъ, во имя котораго слѣпо шли за упомянутымъ ишаномъ, приведшимъ однихъ вмѣстѣ съ собой къ висѣлицѣ, другихъ къ каторгѣ, а многихъ къ позору и разоренію.

Я. Р.

Развитіе взгляда основателя ислама на отношеніе мусульманъ къ невѣрнымъ.

Исламъ, какъ и всякая другая міровая религія, явившись за XIII вѣковъ назадъ, не только видоизмѣнилъ понятіе людей, — своихъ приверженцевъ, — о Богѣ, Его отношеніи къ міру, отношеніи человѣка къ Богу, и прочія понятія, входящія въ область богословскихъ наукъ, но и установилъ извѣстныя отношенія своихъ послѣдователей къ лицамъ другихъ религій, и при этомъ, благодаря личному характеру и разнымъ обстоятельствамъ жизни своего виновника Мухаммеда, исламъ на самыхъ первыхъ же порахъ старался или привить къ своимъ послѣдователямъ, арабамъ изъ язычниковъ, международныя отношенія, какихъ до того времени не существовало среди нихъ, или видоизмѣнить существующія, что ему иногда и удавалось, а иногда, вслѣдствіе оппозиціи со стороны національнаго характера арабовъ, онъ терпѣлъ неудачи.

Арабы до ислама всегда отличались духомъ самаго широкаго гостепримства. Этотъ духъ гостепримства обнималъ не только ихъ единоплеменниковъ, но простирался и на всѣ другіе народы, къ какой бы расѣ они не принадлежали, какую бы они вѣру не исповѣдывали. Аравія была страна полной религіозной свободы. Здѣсь искали приюта и находили его евреи во время своихъ политическихъ бѣдствій и христіане, какъ православные такъ и еретики всѣхъ сектъ и направленій во время гоненій или преслѣдованій со стороны государей, ревностныхъ утвердителей или православія или ереси, смотря по личному ихъ вѣроисповѣданію. Гонимые огромными массами, еретики стекались въ Аравію, селились тамъ и, пользуясь духомъ полной религіозной терпимости арабовъ-язычниковъ, не только вступили съ ними въ общественныя сношенія, но и приобрѣтали среди нихъ себѣ новыхъ прозелитовъ. Въ эпоху Му-

хаммеда, поэтому, мы находимъ въ Аравіи множество христіанъ самыхъ разнообразныхъ отраслей: православныхъ, еutihанъ, несторианъ, арианъ. И безчисленное множество лицъ другихъ мелкихъ сектъ христіанства нашли въ Аравіи себѣ пріютъ и даже распространеніе. Великодушный арабъ съ рыцарскимъ чувствомъ давалъ у себя пріютъ всѣмъ этимъ лицамъ, гонимымъ на своей родинѣ; онъ даже протягивалъ руку помощи. Благодаря этой благородной чертѣ національнаго характера *аравовъ-язычниковъ*, и христіане, нашедшіе пріютъ въ Аравіи, могли здѣсь сѣять сѣмена христіанства.

Мухаммедъ, въ началѣ своего религіозно-политическаго поприща, по многимъ причинамъ, отличался большою терпимостію къ христіанамъ и іудеямъ. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ національнаго характера, отличавшагося широкою вѣротерпимостію, съ другой стороны, въ надеждѣ приобрести на свою сторону христіанъ и іудеевъ, религіи которыхъ онъ былъ обязанъ большею частию своихъ религіозныхъ нововведеній и понятій при задуманной имъ религіозной реформѣ, наконецъ, ввиду своей политической слабости и самъ постоянно подвергавшійся гоненіямъ своихъ соотечественниковъ — Мухаммедъ на первыхъ порахъ выказывалъ духъ большой терпимости. Онъ на первыхъ порахъ былъ даже не далеко отъ христіанскаго понятія, что всѣ люди — братья, а потому заслуживаютъ самаго кроткаго и лучшаго обращенія. Онъ въ это время никого не думалъ, да и не могъ принуждать къ новой своей вѣрѣ. „Ты, — говоритъ Богъ въ мнимомъ откровеніи Мухаммеду, — исполнѣ знаешь то, что говорятъ они (иновѣрные); но ты не будешь принуждать ихъ“ (Коранъ 50, 44). Не только къ людямъ Писанія, т. е. христіанамъ и іудеямъ, Мухаммедъ былъ крайне вѣротерпѣливъ на первыхъ порахъ своего поприща, но, вообще, иновѣрнымъ всѣхъ видовъ онъ оказывалъ полное снисхожденіе; онъ заповѣдывалъ и своимъ первымъ послѣдователямъ: „Скажи, представляется Богъ говорящимъ Мухаммеду въ Коранѣ, вѣрующимъ, чтобы они были снисходительны къ тѣмъ, которые не ожидаютъ тѣхъ дней Бога, въ которые Онъ воздастъ людямъ за то, что усвоили себѣ“ (Коранъ 45, 13). Въ эту-то первичную эпоху своей дѣятельности и было высказано Мухаммедомъ его знаменитое положеніе: „въ религіи нѣтъ принужденія“ (Коранъ 2, 257). Даже при происшедшихъ спорахъ Мухаммедъ считалъ себя обязаннымъ и внушалъ другимъ быть кроткими и снисходительными съ иновѣрными и въ

частности съ людьми Писанія (Коранъ 16, 126; 29, 45): „Къ чему принужденія въ религіи, къ чему жестокость въ религіозныхъ спорахъ? Душа можетъ вѣровать только по изволенію Бога“ (Коранъ 10, 100), говоритъ Мухаммедъ въ Коранѣ въ ранній періодъ своей религіозной дѣятельности. Такимъ духомъ, широкой вѣротерпимости отличалась на первыхъ порахъ проповѣдь Мухаммеда, гонимаго своими единоплеменниками, безсильнаго въ политическомъ и общественномъ положеніяхъ. Но, увя, *другую картину представляетъ намъ эта же самая проповѣдь впоследствии, когда Мухаммедъ, найдя пріютъ и опору въ Мединѣ и собравши около себя обширную толпу послѣдователей, почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы не быть болѣе гуманнымъ и не сообразоваться съ національнымъ арабскимъ духомъ терпимости, религіозной и политической. Теперь Мухаммедъ какъ-бы забылъ свою важную заповѣдь, что въ религіи нѣтъ принужденія; отъ теперь вмѣсто прежнихъ гуманныхъ отношеній къ иновѣрцамъ сталъ проповѣдывать самую ожесточенную войну; потерявъ надежду приобрести для ислама христіанъ и іудеевъ разными уступками ихъ догмъ и религіозной практикѣ, онъ рѣшился приобретать ихъ въ доно ислама мечемъ.*

Къ иновѣрцамъ предписывается ожесточенная война. „Сражайтесь съ ними, говоритъ Мухаммедъ своимъ послѣдователямъ, доколь, покуда не будетъ уже вамъ искушенія, и покуда не установится ваше поклоненіе Богу“ (Кор. 2, 189. Ср. Кор. 8, 40) „Когда встрѣтитесь съ невѣрными, говоритъ Мухаммедъ своимъ послѣдователямъ въ другомъ мѣстѣ Корана, то ссыкайте съ нихъ головы доколь, покуда не сдѣлаете совершеннаго имъ пораженія! Плѣнныхъ держите въ крѣпкихъ оковахъ; а затѣмъ или свобода имъ, или выкупъ съ нихъ тогда ужь, когда война кончитъ свои тяжелые подвиги (Кор. 74, 4—5). Теперь Мухаммедъ отъ лица Бога выдастъ не только простое предписаніе воевать съ иновѣрцами, но и быть жестокимъ къ нимъ во всѣхъ областяхъ жизни. „Пророкъ! ревностно воюй съ иновѣрцами, съ лицемерами и будь жестокъ къ нимъ (Кор. 9, 74, Ср. 66, 9). Вѣрующіе! обращается Мухаммедъ къ своимъ послѣдователямъ, воюйте съ тѣми

изъ невѣрныхъ, которые близки къ вамъ: знали бы они въ васъ вашу жестокость“ (Кор. 9, 124. Ср. 48, 29). Такимъ образомъ, Мухаммедъ вмѣсто прежней терпимости провозгласилъ самую беспощадную войну съ невѣрными или иновѣрными. Онъ порвалъ съ ними всякій духъ единенія. Ему Богъ, въ мнимомъ откровеніи, запрещаетъ даже молиться объ иновѣрцахъ (Кор. 9, 81, 85). Война съ невѣрными или иновѣрными достигаетъ апогея въ ученіи Мухаммеда, она возводится имъ на степень высшей добродѣтели, она служитъ однимъ изъ лучшихъ отличій искренно вѣрующаго мусульманина. „Дѣйствительно, тѣ только, говоритъ Мухаммедъ въ Коранѣ, вѣрующіе, которые вѣруютъ въ Бога и Его посланника; послѣ того уже не сомнѣваются и воюютъ, жертвуя своимъ имуществомъ и своею жизнью на пути Божіемъ¹⁾. Таковы суть искренно вѣрующіе“. (Кор. 49, 15). Война съ невѣрными имѣетъ, по ученію Корана, важное моральное значеніе. (Кор. 9, 14). Сражающіеся съ невѣрными занимаютъ высокое положеніе передъ очами Бога. „Увѣровавшіе, читаемъ въ Коранѣ, оставившіе свою родину, и ревностно воюющіе на пути Божіемъ, жертвуя своимъ имуществомъ и жизнью — на самой высокой степени достоинства предъ Богомъ, — они блаженны“. (Кор. 9, 20). Война съ невѣрными по Корану имѣетъ значеніе отпущенія грѣховъ. Богъ представляется говорящимъ въ Коранѣ: „тѣхъ, которые... терпѣли изнуренія на пути Моемъ, были въ битвахъ и были убиты, очищу Я отъ злодѣяній ихъ, введу ихъ въ сады, по которымъ текутъ рѣки. Это будетъ наградой отъ Бога“ (Кор. 3, 194—5). Поэтому воюющіе мусульмане выше тѣхъ, которые не участвуютъ въ священной войнѣ. „Воюющихъ за вѣру съ пожертвованіемъ своего имущества и своей жизни, говоритъ Коранъ, Богъ поставилъ выше остающихся дома, относительно степени достоинства ихъ; всѣмъ Богъ обѣщалъ прекрасную награду, но воюющимъ за вѣру предоставилъ Богъ большую, нежели тѣмъ, которые остаются дома (Кор. 4, 97). Война съ невѣрными служитъ даже средствомъ различенія истинныхъ мусульманъ отъ неистинныхъ, потому что

¹⁾ Путемъ Божіимъ названа здѣсь война съ невѣрными. Благодаря санкціи Корана, и въ настоящее время мусульмане свои войны съ невѣрными называютъ путемъ Божіемъ.

война съ невѣрными, по ученію Мухаммеда, есть внутреннее побужденіе души мусульманина жертвовать жизнью и имуществомъ на распространеніе ислама путемъ меча. Такимъ образомъ, уклоняющійся отъ этой войны мусульманинъ, съ точки зрѣнія Корана, обнаруживаетъ слабость своей вѣры. „Вѣрующіе въ Бога и въ послѣдній день, говоритъ Коранъ, не захотятъ, чтобы ты (Мухаммедъ) не позволилъ имъ воевать, жертвуя своимъ имуществомъ и своею жизнью. Богъ знаетъ богобоязливыхъ. Только тѣ требуютъ увольненія отъ войны, которые не вѣруютъ въ Бога и въ послѣдній день, которыхъ сердца нерѣшительны, и которые при своей нерѣшительности колеблются“. (Кор. 9, 44, 45). Это участіе въ священной войнѣ мусульманинъ, по Корану, можетъ проявить различно, а именно: или лично участвовать въ войнѣ, или поощрять другихъ къ войнѣ, воспламеняя въ мусульманахъ пылъ религіозной ревности на пути Божіемъ. „Вѣрующіе! восклицаетъ Мухаммедъ въ Коранѣ, указать ли Вамъ торговлю, которая избавитъ васъ отъ лютой муки? Вы вѣруете въ Бога и Его посланника, сражаетесь на пути Божіемъ, жертвуя вашимъ имуществомъ и вашими душами: это лучшая для васъ торговля“ (Кор. 61, 10—11). „Нѣтъ надобности вѣрующимъ, говорится въ другомъ мѣстѣ Корана, выходить въ походъ всѣмъ: изъ каждаго колѣна ихъ выходилъ бы какой-либо отрядъ, для того чтобы имъ учиться дѣламъ благочестія и чтобы наставлять народъ, когда къ нему возвратится“ (Кор. 9, 12, 13). За участіе (непосредственное или посредственное) въ священной войнѣ обѣщается въ Коранѣ обильная награда мусульманину, какъ за высшій подвигъ въ дѣлѣ вѣры. „Да подвизаются въ битвахъ на пути Божіемъ, представляется Богъ говорящимъ въ Коранѣ, тѣ, которые за настоящую жизнь хотятъ купить будущую: кто будетъ подвизаться въ битвахъ на пути Божіемъ, тому — убить ли будетъ онъ или побѣдитъ — Мы вѣрно дадимъ великую награду“ (Кор. 4, 76).

„Тѣ, которые своимъ имуществомъ жертвуютъ на путь Божій, подобны зерну, произрастающему по семи колосьевъ, и въ каждомъ колосѣ по сто зеренъ. Богъ вдвое воздастъ тому, кому захочетъ, Богъ всеобъемлющій, знающій. — Тѣмъ, которые своимъ имуществомъ жертвуютъ на путь Божій, и своихъ жертвований не сопровождаютъ упрёками и укорами, — тѣмъ награда отъ Господа ихъ; имъ не будетъ ни страха, ни печали“ (Кор. 2, 263—264. Ср.

9, 20). Убитые на войнѣ живы предъ Богомъ. „Тѣхъ, которые убиты на пути Божіемъ, говоритъ Коранъ, не считайте мертвыми: они живы; они предъ Господомъ своимъ получили удѣлъ свой, утѣшаясь тѣмъ, что Богъ даровалъ имъ отъ щедротъ своихъ; радуются о тѣхъ, которые идутъ по слѣдамъ ихъ; для нихъ нѣтъ ни страха, ни печали“ (Кор. 3, 163, 194). Относительно мусульманъ, павшихъ въ битвѣ съ невѣрными, Мухаммедъ говоритъ въ Коранѣ: „Господь ихъ обрадуетъ своимъ милосердіемъ и благословеніемъ и райскими садами, въ которыхъ имъ будетъ постоянная утѣха: въ нихъ они пребудутъ вѣчно, отъ Бога имъ великая награда“ (Кор. 9, 21—22). Рай есть по Корану какъ бы цѣна, платимая мусульманину за участіе въ войнѣ съ невѣрными. „Такъ, Богъ купилъ у вѣрующихъ жизнь ихъ и имущество ихъ, платя имъ за нихъ расмъ“ (Кор. 9, 112), говорится въ Коранѣ.

Такимъ образомъ, война съ невѣрными или иновѣрцами окружена въ Коранѣ ореоломъ величія и за нее обѣщаны всѣ блага, отчасти здѣшней, а, главнымъ образомъ, будущей жизни, какія только могло нарисовать пылкое воображеніе Мухаммеда.

Преданіе мусульманское, во всемъ вѣрное духу Корана, сохранило для насъ не мало изрѣченій Мухаммеда, въ которыхъ онъ превозноситъ мусульманъ, идущихъ на сраженіе съ невѣрными. Такъ, напримѣръ, въ одномъ преданіи Абдулла-ибнъ-Масудъ говоритъ: „я спросилъ однажды посланника Божія (Мухаммеда), говоря: посланникъ Божій! какое дѣло наиболее превосходно? Онъ сказалъ: молитва въ опредѣленные для нея времена. Я сказалъ: а далѣе какое? Онъ сказалъ: далѣе—преданность родителямъ. Я сказалъ: а далѣе какое? Онъ сказалъ: подвижничество на пути Божіемъ (т. е. война съ невѣрными). Абу-Хурейра передаетъ: однажды нѣкто пришелъ къ посланнику Божію и сказалъ: „укажи мнѣ на какое-либо дѣло, равное войнѣ съ невѣрными. Мухаммедъ сказалъ: „я не нахожу такового“. Абду-Саидъ Эль-Худри сообщаетъ еще преданіе: „однажды сказалъ: Посланникъ Божій сказалъ: вѣрующій, сражающійся, на пути Божіемъ жертвуетъ душою своею и имуществомъ своимъ“. Еще передается у Бухари одно изъ многихъ преданій подобнаго духа: „Посланникъ Божій сказалъ: знайте, что рай подъ тѣнію мечей“, т. е. награда отъ Бога и причина, ведущая въ рай, находятся при ударѣ мечани на пути Божіемъ.

Такимъ образомъ, Коранъ и вѣрное ему мусульманское преданіе, отъ лица Мухаммеда, возводятъ войну съ невѣрными до высокой степени важности въ дѣлѣ ислама, окружая ореоломъ мученичества всѣхъ мусульманъ, сражающихся съ невѣрными и убитыхъ на войнѣ. Конечно, мотивомъ Мухаммеда выдвинуть войну съ невѣрными на первый планъ было его желаніе распространить свою вѣру и религію, какъ можно далѣе и какъ можно больше. Впрочемъ, мы не будемъ разбирать и доказывать этихъ мотивовъ; наше дѣло только указать на высокую важность священной войны въ религіозныхъ кодексахъ ислама: Коранѣ и преданіи Мухаммеда.

Законовѣды и богословы ислама, твердо держась духа, а также, почти постоянно, и буквы Корана и преданія, постарались въ своихъ сочиненіяхъ поставить законоположеніе Корана и преданія на прочныхъ основахъ, подведя разбросанныя выраженія первого и второго въ стройную систему.

*
* *

Теперь не безъинтересно уяснить себѣ отношенія между мусульманами и иновѣрцами, живущими среди нихъ.

По общераспространенному мусульманскому ученію міръ дѣлится на двѣ части: на мусульманъ и не-мусульманъ. Страны первыхъ называются *дару-ль-исламъ*, „жилищемъ, страной ислама“, а страны вторыхъ *дару-ль-харбъ*, „жилищемъ, страной войны“, т. е. жилищемъ людей, съ которыми мусульманинъ долженъ при всякомъ удобномъ случаѣ вести войну безъ конца. Впрочемъ, это общее дѣленіе всѣхъ людей имѣетъ еще частное подраздѣленіе въ мусульманскомъ законовѣдѣніи; а именно, по этому послѣднему, всѣ люди распадаются на слѣдующія четыре категоріи: 1) *мусульмане*; 2) *зиммим*, иначе въ настоящее время называемые въ Турціи райя, т. е. иновѣрцы, подданные мусульманскаго государства и обязанные вносить опредѣленную особенную подать; 3) *мустамини*, т. е. иновѣрцы, подданные не-мусульманскаго государства, живущіе въ мусульманскомъ государствѣ въ силу заключеннаго договора или особаго разрѣшенія на прожительство, и, наконецъ, 4) *харбим*, т. е. иновѣрцы всѣхъ государствъ не мусульманскихъ, съ которыми не заключено какихъ-либо взаимныхъ мирныхъ трактатовъ.

По отношенію къ послѣднему классу людей (*харбим*) или государствъ, по мусульманскому ученію не только позволительно

начать и вести священную войну, но это даже составляет религиозную обязанность мусульманъ, если обстоятельства тому благоприятствуютъ. По словамъ Ибнъ-Абидина и автора объясняемаго имъ сочиненія Алаа-д-дина-эль-хаскяфи, война съ невѣрными есть общая для мусульманъ обязанность, вседневная, хотя бы невѣрные и не начинали сами войны съ мусульманами (см. ниже правила войны).

Что касается являющагося возраженія, что въ иныхъ мѣстахъ Корана не дозволяется начинать войну съ невѣрными, пока тѣ сами не начнутъ, а именно слѣдующаго мѣста Корана: „если они (невѣрные) станутъ сражаться съ вами, то и вы сражайтесь съ ними“ (Кор. 2, 187), а также что касается запрещенія священной войны въ запретные мѣсяцы (Кор. 9, 5, 36), то эти стихи Корана считаются мусульманскими учеными за отмѣненные другими мѣстами Корана, въ которыхъ повелѣвается убивать невѣрныхъ всюду и всегда, каковъ, напримѣръ, стихъ: убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ“ (Кор. 9, 5; ср. 4, 91). Въ примиреніе этихъ противорѣчивыхъ мѣстъ Корана глоссаторъ цитируемаго нами сочиненія Ибнъ-Абидинъ говоритъ, что повѣленіе объ этомъ сраженіи было ниспослано постепенно, а именно: прежде всего Мухаммеду было повелѣно сообщить невѣрнымъ вполнѣ все ниспосланное Богомъ ему и удалиться отъ нихъ, какъ сказано въ Коранѣ отъ лица Божія Мухаммеду: „открыто возвѣсти о томъ, о чемъ повелѣно тебѣ и удались отъ многобожниковъ“ (Кор. 15, 94). Потомъ ему было повелѣно призывать людей добрыми наставленіями, какъ заповѣдуется ему въ слѣдующемъ мѣстѣ Корана: „призывай на путь Господа твоего мудрыми, добрыми наставленіями и вели съ ними споры о томъ, что добро“. Далѣе Мухаммедъ *позволилъ* своимъ послѣдователямъ сраженіе съ невѣрными, какъ говорится въ слѣдующемъ стихѣ Корана: „тѣмъ (вѣрующимъ), съ которыми вступаютъ они (невѣрные) въ битву, дозволяется сражаться съ ними за то, что ими были обижены“ (Кор. 2, 187). Потомъ Мухаммедъ *повелѣлъ* своимъ послѣдователямъ сражаться съ невѣрными, если эти вступали съ ними въ битву, какъ сказано въ Коранѣ: „если они (невѣрные) станутъ сражаться съ вами, то и вы сражайтесь съ ними: это будетъ воздаяніемъ невѣрнымъ“ (Кор. 22, 40). Потомъ мусульманамъ было повелѣно сражаться съ невѣрными подъ условіемъ окончанія запретныхъ мѣсяцевъ, какъ

говорится въ Коранѣ: „когда же кончатся запретные мѣсяцы, то убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ“ (Кор. 16, 126). Наконецъ мусульманамъ повелѣна была война съ невѣрными, не ограничиваясь никакими условіями, какъ читаемъ въ коранѣ: „сражайтесь на пути Божіемъ“ (Кор. 2, 245). Толкуя такъ Коранъ, мусульманскіе законовѣды находятъ, что обязанность вести священную войну есть вседневная общая обязанность мусульманъ. Отъ этой обязанности свободны только: несовершеннолѣтній, рабъ, женщина, слѣпой, безногій, безрукій, должникъ безъ позволенія заимодавца и лучший законовѣдъ въ извѣстномъ городѣ.

Цѣль священной войны, по шаріату, чисто религіозная, именно — распространеніе ислама между невѣрными, усиленіе могущества мусульманъ и ослабленіе силы ихъ враговъ, а не приобрѣтеніе сокровищъ. Что такъ нужно понимать цѣль свящ. войны мусульманъ, это можетъ быть подтверждено преданіемъ отъ Мухаммеда, по разсказу Абу-Хурейры. Это преданіе гласитъ, что однажды нѣкто спросилъ Мухаммеда, говоря: одинъ человекъ желаетъ подвижничества на пути Божіемъ (въ священной войнѣ), но онъ имѣетъ при этомъ въ виду мірскую цѣль. Мухаммедъ отвѣтилъ: нѣтъ ему награды. По словамъ Эс-Сарахси, въ толкованіи на Коранъ это преданіе объясняется съ двухъ сторонъ: во первыхъ, видно, что онъ выражалъ желаніе священной войны, а на самомъ дѣлѣ цѣлью его было имущество, а это состояніе лицемѣровъ, — и ему нѣтъ награды; или, во-вторыхъ, большая часть предмета его стремленій было имущество, а о подобномъ Мухаммедъ сказалъ человеку, желавшему получить въ плату за священную войну два динара: ты имѣешь только два твои динара въ этомъ и будущемъ мірѣ. А что касается того, когда большая часть предмета его стремленій была священная война, но вмѣстѣ съ ней онъ жаждалъ добычи, то онъ подходитъ къ тому, о чемъ говорится въ Коранѣ: „не будетъ на васъ грѣха въ томъ, что будете искать щедрыхъ даровъ Господа вашего“ (Кор. 2, 194) т. е. торговля во время пути на хаджъ дозволительна, точно также, значить, и во время священной войны.

Чисто религіозная цѣль свящ. войны мусульманъ видна тоже изъ того, что, при началѣ войны, невѣрныхъ должно пригласить принять исламъ. Выше цитированный авторъ Ибнъ-Абидинъ объ этомъ говоритъ, что когда мусульмане осадятъ невѣрныхъ, то должны

призвать ихъ къ исламу, направивъ къ нимъ это воззваніе на ихъ языкахъ; и если они примутъ исламъ, т. е., произнесутъ формулу мусульманскаго символа вѣры: „нѣтъ Бога кромѣ Бога, Мухаммедъ посланникъ Божій“, то цѣль будетъ вполне достигнута. Но если они не примутъ ислама, то мусульмане должны призвать ихъ къ поголовной подати; если невѣрные согласятся на нее, то имъ принадлежатъ тѣ-же права что и мусульманамъ, и на нихъ лежатъ тѣ-же обязанности, что и на мусульманахъ, за исключеніемъ богослужебныхъ дѣйствій, такъ-какъ къ невѣрнымъ относительно этого не обращена рѣчь. Постановленія шаріата, касательно послѣдствій согласія невѣрныхъ на плату поголовной подати опираются на выраженіе Алія, что невѣрные „даютъ поголовную подать только для того, чтобы кровь (жизнь) ихъ была подобна нашей крови и имущество ихъ было подобно нашему имуществу“. Поэтому мусульманамъ не позволяется начинать сраженіе съ тѣми, кого не достигло это приглашеніе къ исламу. Послѣднее обязательно даже въ настоящее время. Хотя теперь, по сознанию мусульманскихъ ученыхъ, подобный призывъ къ исламу распространился отъ востока до запада, все же можетъ быть на свѣтѣ Божіемъ лицо, которое не имѣетъ свѣдѣній объ этомъ. Если невѣрные не согласятся на плату поголовной подати, то мусульмане, призвавъ на помощь Бога, начинаютъ съ невѣрными войну, приводя въ дѣйствіе боевыя машины, сожигая враговъ огнемъ, производя наводненія, вырубая ихъ деревья, портя ихъ посѣвы. Когда предводитель мусульманъ возьметъ какой-либо городъ, въ коемъ находится кто-либо изъ жителей этого города; то совершенно непозволительно убивать кого-либо изъ города, если же при этомъ кто-либо вышелъ изъ мусульманъ или зиммевъ, то позволительно избіеніе остальныхъ жителей, такъ какъ является наибольшая вѣроятность, что именно мусульманинъ-то и вышелъ, а, слѣдовательно, остались въ городѣ всѣ невѣрные.

Уже изъ сказаннаго вытекаетъ, что съ побѣжденными невѣрными мусульманамъ дозволяется употребить всѣ мѣры жестокости. Всѣ побѣжденные предаются смерти, за исключеніемъ лицъ, не могшихъ принимать участіе въ сраженіи, каковы: дѣти, женщины, слѣпые, сумасшедшіе и монахи. Впрочемъ, предводитель мусульманъ можетъ даровать жизнь побѣжденнымъ, превративъ ихъ въ рабовъ или обложивъ поголовною податью, соображаясь при этомъ съ выгодами мусульманъ. Касательно этого предмета воспрещены мусуль-

манамъ: вѣроломство, обманъ и мученіе послѣ побѣды надъ невѣрными; до побѣды же не считается предосудительнымъ прибѣгать къ чему-либо подобному. Запрещается также убіеніе женщины, несовершеннолѣтняго, старика дряхлаго, слѣплого, безногаго, пораженнаго тяжелой и продолжительной болѣзнію, разслабленнаго, монаха, чловека, принадлежащаго къ клиру, — которые не бунтовали народъ. Въ противномъ случаѣ и эти лица подвергаются смерти. Эти послѣднія лица должны быть преданы смерти и въ томъ случаѣ, если они владѣтельные лица, или убійцы, или подавали совѣтъ, или помогали имуществомъ на войнѣ. Однако, если мусульманинъ по какому-нибудь случаю убьетъ кого-либо изъ перечисленныхъ лицъ, которыхъ не позволено убивать, то онъ обязанъ только принести покаяніе и раскаяться въ своемъ прегрѣшеніи, потому что кровь невѣрнаго получаетъ цѣну только вѣдѣствіемъ амана. Нѣтъ ничего предосудительнаго носить голову невѣрнаго, если это служитъ къ оскорбленію невѣрныхъ и къ услаженію сердца мусульманъ¹⁾. Примѣръ въ этомъ подалъ Абу-Масудъ въ битвѣ бедрской. Онъ несъ голову Абу-Джагли и бросилъ ее предъ Мухаммедомъ. Мухаммедъ при этомъ сказалъ: „великъ Богъ! Это Фараонъ мой и Фараонъ народа моего; зло его противъ меня и противъ народа моего было больше зла Фараона противъ Моисея и его народа“.

Далѣе, не предосудительно разрывать могилы невѣрныхъ, ища въ нихъ сокровищъ. Если предводитель мусульманъ возьметъ какой-либо городъ по мирному договору, то онъ долженъ поступать сообразно съ этимъ договоромъ, а точно также и другіе правители, смѣнившіе этого предводителя. При этомъ земля остается собственностью невѣрныхъ. Но если предводитель возьметъ городъ силою, одержавъ побѣду, то онъ раздѣляетъ землю между своими воинами, если захочетъ, или оставляетъ ее во власти прежнихъ ея владѣльцевъ за поголовную и поземельную подать; или онъ выводитъ изъ нея обитателей, поселяетъ на ней другихъ людей и налагаетъ на нихъ поземельную и поголовную подать, если они невѣрные, а если же они мусульмане, то на нихъ налагается десятина. Пленныхъ предводитель, если ему угодно, убиваетъ, когда они не примутъ ислама, или превращаетъ ихъ въ рабовъ, или даетъ имъ

¹⁾ Въ началѣ андижанскаго возстанія былъ зарѣзанъ Бычковъ и голову его принесли къ ишану.

свободу, дѣлая ихъ зяміями, исключая, впрочемъ, многобожниковъ изъ арабовъ и ренегатовъ, потому что эти два послѣднихъ класса должны сдѣлать выборъ между исламомъ и мечемъ. Запрещается брать выкупъ за плѣнныхъ по окончаніи войны; до окончанія же ся позволительно брать выкупъ имуществомъ, а не плѣнниками— мусульманами.

Такимъ образомъ, по отношенію къ не-мусульманамъ иныхъ государствъ мусульмане должны быть въ состояніи непрерывной войны. Впрочемъ, если выгоды и польза мусульманъ того требуютъ, можно заключить мирные договоры съ этими народами. Въ такомъ случаѣ уже не позволяется мусульманамъ предавать смерти или грабежу тѣхъ, съ которыми заключенъ подобный договоръ. Однако, религіозный фанатизмъ мусульманскихъ законодателей и здѣсь проявился въ полной его силѣ. По ихъ ученію, эти договоры во всякое время могутъ быть нарушены мусульманскимъ предводителемъ или государемъ, если предвидится польза отъ этого нарушенія договора. Этотъ договоръ не имѣетъ непрекаемой силы и можетъ быть свободно нарушенъ даже и тогда, когда онъ былъ заключенъ съ клятвою, *такъ какъ клятва въ отношеніи невѣрнаго не имѣетъ всей обязательной силы для мусульманина.* — Послѣ смерти Мухаммеда разные законовѣды и богословы ислама стремились какъ можно больше усилить пламень фанатизма среди послѣдователей ислама и вкоренить въ нихъ непримиримую ненависть ко всѣмъ иновѣрцамъ, заповѣдая вести съ ними безконечную войну сопровождаемую всѣми ужасами опустошенія и грабежа, не щадя, никого, кто способенъ оказать сопротивленіе исламу въ той или иной формѣ.

Переводъ мусульманскихъ постановленій о войнѣ съ невѣрными¹⁾.

Кому не извѣстно, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ быстраго распространенія и укорененія мусульманства была энергическая настойчивость, съ которою послѣдователи Мухаммеда мечемъ распро-

¹⁾ Перепечатано изъ газеты *Кавказъ* 1846 г., №№ 20 и 21-я.

страняли ученіе своего учителя? Энергіи этой исторія человечества обязана многими кровавыми страницами, исторія же христіанства— многими славными битвами, коими отстаивало оно, во время оно, свое существованіе, реакціей, произведшей крестовые походы и горькими страданіями безчисленнаго множества членовъ паствы Христовой, оставшихся въ срединѣ земель, завоеванныхъ мусульманами, или жертвовавшихъ спокойствіемъ и нерѣдко жизнью, чтобы поклониться мѣсту рожденія, страданій, смерти и славы Искушителя рода человеческого. Но, благодаря Бога, теперь уже мусульманскій фанатизмъ погасаетъ: съ сѣвера и юга христіанство, подъ знаменами Англій, Россіи, Франціи, все болѣе и болѣе успокаиваетъ его порывы, такъ что, въ настоящее время, Алжиръ и Кавказъ представляютъ двѣ единственные точки земной поверхности, на коихъ проливается кровь во имя и во славу меккискаго пророка. Не смотря на это, все же уничтоженіе невѣрныхъ составляетъ, къ сожалѣнію, одинъ изъ главнѣйшихъ догматовъ ученія Мухаммеда и потому онъ полнѣе другихъ обработанъ какъ самимъ пророкомъ, такъ и его послѣдователями и остается доселѣ въ рукахъ неблагонамѣренныхъ мусульманъ сильнѣйшимъ оружіемъ, которымъ они увлекаютъ легкомысленныхъ своихъ единовѣрцевъ въ борьбу съ сильными христіанскими державами, безъ малѣйшей выгоды для своей религіи и единственно ко вреду и разоренію своихъ единовѣрцев¹⁾. А потому намъ казалось полезнымъ изложить этотъ догматъ на основаніи трудовъ какого-нибудь мусульманскаго юриста, пользующагося извѣстностію, и для этого мы избрали юридическое сочиненіе, начатое Мухаммедомъ Омилі, умершимъ въ 1031 году хиджры, т. е. 1621—22 г. по Р. Хр., и оконченное ученикомъ его Низамомъ Ибни Хуссейномъ Савей по порученію Аббасса Великаго, изданное подъ именемъ Джами Аббасъ.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ переводу этой статьи, мы полагаемъ необходимымъ изложить нѣкоторыя особенности мусульманскаго законодѣнія, безъ которыхъ, несомнѣнно, многія мѣста перевода остались бы темными. Мусульманское законодательство окончено; основываясь на коранѣ, оно было только дополняемо преданіями объ изустныхъ приказаніяхъ пророка и мнѣніями ученыхъ первыхъ вѣковъ исламизма. Въ этомъ состоитъ его главное отличіе.

¹⁾ Андижанско возмущеніе въ маѣ настоящаго года подтвердило это.

чіе отъ нашего права какъ свѣтскаго, такъ и каноническаго; у насъ въ первомъ случаѣ верховная власть, а во второмъ — глава церкви можетъ дополнять и отчасти измѣнять юридическое наследство предковъ, сообразуясь съ современными потребностями подданныхъ или паствы; у мусульманъ же пророкъ не оставилъ наследника съ властью законодательною, и послѣдующимъ халифамъ предоставлено было только право распространять и поддерживать ученіе пророка, не измѣняя ни одной буквы въ томъ, что было имъ завѣщано. Изъ этого проистекло то, что мусульманскіе законы раздѣлились на три разряда, изъ коихъ каждый имѣетъ особенную обязательную силу. Къ первому относится тѣ, кои основаны на предписаніяхъ Корана, составляющіе собственно Божія предписанія, въ которыхъ священны и смыслъ и буква; вторые, основанные на преданіи, *хадистъ*, служащіе дополненіемъ къ первымъ, но уже человѣческаго происхожденія, и третіи, составленные изъ поясненій первыхъ двухъ, называемые *иджма*, образовавшіеся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ по смерти пророка, чрезъ примѣненіе правилъ Корана и хадиса къ частнымъ случаямъ жизни мирянъ и духовенства. Эта тройкая форма закона родила и различныя степени обязательности исполненія, какъ предписаній, такъ и запрещеній его, а именно: различила поступки, исполненіе коихъ совершенно необходимо, *ваджибъ*, отъ тѣхъ, исполненіе коихъ будетъ только сообразно съ закономъ и пріятно Богу, называемыхъ *суннятъ*, а равно также поступки, совершенно запрещенныя, *харамъ*, отъ такихъ, которыхъ, лучше избѣгать, *мяжругъ*; а потому въ изложеніи каждаго догмата, составляющаго необходимую часть всего ученія пророка, мы почти всегда найдемъ, какъ позволенія, такъ и запрещенія обоихъ видовъ; и въ настоящемъ случаѣ, чтобы избѣжать излишняго многословія, мы будемъ просто, также какъ и въ текстѣ выбраннаго нами сочиненія, указывать, что такое-то предписаніе есть *ваджибъ* или *суннятъ*, или *харамъ*, или *мяжругъ*, полагая, что читателю легко уже будетъ самому, на основаніи вышеизложеннаго, приискать равнозначущія имъ выраженія на русскомъ (языкѣ), которыхъ сами мы избѣгаемъ только потому, что признаемъ приведенные термины совершенно техническими, слѣдовательно, непереводаемыми. Теперь уже мы полагаемъ возможнымъ приступить къ самому переводу.

ГЛАВА IV.

О войнѣ съ невѣрными (о джихадѣ).

Глава эта раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ.

ОТДѢЛЪ 1-й.

О заслугѣ предъ Богомъ чрезъ джихадъ.

Война съ невѣрными есть главнѣшая опора исламизма; въ Коранѣ содержатся частыя упоминанія о ней, а равно и поощренія къ ней и угрозы тѣмъ, кои отъ нея отказываются безъ особыхъ причинъ; весьма много также и хадисовъ относительно джихада и защиты предѣловъ мусульманскихъ владѣній; такъ наприм., пророкъ Мухаммедъ, да будетъ надъ нимъ и потомками его благословеніе Бога, приказалъ: *Клянусь Богомъ, во власти коего духъ мой, что всякая война на пути Божіемъ и возвратъ изъ нея лучше міра и всего, что въ немъ есть*; онъ же приказалъ: *конечное благо въ мечь и подъ тенью меча, только мечь сдѣлаетъ людей праведными и онъ есть ключъ рая и ада*; онъ же приказалъ: *ни одна капля такъ не угодна Богу, какъ капля крови, пролитая во славу Его*; онъ же приказалъ: *стража одной ночи на пути Божіемъ лучше двухмѣсячнаго поста*, или (какъ переводитъ авторъ) одна ночь охраненія мусульманскихъ границъ и войны съ невѣрными лучше двухмѣсячнаго поста.

О т д ѣ л ъ 2-й.

Изложение джихада и правила онаго.

Война съ невѣрными есть ваджибъ, какъ на основаніи Корана, такъ и на основаніи иджмы; но обязательность его существуетъ только до собранія достаточныхъ силъ, т. е., если сборище правовѣрныхъ, противопоставляемое врагамъ, будетъ достаточно для сопротивленія имъ, то неучаствующіе въ этомъ ополченіи освобождаются отъ необходимости итти на войну, если имамъ не призвалъ кого-либо изъ нихъ по имени; но всякому, кого имамъ пригласитъ по имени, — для совѣщанія, походъ противъ невѣрныхъ дѣлается *ваджибомъ*, равно также и тому, кто обѣтомъ или наймомъ обяжется итти на войну, или стать въ ряды войска въ день битвы; также, когда мусульманъ будетъ мало, то всякій долженъ итти на войну, пока силы правовѣрныхъ не сравняются съ силами враговъ ихъ. Война съ невѣрными дѣлается *ваджибомъ* при слѣдующихъ двѣнадцати условіяхъ:

1) Всякій, идущій на войну, долженъ быть мужчиной; для женщинъ и скопцовъ она не обязательна.

2) Онъ долженъ быть совершеннолѣтнимъ; для малолѣтнихъ она не обязательна.

3) Онъ долженъ пользоваться полнымъ умомъ; для сумасшедшихъ она не обязательна.

4) Онъ долженъ быть свободенъ; рабъ не долженъ итти на войну даже и въ томъ случаѣ, когда господинъ его обязуется возвратить ему свободу послѣ своей смерти, а равно и невольникъ, получившій позволеніе господина откупиться за известную плату, хотя бы онъ взнесъ большую часть оной; но имаму дозволено взять рабовъ на войну съ разрѣшенія ихъ хозяевъ, потому что они могутъ принести пользу.

5) Онъ долженъ быть не старъ: старцы дряхлы и не могутъ воевать.

6) Онъ долженъ быть свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ; для несвѣдущихъ же война не обязательна.

7) Онъ долженъ быть зрячъ и не хромъ, такъ чтобы способенъ былъ ходить пѣшкомъ, ѣздить верхомъ и слѣзать съ лошади.

8) Онъ долженъ быть здоровъ; насчетъ же нездоровыхъ, могущихъ нанять за себя другого воина, мнѣнія ученыхъ несогласны.

9) Онъ долженъ быть въ состояніи снабдить себя пропитаніемъ на время похода и семейство свое на мѣстѣ.

10) Онъ долженъ имѣть четвероногое для ѣзды; для всякаго же, кто не можетъ достать его, война не обязательна во всякомъ случаѣ, — близко или далеко мѣсто назначенія; нѣкоторые муштехиды полагаютъ, что четвероногое необходимо только тогда, когда мѣсто назначенія далѣе 8 фарсанговъ (56 верстъ), но и тутъ походъ становится ваджибомъ, если воину дадутъ четвероногое; если же воинъ долженъ самъ нанять животное, то война для него не обязательна.

11) Онъ долженъ не имѣть долговъ. Всякій, кто, по наступленіи срока платежа, не будетъ въ состояніи заплатить своего долга, не можетъ итти на войну; если же онъ заплатитъ свой долгъ, или найлетъ за себя поручителя, или дастъ залогъ и успокоитъ кредитора, то походъ становится для него ваджибомъ; если же имамъ вызоветъ его по имени, то онъ долженъ итти на войну, хотя бы заимодавецъ на то и не соглашался; но въ этомъ случаѣ война становится для него суннатою: чтобы онъ не выбиралъ мѣста, гдѣ можетъ быть убитымъ, не становился бы въ первый рядъ и не выѣзжалъ бы впередъ для послѣдника. Впрочемъ, относительно обязательности итти въ походъ, когда срокъ платежа наступилъ, мнѣнія ученыхъ различны; но справедливо, что заимодавецъ не можетъ удержать должника отъ войны.

12) Онъ долженъ имѣть позволеніе родителей, а потому всякій, кто не будетъ приглашенъ имамомъ по имени, не можетъ итти на войну безъ разрѣшенія отца и матери.

Для всѣхъ, исполнившихъ эти 12 условій, итти съ имамомъ на войну самому, или нанять за себя кого-нибудь дѣлается *ваджибомъ*; послѣдняго, впрочемъ, онъ не вправе сдѣлать, когда имамъ вызвалъ его по имени; тогда уже онъ не можетъ поставить за себя наемщика, а долженъ итти самъ, какъ это было уже ска-

зано выше. Всякій, кто сдѣлается неспособнымъ принимать участіе въ войнѣ, наприм., по болѣзни, можетъ возвратиться, встрѣтилось-ли правовѣрное войско съ непріателемъ, или не встрѣтилось; если же неспособность эта произойдетъ отъ другой какой-нибудь причины, кромѣ болѣзни, наприм., если господинъ, отпустившій раба на войну, раскается въ этомъ и отзоветъ его, то до встрѣчи съ непріателемъ рабъ долженъ возвратиться домой, послѣ встрѣчи онъ возвращаться не можетъ. Война съ невѣрными составляетъ ваджибъ и въ томъ случаѣ, если имама вовсе не будетъ, а врагъ подступитъ къ предѣламъ мусульманскихъ земель и отъ него можно ожидать вреда для исламизма.

О т д ѣ л ъ 3-й.

О томъ, съ кѣмъ вести религіозную войну.

Есть три племени, съ которыми слѣдуетъ вести войну.

I) *Харби* (т. е. тѣ, кои могутъ воевать). Ихъ два рода: къ первому принадлежатъ совершеннолѣтніе и юноши, которые, кромѣ Бога, обожаютъ разные предметы, напр., солнцеклонники, звѣздоклонники и другіе; ко второму же тѣ, которые ничему не поклоняются, напр., атеисты и материалисты; со всѣми ими необходимо, въ присутствіи имама, вести войну. дотолѣ, пока они обратятся къ мусульманству.

II) *Книжники* (т. е. имѣющіе священныя писанія). Ихъ также два рода: а) племена, имѣющія священныя книги и имѣвшіе пророковъ, каковы, напр., іудеи, имѣющіе Библию и имѣвшіе пророка Моисея, и христіане, имѣющіе Евангеліе и имѣвшіе Иисуса, да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе. б) Племена, не имѣющія книгъ и не имѣвшія пророковъ, а вѣрующія въ ложныя писанія и въ лже-пророковъ, напр., огнисклонники, утверждающіе, что имѣютъ писаніе, называемое Зенди-веста, и почитающіе пророкомъ Зороастра, хотя по хадису извѣстно, что они имѣли истинныя писанія, но сожгли ихъ, имѣли истинныхъ пророковъ, но убили ихъ

и что пророкъ ихъ принесъ имъ завѣтъ, начертанный на кожахъ 12,000 коровъ. Съ обоими этими племенами слѣдуетъ вести войну, пока они не признаютъ исламизма, или пока не подчинятся, по договору, платежу подати *джизья*.

III) *Отступники*, отпавшіе отъ современнаго имъ имама. Ихъ должно убивать, пока они снова подчинятся ему, или всѣ будутъ истреблены; даже и въ томъ случаѣ подлежатъ они смерти, если не они одни принимали участіе въ войнѣ или возмущеніи. Далѣе, нѣкоторые говорятъ, что недостаточно обратить ихъ въ бѣгство, но слѣдуетъ ихъ преслѣдовать, хватать и убивать; другіе же того мнѣнія, что достаточно разбить ихъ и удовольствоваться ихъ отступленіемъ. По мнѣнію муштехидовъ, дѣти и жены ихъ не могутъ владѣть имуществомъ, будетъ ли оно движимое или недвижимое, даже если оно находится внѣ предѣловъ мѣста, гдѣ ведутъ войну. На счетъ же того, принадлежатъ-ли имущества, ихъ, расположенныя въ предѣлахъ того пространства, гдѣ ведутъ войну, ополченію, или не принадлежатъ ему, мнѣнія различны, но справедливо то, что они не принадлежатъ ополченію.

Джизья основана на 12 условіяхъ:

1) Согласіе платить джизью, т. е. вносить то, что имамъ, или его намѣстникъ потребуетъ въ концѣ года съ каждаго изъ нихъ, достигшаго совершеннаго возраста и находящагося въ здоровомъ умѣ, даже если они будутъ старцы, хромые и немощныя, а равно вносить и ту подать, которою обложить ихъ поземельную собственность. На счетъ того, долженъ-ли рабъ платить джизью, мнѣніе муштехидовъ различно; впрочемъ, вѣроятнѣе, что онъ не долженъ платить; далѣе, нѣкоторые изъ муштехидовъ сдѣлали различіе между рабами изъ іудеевъ, состоящихъ во власти мусульманъ, и тѣми, кои принадлежатъ іудеямъ же; съ первыхъ, по мнѣнію ихъ, не слѣдуетъ брать джизью, со вторыхъ же слѣдуетъ. Равно и на счетъ того мнѣніе муштехидовъ различно, какъ великъ долженъ быть сборъ джизьи; одни утверждаютъ, что по хадису извѣстно, будто Али, да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе, приказалъ, чтобы съ *бѣдныхъ* взымали ежегодно 12 дирхемовъ, съ *достаточныхъ*—24, а съ *богатыхъ*—140 дирхемовъ; другіе же говорятъ, что размѣръ джизьи закономъ не определенъ и что назначеніе ея зависитъ отъ имама. Последнее справедливо, ибо джизья должна соразмѣряться со вредомъ, протекающимъ отъ

невѣрныхъ; если же обложенные этою податью въ теченіе года сдѣлаются мусульманами, то они освобождаются отъ взноса джизьи.

2) Подчиненіе приказаніямъ мусульманъ.

3) Воздержаніе отъ дѣлъ, противныхъ имамамъ; напр., платящіе джизью не должны участвовать въ войнахъ противъ мусульманъ, подавать помощь двубожникамъ и т. д.; если же причинять смуты, то подвергаются уничтоженію во всякомъ случаѣ, принадлежатъ-ли они къ платящимъ, а также не смотря на то, сдѣлали ли это они съ умысломъ, или безъ умысла.

4) Не прелюбодѣйствовать съ женщинами мусульманскаго вѣроисповѣданія и не брать ихъ въ жены.

5) Воздержаніе отъ бунта.

6) Воздержаніе отъ разбоя.

7) Не укрывать шпионовъ, посылаемыхъ невѣрными, и не доставлять имъ извѣстій о тайнахъ мусульманскихъ, и не писать невѣрнымъ чего-нибудь объ обстоятельствахъ мусульманъ.

8) Не убивать ни мужчинъ, ни женщинъ мусульманскаго вѣроисповѣданія.

Примѣчаніе. Всякій договорившійся съ имамомъ платить джизью и невыполняющій выше приведенныхъ восьми условій подлежитъ убіенію.

9) Не произносить хулы на имя Бога и пророка, не оказывать неуваженія къ мусульманскимъ книгамъ (Корану); всякій же, кто, упаси Боже, это сдѣлаетъ, подлежитъ смерти, даже если онъ и платитъ джизью.

10) Не дѣлать запрещеннаго мусульманскимъ закономъ въ мусульманскихъ городахъ, т. е. не пить вина, не ѣсть свиное мясо, не жениться на матери, на сестрѣ и тому подобное.

11) Не воздвигать храмовъ и молитвенныхъ домовъ въ городахъ мусульманскихъ, не осмѣливаться громко читать своихъ священныхъ книгъ, въ колокола не звонить, не воздвигать дома свои выше и вровень съ домами мусульманъ. Если же невѣрные не подчинятся этимъ условіямъ, то подлежатъ убіенію.

12) Невѣрные должны ходить такъ, чтобы ихъ можно было отличать отъ мусульманъ; чтобы платья ихъ были отличны отъ платья мусульманъ; четвероногія, на коихъ они ѣздятъ, были бы другія, чѣмъ тѣ, на которыхъ ѣздятъ, обыкновенно, мусульмане, сверхъ того, ѣздить они должны такъ, чтобы ноги ихъ висѣли по

одну сторону четвероногаго; на лошадахъ и сѣдлахъ ѣздить не должны; сабли и оружія носить не могутъ; христіане не должны носить крестовъ, и женщины ихъ должны отличаться платьемъ отъ мусульманокъ; по срединѣ дороги невѣрные ходить не могутъ, а должны уступать ее мусульманамъ и, наконецъ, не должны давать ни фамилій, ни прозваній своимъ дѣтямъ.

Примѣчаніе. Это 12-е условіе составлено муштехидами; въ хадисѣ же о немъ не упоминается.

Христіане не могутъ селиться въ Хеджазѣ, т. е., въ Меккѣ, Мединѣ, также и въ ихъ окрестностяхъ, и потому слѣдуетъ ихъ къ тому не допускать; имъ не дозволено покупать Корана; если же и купятъ его, то онъ чрезъ то не дѣлается ихъ собственностью. Нѣкоторые муштехиды принесли ко всему этому хадисы, другіе же признаютъ это только *мякругомъ*.

О т д ѣ л ѣ 4-й.

О способѣ веденія войны противъ невѣрныхъ.

Война съ невѣрными основывается на 27 приказаніяхъ, изъ коихъ 3 суть *ваджибъ*, 10—*харамъ*, 6—*суннатъ* и 8—*мякругъ*. Первые три суть:

1) Приглашеніе враговъ къ явному исповѣданію исламизма до начала войны, потому что невѣрныхъ убивать не позволено прежде чѣмъ имамъ, или наибъ его узнаетъ, вѣрують-ли они въ *шехадатейнъ*¹⁾, въ единство Бога, въ справедливость Его, въ пророческое достоинство пророка, въ имамство Алія и его потомковъ, въ совокупность закона и его предписанія; если же мусульманинъ, не дождавшись, чтобы имамъ сдѣлалъ это, убьетъ кого-нибудь изъ невѣрныхъ, то сдѣлаетъ грѣхъ; впрочемъ, не подлежитъ за это ни взаимному мщенію, ни платежу за кровь; однако же, должно за-

¹⁾ *Шехадатейнъ* называется вѣра въ Бога и Мухаммеда, пророка его, и выражается извѣстною формулою: „Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ—посланикъ Бога“.

жѣтить, что приказаніе это—*ваджибъ* только въ томъ случаѣ, когда начинаютъ войну съ невѣрными, вовсе невѣдающими объ откровеніи и пророкѣ; когда же невѣрные знаютъ объ этомъ, то и приказаніе это становится *суннѣтомъ*.

2) Оказаніе храбрости во всѣхъ случаяхъ, гдѣ имамъ этого потребуеть.

3) Начинать войну съ ближайшими врагами, кромѣ того случая, гдѣ дальнѣйшій врагъ страшнѣе, и имамъ, по совѣщанію, заключить съ первыми миръ; впрочемъ, нѣкоторые считаютъ это предписаніе *суннѣтомъ*.

Десять приказаній *харамъ* суть:

1) Воевать въ 4 запрещенные мѣсяца, т. е. раджабъ, зулька-аля, зиль-хиджа и мухаррамъ, почему эти 4 мѣсяца и названы непозволенными, и воевать въ теченіе ихъ съ людьми, не уважающими ихъ, есть *харамъ*; съ мусульманами же воевать можно.

2) Сражаться послѣ запрещенія имама.

3) Бѣжать съ поля сраженія, если враговъ не вдвое болѣе, чѣмъ мусульманъ; кромѣ случаевъ, гдѣ врагъ вовлекается этимъ въ ошибку, напр., для того, чтобы имѣть солнце съ тыла, для занятія вершинъ, для занятія мѣстъ, снабженныхъ воюю, для того, чтобы стать подъ прикрытіе горы и для соединенія съ другими мусульманскими войсками. Но если враговъ вдвое болѣе, то, по мнѣнію ученыхъ юристовъ, стоять не должно, и сраженіе дѣлается *суннѣтомъ* только въ случаѣ надежды на выигрывать его.

4) Убіеніе женъ невѣрныхъ, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ оказываютъ помощь мужчинамъ, а равно и убіеніе младенцевъ и сумасшедшихъ.

5) Убіеніе старцевъ, даже если они своими совѣтами руководствуютъ невѣрныхъ; но убіеніе рабовъ сихъ послѣднихъ, если они принимаютъ участіе въ войнѣ, есть *ваджибъ*.

6) Отрѣзаніе ушей и носовъ невѣрныхъ.

7) Обманъ ихъ, или убіеніе послѣ помплованія ихъ имамомъ.

8) Сокрытіе добычи.

9) Продолженіе войны по заключеніи мира.

10) Отравленіе водъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ этого можно обойтись; впрочемъ, нѣкоторые изъ муштехидовъ признаютъ предписаніе это *мякрузомъ*; другіе же говорятъ, что оно *харамъ*.

только въ случаѣ, когда можно думать, что въ той странѣ, гдѣ отравляютъ воду, есть мусульманѣ.

Шесть приказаній *суннѣтъ* суть:

1) Въ минуту встрѣчи двухъ строевъ непріятельскихъ войскъ правовѣрные должны читать молитву, которую произносилъ самъ пророкъ: „О, Боже, ниспославшій книгу (Коранъ)! Скоро считающій (разбирающій добро и зло), двигатель тучъ, разсыпавшій племена, утѣшитель печальныхъ, внимающій мольбамъ упавшихъ духомъ, избавляющій отъ большихъ скорбей, — избавь меня отъ печали моей. Тебѣ известны дѣла мои и моихъ спутниковъ, поддержи меня силою своею противу враговъ“.

2) Если можно, должно сражаться передъ закатомъ солнца, послѣ полуденной молитвы и послѣ намаза *асръ*, потому что въ это время двери неба отверсты; помощь и благословеніе ниспосылаются оттуда; сверхъ того, близость ночи уменьшить кровопролитіе и если кто изъ мусульманъ побѣдитъ, то ему легко будетъ скрыться.

3) Чтобы имамъ не велъ войска съ поспѣшностью, а велъ бы ихъ тихо.

4) Чтобы имамъ совѣщался съ воинскими начальниками.

5) Чтобы имамъ заботился о томъ, чтобы на привалахъ было достаточно воды и травы.

6) Если вьючная скотина кого-нибудь изъ воиновъ пристанеть, то другимъ слѣдуетъ взять его вьюки; если даже вовсе не будетъ вьючнаго скота, то всетаки надобно вести войну какъ можно такъ, чтобы разорять жилища и укрѣпленія невѣрныхъ, бросать въ нихъ камнями изъ пращей, воспрещать караванамъ итти къ нимъ, убивать ихъ, если они будутъ предавать смерти женъ, младенцевъ, старцевъ и рабовъ мусульманъ, выжигать невѣрныхъ огнемъ, уничтожать ихъ деревья, отводить отъ нихъ воду.

Примѣчаніе. По преданію отъ Алія дошло, что отводить воду не позволено, но муштехиды это объяснили, что этимъ хадисомъ запрещается только отравлять воду безъ особенной причины.

Восемь приказаній *мякрузъ* суть:

1) Убивать собственноручно отца своего, если онъ невѣрный.

2) Дѣлать ночныя нападенія безъ особенной причины.

3) Начинать сраженіе прежде конца дня.

4) Уничтожать собственныхъ четвероногихъ безъ совѣщанія, даже если онѣ по усталости не могутъ слѣдовать далѣе; но если убіеніе положено совѣтомъ, то оно дозволено. Что же касается до уничтоженія четвероногихъ, принадлежащихъ непріятелю, то оно всегда есть *ваджибъ*, потому что это ослабляетъ врага.

5) Оказывать храбрость между двухъ строевъ (т. е. делибачничать, выѣзжать впередъ для задиранія непріятеля) безъ позволенія. Нѣкоторые муштехиды считаютъ предписаніе это *харамомъ*.

6) Сохранять плѣнныхъ съ тѣмъ, чтобы потомъ предавать ихъ смерти, или отказывать имъ въ необходимомъ, пока они умрутъ. По хадису извѣстно, что самъ пророкъ никого не умертвлялъ такимъ образомъ, кромѣ Акабъ-Ибни-Мугири.

7) Если можно одержать побѣду не разрушая городовъ и укрѣпленій невѣрныхъ, то разрушеніе, потопленіе и сожженіе ихъ жилищъ, истребленіе ихъ деревьевъ, въ особенности же финиковыхъ, безъ особеннаго основанія, дѣлается *мякругомъ*.

8) Убіеніе четвероногихъ, принадлежащихъ невѣрнымъ, по окончанія войны; убіеніе же ихъ во время войны позволено, какъ сказано было выше.

О т д ѣ л ь Б-й.

О помилованіи невѣрныхъ.

Мусульманамъ позволено помиловать нѣсколькихъ невѣрныхъ, но за то и невѣрные должны миловать женъ и рабовъ мусульманъ. Помилованіе, сдѣланное несовершеннолѣтнимъ, сумасшедшимъ, пьянымъ, соннымъ, одурманеннымъ какимъ-нибудь лекарствомъ, или дарованное по принужденію считается недѣйствительнымъ. Также недѣйствительно помилованіе, сдѣланное мусульманами во время бытности ихъ въ плѣну у невѣрныхъ, хотя бы они сдѣлали это безъ принужденія. Не позволено также миловать купцовъ, которые, во время войны съ невѣрными, отправляются для торговли въ ихъ государства, и мусуль-

манъ, нанимающихся въ услуженіе къ *кяфирамъ*; но если невѣрный по найму служить мусульманину, то сей послѣдній можетъ его помиловать съ условіемъ, чтобы это было сдѣлано въ землѣ невѣрныхъ. Мусульманинъ, желающій помиловать невѣрнаго, долженъ выразить это прежде взятія милуемаго въ плѣнъ, потому что послѣ этого онъ не вправѣ исполнить своего желанія. Помилованіе производится двоякимъ образомъ: во-первыхъ, произнося: *Аджартукя* (я освободилъ тебя), во-вторыхъ, произнося: *Амантукя* (я помиловалъ тебя). Но вмѣсто этого можно произнести также: *Архамтукя* (я помиловалъ тебя), или: *Анта-фи зиммя-тиль ислами* (т. е., ты помилованъ исламомъ). Также можно что-нибудь написать, что свидѣтельствовало бы о желаніи помиловать, и это можетъ быть написано по-арабски или по-персидски. Напримѣръ, достаточно, если напишутъ: „не бойся“. Наконецъ, достаточно сдѣлать знакъ, изъ коего явно было бы желаніе помиловать. Разъ дарованнаго помилованія отмѣнять не должно, а должно поступать по условію, кромѣ случая, гдѣ само условіе незаконно. Если невѣрный, въ надеждѣ на дарованное ему помилованіе, войдетъ въ земли мусульманскія, то убивать его не должно, а слѣдуетъ отпустить его къ своимъ. Хотя, вообще говоря, миловать невѣрнаго, по взятіи его въ плѣнъ, нельзя, но имамъ имѣетъ право это сдѣлать.

О т д ѣ л ь Б-й.

О мирѣ съ невѣрными.

Если имамъ признаетъ нужнымъ, окончивъ войну, заключить миръ съ невѣрными, то необходимо, чтобы миръ сей былъ заключенъ не менѣе, какъ на одинъ годъ; если же мусульмане очень ослаблены войною, то миръ можетъ быть продолженъ и на 10 лѣтъ; справедливо же и то, что отъ имама зависитъ продлить миръ настолько времени, сколько онъ признаетъ необходимымъ.

Если съ заключеніемъ мира сопряжена выдача чего-нибудь, то мнѣніе муштехидовъ различно насчетъ того, признать ли заключеніе его *ваджибомъ* или нѣтъ; но справедливѣе не признавать его *ваджибомъ*.

Никто не можетъ имѣть права мира, кромѣ имама и его наиба, потому что всякій мусульманинъ не можетъ заключить миръ съ невѣрными, подобно тому, какъ онъ не можетъ помиловать безъ разбора всякаго изъ нихъ.

Если имамъ заключилъ миръ съ невѣрными, то для него дѣлается *ваджибомъ*, чтобы онъ сохранилъ какъ ихъ, такъ и ихъ имущества, и исполнялъ бы съ точностью всѣ условія договора, сообразныя съ закономъ.

Если имамъ, заключившій миръ съ невѣрными умретъ, то послѣдующій за нимъ имамъ долженъ исполнить договоръ своего предшественника.

Если невѣрные сдѣлаютъ что-либо противное миру, то миръ съ ними становится недѣйствительнымъ; если же только нѣкоторые изъ нихъ нарушатъ миръ, то онъ дѣлается недѣйствительнымъ исключительно относительно сихъ послѣднихъ.

Если имамъ узнаетъ, что невѣрные хотятъ нарушить миръ, или что они замышляютъ измѣну, то миръ слѣдуетъ прервать; однако, въ этомъ случаѣ должно руководствоваться убѣжденіемъ, а не предположеніями.

Если между невѣрными, заключившими миръ съ имамомъ, возгорится война и они отнесутся къ имаму, то заисить отъ сего послѣдняго, приказать ли имъ по закону, или предоставить ихъ самимъ себѣ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

(хаджъ)

ВЪ МЕККУ И МЕДИНУ ¹⁾.

Въ ряду различныхъ средствъ къ очищенію отъ грѣховъ и спасенію души наиболѣе видное мѣсто, по вѣроученію Магомета, занимаетъ поклоненіе священнымъ мѣстамъ ислама, или такъ называемый „хаджъ“. Хотя, по словамъ самого Корана (гл. 2, ст. 192) и, въ особенности, по толкованіямъ на него выдающихся законовѣдovъ (факиховъ), хаджъ становится обязательнымъ лишь при наличности умственного и физическаго здоровья, обладанія достаточными средствами, при безопасности пути, и свободно можетъ быть замѣняемъ наймомъ для сей цѣли другаго лица и даже посылкой въ святую землю какой-либо лепты, тѣмъ не менѣе онъ издавна получилъ широкое распространеніе. Этому, прежде всего, способствуетъ горячая и неутомимая пропаганда его высшими мусульманскими духовными и свѣтскими властями, извлекающими изъ хаджа не малыя матеріальныя выгоды и пользующимися имъ въ цѣляхъ

¹⁾ Настоящая статья составлена поручикомъ *Ярославъ-Равскимъ*, на основаніи двухъ отчетовъ Россійскаго генеральнаго консула въ Джеддѣ, г. Левицкаго, за 1893 и 1894 г.г., и пополнена свѣдѣніями, заимствованными изъ сочиненія М. Миропіева: „Религіозное и политическое значеніе хаджа“ (Казань, 1877 г.) и изъ статьи г. Фейнера: „О паломничествѣ мусульманъ въ Мекку“. Турк. Вѣд. 1895 года, № 29)

упроченія и объединенія всего мусульманства, какъ религіозно-политическаго міра; съ другой стороны, самая сущность хаджа, не требующаго истинно-нравственныхъ побужденій и довольствующагося лишь точнымъ выполненіемъ предписанныхъ сухихъ и безжизненныхъ обрядностей, создаетъ изъ него наиболѣе легкой и доступный для толпы способъ достиженія обѣщаннаго блаженства въ будущей и высокаго положенія въ настоящей жизни. Званіе „хаджи“, присваиваемое лицу, хотя-бы однажды побывавшему въ священныя мѣстахъ, придастъ ему особенное значеніе, а троекратное хожденіе на поклоненіе поднимаетъ паломника, по общему признанію, на степень праведника и святого.

Самыми священными мѣстами поклоненія у всѣхъ мусульманъ, безъ различія толковъ, считаются находящіеся въ аравійской области Хеджасъ города Мекка и Медина, связанные съ воспоминаніями о жизни, проповѣднической дѣятельности и смерти Магомета; у шиитовъ, кромѣ того, города: Неджефъ, Кербеля, Казмейнъ, Куфа и другіе, расположенные въ Турецкой Аравіи, въ которыхъ жили и дѣйствовали ближайшіе преемники и ревностные сподвижники основателя ислама.

Въ эти-то мѣста и стекаются ежегодно со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра до 100 тысячъ и болѣе паломниковъ¹⁾, приурочивающихся, въ силу религіозныхъ вѣрованій, свое прибытіе въ Мекку къ празднику „Курбанъ-Байрама“, а паломничество къ шиитскимъ святынямъ—къ праздникамъ „Ашура“ и „Арбаина“, начинающимся въ опредѣленные дни извѣстныхъ лунныхъ мѣсяцевъ и переходящимъ послѣдовательно въ теченіе 33 лѣтъ по всѣмъ мѣсяцамъ солнечнаго года²⁾.

¹⁾ Въ 1807 г. въ Меккѣ было 83,000 паломниковъ, въ 1814 г.—70,000 ч. въ 1854 г.—50,000 ч.; 1855 г.—80,000 ч.; въ 1856 г.—120,000 ч.; 1857 г.—140,000 ч.; 1858 г.—160,000 ч.; въ 1865 г.—90,000 чел. (Займствовано изъ соч. М. Миропіева, стр. 100).

²⁾ Какъ извѣстно, мусульманскій лунный годъ на 11 дней короче нашего, вслѣдствіе чего на протяженіи 33 лѣтъ получается разница въ 363 дня, т. е. почти цѣлаго года.

По лунному счисленію, праздникъ „Курбанъ-Байрамъ“ приходится всегда на 10-е, 11 и 12 числа мѣсяца Зиль-Хиджа¹⁾.

По сообщенію нашего консула въ Джебдѣ, мусульманскіе паломники, какъ русско-подданные, такъ и подданные нѣкоторыхъ другихъ государствъ, прибываютъ въ Мекку въ теченіе всего періода времени отъ праздника „Курбанъ-Байрама“ и до 10-го Зиль-Хиджа слѣдующаго года.

Паломники, почему-либо запоздавшіе къ празднику „Курбанъ-Байрама“, остаются въ Меккѣ, Мединѣ, Джебдѣ и другихъ городахъ впредь до этого праздника въ слѣдующемъ году, ибо паломничество считается неполнымъ и незаконченнымъ, даже паломникъ не можетъ именоваться „хаджіемъ“, если онъ не пробудетъ въ Меккѣ этого праздника.

Праздникъ „Курбанъ-Байрама“ состоитъ въ томъ, что всѣ собравшіеся въ Меккѣ къ этому времени мусульманскіе паломники еще съ утра кануна праздника выступаютъ изъ города, идутъ снверна на гору Арафатъ (около шести часовъ пути къ сѣверо-востоку отъ Мекки) и, проведя здѣсь ночь, утромъ возвращаются для закланія жертвенныхъ животныхъ и выполненія другихъ, предписанныхъ кораномъ и шаріатомъ, обрядностей²⁾ въ близъ лежащую къ Меккѣ деревеньку Мина.

Изъ отчетовъ Джебдскаго консула за 1893 и 1894 г. г. и изъ вѣдомостей Джебдскаго отдѣленія турецкаго санитарнаго комитета о движеніи судовъ съ паломниками видно, что всѣхъ хаджіевъ черезъ Ямбо и Джебду прошло: въ 1891 году—44,900, въ 1892—53,962, въ 1893—86,489 и въ 1894 году—46,280 ч., которые по національностямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Въ 1893 году эти числа соответствовали 12, 13, и 14 іюня, въ 1894 году—2, 3 и 4 іюня.

Въ 1895 г.—23, 24, 25 мая.

— 1896 г.—11, 12, 13 мая.

— 1897 г.—30 апрѣля, 1 и 2 мая

— 1898 г.—19, 20, 21 апрѣля.

²⁾ Подробное описаніе праздника помѣщено въ Средн.-Азіат. Вѣсти за 1896, годъ, въ статьѣ Ш. Ишаева „Мекка“ и въ сочиненіи г. Миропіева на стр. 178.

СПИСОКЪ

ИНОСТРАННЫМЪ МУСУЛЬМАНСКИМЪ ПАЛОМНИКАМЪ.

Съ 16-го іюля 1890 г. по 1-е іюля 1894 года.

Какой національ- ности.	Хаджъ 1891 г. съ 16 іюля 1890 г. по 2 іюля 1891 г.			Хаджъ 1892 г. съ 21 августа 1891 г. по 20 іюля 1892 г.			Хаджъ 1893 г. съ 20 іюля 1892 г. по 8 іюля 1893 г.			Хаджъ 1894 г. съ 10 іюля 1893 г. по 1 іюля 1894 г.		
	Черезъ		Всего.	Черезъ		Всего.	Черезъ		Всего.	Черезъ		Всего.
	Джеду.	Ямбо.		Джеду.	Ямбо.		Джеду.	Ямбо.		Джеду.	Ямбо.	
Алжирцевъ.	3554	296	3850	4829	25	4854	14441	1800	15741	1215	38	1253
Арабовъ.	2086	68	2154	1246	—	1246	2162	—	2162	1526	26	1552
Египтянъ.	6285	54	6339	7900	219	8119	13361	512	13873	6520	472	6992
Индусовъ.	11035	12	11047	10959	38	10997	14772	29	14801	10478	7	10485
Іеменцевъ и Хеджасцевъ	1887	—	1887	2693	—	2693	6410	826	7236	2407	157	2564
Персіянъ.	1717	237	1954	1021	164	1185	1757	887	2644	2354	111	2465
Суданцевъ.	247	41	288	288	—	288	277	—	277	448	14	462
Турокъ и Си- рійцевъ.	3285	1806	5091	7528	2228	9756	8427	5020	13447	5198	1916	7114
Лванцевъ.	10817	—	10817	11508	—	11508	13856	—	13856	12126	—	12126
Разныхъ на- цій на па- русныхъ лодкахъ (самбукахъ).	—	1473	1473	—	3316	3316	—	2452	2452	—	1267	1267
Всего . .	—	—	44,900	—	—	53,982	—	—	86,489	—	—	46,280

СПИСОКЪ

судамъ, заходившимъ въ Джеддскій портъ съ хаджіями за
время отъ 16-го іюля 1890 года по 1-е іюля 1894 года.

Подъ канимъ флагомъ.	Хаджъ 1891 г. съ 16 іюля 1890 г. по 2 іюля 1891 г.			Хаджъ 1892 г. съ 21 августа 1891 г. по 20 іюня 1892 г.			Хаджъ 1893 г. съ 20 іюня 1892 г. по 8 іюня 1893 г.			Хаджъ 1894 г. съ 9 іюня 1893 г. по 31 мая 1894 г.		
	Съ		Всего.	Съ		Всего.	Съ		Всего.	Съ		Всего.
	Юга.	Съвера.		Юга.	Съвера.		Юга.	Съвера.		Юга.	Съвера.	
Австрійскимъ.	2	6	8	2	4	6	—	1	1	—	11	11
Англійскимъ.	52	17	69	51	15	66	66	21	87	61	3	64
Германскимъ.	—	—	—	1	—	1	—	1	1	—	2	2
Голландскимъ.	8	—	8	22	8	30	20	4	24	21	12	33
Греческимъ.	1	1	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Египетскимъ.	12	20	32	15	29	44	14	41	55	17	33	50
Занзибарскимъ.	1	—	1	1	—	1	1	—	1	—	—	—
Португальскимъ.	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Турецкимъ.	5	4	9	16	9	25	12	11	23	10	10	20
Французскимъ.	—	5	5	—	4	4	—	12	12	—	—	—
Всего . .	84	53	137	108	70	178	113	91	204	109	71	180

Переходя къ изложенію отчета о мусульманскихъ паломникахъ, исключительно русскихъ и бухарскихъ подданныхъ, Джеддскій консулъ обращаетъ вниманіе на „мутавафовъ“ или „далилей“ (руководителей), ѣздившихъ въ 1894 году въ Бухару и Туркестанъ для приглашенія нашихъ мусульманъ на хаджъ. Такъ, изъ Мекки ѣздили два туземца — далиля: Саидъ-Хасанъ-Кучукъ, сынъ Саидъ-Хамула и Абдулла-Кучукъ, сынъ Ходжи-Сарымсака, а изъ Мединны бухарскій уроженецъ Сеидъ-Мухаммадъ, сынъ Маасума-Ходжи.

Всѣ руководители хаджіевъ раздѣляются на двѣ категоріи: „мутавафа“ (или „далили“) и ихъ довѣренныя (вакилы) и имѣютъ во главѣ начальника (шейха) съ его вакилемъ. Какъ шейхъ, такъ равно и далили, утверждаются письменнымъ фирманомъ шерифа Мекки; вакилы же выбираются далилими.

Представляя списокъ далилямъ и вакилямъ для русскихъ и бухарскихъ подданныхъ, консулъ сообщаетъ, что шейхомъ всѣхъ далилей въ Джеддѣ считался меккинскій уроженецъ *Хасанъ-Гунгъ*, а его вакилемъ тоже уроженецъ Мекки—Али-Ахдаръ. Въ Мединѣ шейха далилей нѣтъ.

СПИСОКЪ

далилямъ и вакилямъ (по отчету Джеддскаго консула за 1893 годъ).

№	Далили въ Меккѣ.	Вакилы въ Джеддѣ.	Для какихъ хаджіевъ.
МЕККИНСКІЕ УРОЖЕНЦЫ.			
1	Али-Махмудъ-Шукри.	Мухамедъ Гиритли.	Андижанцевъ.
2	Али-Биринджи.	Мухамедъ Гиритли.	Ошцевъ.
3	Шейхъ Мухамедъ Асгаръ.	Шейхъ - Хусейнъ, уроженецъ Триполи.	Хивинцевъ.
4	а) Сеидъ-Ахмедъ-Муэззинъ.	Ахмедъ-Гуріани, уроженецъ Джедды.	Черкесовъ.
	в) Халиль-Дуби.	Мухаммедъ-Салехъ Бангашъ.	
5	Сулейманъ - Малдахъ-Аббасъ - Абдуль Равашииъ.	Шейхъ-Хусейнъ изъ Триполи.	Крымскихъ татаръ.
	Потомки меккинца Бенни.	Хамидъ Бехейри, уроженецъ Джедды.	
	Потомки меккинца Санани.	Мухаммедъ-Салехъ Бангашъ.	

6	Ибрагимъ-Сельсилъ.	Мухаммедъ-Салехъ Бангашъ.	Дажестанцевъ.
	Ибрагимъ-Мирзъ.	Вакилы нѣтъ.	
7	Потомки меккинца Ашчи	Ходжа-Муса, кашгарецъ	Кокандцевъ.
8	Потомки меккинца Али-Суруджи.	Абдуррасуль, уроженецъ Йеменя.	Киргизъ и Казанскихъ татаръ.
9	Седъ - Абдуль - Кадырь, по происхожденію дагестанецъ.	Мухаммедъ - Дехахини, уроженецъ Джедды.	Наманганцевъ.
10	Сеидъ - Мухамедъ - Кучекъ, бухарецъ.	Мухаммедъ-Джанъ, уроженецъ Ходжента и Ходжа-Муса, — кашгарецъ.	Бухарцевъ. Самаркандцевъ. Ташкентцевъ. Маргеланцевъ. Ходжентцевъ. Туркестанцевъ.
			Для какихъ хаджіевъ.
		Вакилы въ Ямбо.	
			Для какихъ хаджіевъ.
1	Мухамедъ-Али (бухарецъ).	Вакилей нѣтъ.	Бухарцевъ.
2	Сеидъ - Шафи (меднинецъ).	Вакилей нѣтъ.	Киргизы и Татаръ.

Нѣкоторые далили, какъ, напр., указанные въ семъ списокѣ подъ №№ 3, 9 и 10-мъ, черезъ годъ или черезъ два года сами ѣздить въ Россію и Бухару для собиранія хаджіевъ; другіе, какъ, напр., вакиль, показанный подъ № 8, посылаютъ отъ себя двухъ-трехъ лицъ, какъ для продажи воды источника „Земземъ“, четокъ, финиковъ и проч., такъ равно и для приглашенія на паломничество.

Въ виду того, что не только всѣ среднеазиатскіе русско-подданные мусульмане, но и татары, авганцы, кашгарцы и часть персіянъ извѣстны въ Джеддѣ подъ общимъ именемъ бухарцевъ, истин-

ное количество паломниковъ изъ русскихъ и бухарскихъ подданныхъ точно опредѣлить нельзя.

Въ 1891 году общее число русско-подданныхъ хаджievъ, прибывшихъ въ Мекку черезъ Афганистанъ и Индію, приблизительно, равнялось 1269 чел., а черезъ Константинополь—784 чел. Въ хаджъ 1892 года первымъ путемъ прибыло 3043 чел., а вторымъ — 804 чел. Въ хаджъ 1893 года черезъ Бомбей прибыло 4328 чел., а черезъ Суецъ—до 1808 чел., а въ 1894 году паломниковъ нашихъ пришло до 3349 чел., изъ которыхъ 2931 прибыли черезъ Индію и 418 черезъ Суецъ.

Изъ числа 3349 чел. въ Императорскомъ Джебдскомъ консульствѣ была опрошена лишь половина, т. е. 1795 чел., изъ которыхъ оказалось:

Андижанцевъ	456	чел.
Кокандцевъ	242	>
Маргеланцевъ	352	>
Наманганцевъ	204	>
Ошцевъ	68	>
Самаркандцевъ	27	>
Татарь	46	>
Ташкентцевъ	80	>
Туркестанцевъ	4	>
Ходжентцевъ	2	>
Бухарцевъ	179	>
Дагестанцевъ	20	>
Черкесовъ	30	>
Заявившихъ только о русскомъ подданствѣ	85	>

Всматриваясь въ этотъ списокъ, не трудно замѣтить, что три четверти всего числа хаджievъ у насъ въ Туркестанскомъ краѣ даетъ Ферганская область, печально ознаменовавшая себя возстаніемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1898 года.

По роду занятій, преобладающимъ элементовъ, конечно, являются земледѣльцы 1250 человекъ.

По возрасту же всѣ они раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

Отъ 20	до 30 лѣтъ	294
„ 31	„ 40 „	359
„ 51	„ 60 „	443
„ 61	„ 70 „	227
„ 71	„ 80 „	68
„ 81	„ 90 „	11
Возрастъ не выясненъ —		393

Всего 1795 чел.

Всѣ эти цифры далеки отъ дѣйствительности, потому что опредѣлить съ достаточною точностью изъ приведенной общей массы число именно русско-подданныхъ мусульманъ, ежегодно отправляющихся на поклоненіе, представляется, при наличныхъ условіяхъ, совершенно невозможнымъ, такъ какъ преобладающее большинство изъ нихъ идетъ безъ всякихъ паспортовъ. По свѣдѣніямъ же, имѣющимся у мѣстныхъ консуловъ въ Багдадѣ и Джебдѣ, русскихъ паломниковъ, шитовъ и суннитовъ, насчитывается, приблизительно, не менѣе 18—25 тысячъ человекъ.

Одновременное скопленіе массы религіозно-возбужденнаго и ничѣмъ несдерживаемаго народа, несомнѣнно, должно отражаться на хаджiяхъ самыми губительными послѣдствіями; дѣйствительно, при первобытныхъ порядкахъ турецкаго управленія, при господствующемъ тамъ полномъ безначаліи, слабости и потворствѣ мѣстныхъ властей, имущество, личная безопасность и самая жизнь паломниковъ нисколько не обезпечены отъ всевозможныхъ посягательствъ, какъ людей изъ ихъ собственной среды, такъ и кочующихъ въ степи бедунскихъ племенъ, смѣло нападающихъ на цѣлые караваны. Отсутствіе же самыхъ необходимыхъ удобствъ, страшная всюду грязь и запущенность, постоянный недостатокъ въ Хеджасѣ воды для питья и пищи, удушливыя зловонія отъ разлагающихся труповъ жертвенныхъ животныхъ, полное отсутствіе всякой медицинской помощи, а равно и санитарнаго надзора,—все это, вмѣстѣ взитое, даетъ обильную жатву ежегоднымъ эпидеміямъ, и свирѣпствующія тамъ болѣзни уносятъ въ обыкновенное время не менѣе 20⁰/₀, а въ особенно неблагополучные годы и до 50⁰/₀ всего числа паломниковъ, силы которыхъ, помимо тягостей пути и непривычныхъ

условій чуждой природы, не мало истощаются къ тому-же и крайне вредными, но обязательными при поклоненіи, обрядами, формальностями и строгими требованіями извѣстнаго рода образа жизни, одежды, питанія и т. п.

Принося съ собою изъ Индіи, съ мѣста родины чумы и холеры, заразу, паломники успѣваютъ развивать ее на столь благопріятной почвѣ до ужасающихъ размѣровъ, а остающіеся затѣмъ въ живыхъ хаджи служатъ при возвращеніи главными распространителями этихъ болѣзней по всему міру, и, такимъ образомъ, хаджъ несомнѣнно способствуетъ распространенію холеры и чумы среди народовъ другихъ странъ.

Хаджъ 1893 года былъ особенно неблагополученъ для паломниковъ, чему способствовали:

1) Раннее появленіе въ продажѣ незрѣлыхъ фруктовъ и плодовъ, вызванное почти полнымъ уничтоженіемъ зелени появившеюся еще въ началѣ апрѣля саранчей, пролетѣвшею по побережью Краснаго моря.

2) Во время стоявшей жары съ 24 мая начался въ Дждѣ и Меккѣ самумъ, дувшій почти ежедневно до 3-го іюня отъ 9—10 час. утра до 2-хъ час. пополудни.

3) Главнымъ же несчастіемъ хаджа была холера, особенно свирѣпствовавшая въ Меккѣ съ 27-го мая по 8-е іюля и унесшая, какъ утверждаютъ теперь, до 50 тысячъ хаджівъ. Что касается въ отдѣльности, русскихъ и бухарскихъ подданныхъ, то съ 21-го февраля ихъ умерло до 700 чел.; но эта цифра далеко не дѣйствительная, потому что во время холеры и повального умеранія въ Меккѣ и Дждѣ не только не было силъ опредѣлить и выяснить личность и подданство умершаго, но даже хорошо сосчитать умершихъ.

4) Къ довершенію сего, 9-го іюля, въ мѣстности Бадръ¹⁾ (третья станція къ Меккѣ отъ Медины) было нападеніе бедуиновъ племени Харби на караванъ съ паломниками въ 300 верблюдовъ, причемъ было убито болѣе 400 хаджівъ.

Въ 1894 году многіе ожидали какой-либо повальной болѣзни среди хаджівъ, но на этотъ разъ предположенія не оправдались,

¹⁾ Замѣчательно, что еще самъ Мухаммедъ попалъ въ этомъ мѣстѣ на караванъ меккинцевъ. Коранъ гл. 8 ст. 43—53.

и тревожные умы были успокоены официальной телеграммою генераль-губернатора Хеджаса, гласившею, что: „les fêtes sont terminées, les pélerins rentrés à la Mecque en parfaite santé“.

Такимъ образомъ, хаджъ этого года для народнаго здравія прошелъ благополучно, чему, между прочимъ, способствовали и сравнительная малочисленность хаджівъ, и нѣкоторыя полезныя распоряженія мѣстныхъ турецкихъ властей, какъ, напримѣръ: строгое требованіе, чтобы закланіе животныхъ въ д. Мина производилось только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ находились стоки для крови. Кроме того, зарѣзанные бараны или другія животныя осматривались и мясо больныхъ животныхъ немедленно уничтожалось. Наконецъ, карантинныя власти обращали болѣе строгое вниманіе на выдержку хаджиями карантина. Ко всему этому еще слѣдуетъ прибавить, что жара въ настоящей хаджѣ была слабѣе прошлогодней; саранчи не было вовсе, да и самумъ дулъ всего только три дня, тогда какъ въ прошломъ году онъ продолжался полторы недѣли.

Смертность за этотъ годъ среди хаджівъ было въ 8 разъ менѣе, сравнительно съ предыдущимъ, 1893, годомъ.

Малочисленность хаджа въ 1894 году объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что нѣкоторыя правительства, какъ, напр., французское, строжайше воспретили своимъ мусульманамъ поѣздки въ Мекку на поклоненіе; во 2-хъ, страхъ и ужасъ предъ холерной эпидеміей въ Хеджасѣ въ предыдущемъ году побудилъ многихъ, даже фанатичныхъ мусульманъ, отложить путешествіе въ Мекку до болѣе благопріятнаго года и, наконецъ, въ 3-хъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что мусульмане, при путешествіяхъ своихъ въ Мекку, обращаютъ особенное вниманіе на праздникъ въ первый день „Курбанъ-Байрама“ и поэтому паломничеству придаютъ тройное значеніе: хаджъ въ пятницу имѣетъ тройную спасительную силу (савабъ), въ понедѣльникъ—двойную и въ остальные дни—ординарную. Можно съ полной увѣренностью сказать, что такой взглядъ на спасительность хаджа имѣлъ большое вліяніе на малочисленность хаджівъ, такъ какъ первый день праздника „Курбанъ-Байрама“ въ 1894 году пришелся на четвергъ, а въ 1893 году праздникъ начался въ пятницу.

Не смотря на принимаемая высшимъ турецкимъ правительствомъ мѣры, хаджи становятся предметомъ самаго грубаго и наглаго злоупотребленія со стороны туземнаго населенія, представителей

администрации и духовенства. Помимо неизбежных путевых расходов и содержания на месте, вся эта сотысячная толпа разноплеменных хаджеев, за время своего пребывания на священной земле „Дома Божьего“ (Бейтулла), издерживает немало еще денег, взимаемых на каждом шагу за всякое удовлетворение религиозной потребности, за самый доступ к святыням и без конца требуемых под всевозможными предлогами разного рода проводниками (далиями) и их повѣренными (вакилами). Последние, с шейхом во главе, составляют родъ особой, твердо сложившейся на монопольных и чуть-ли не наследственных началах артели, утверждаемой самим шерифом и обязанной, конечно, при таких условиях к самому широкому вознаграждению местных властей. При таком порядке вещей естественно, что значительная часть пощаженных смертью паломников, обобранная и ограбленная, вынуждена бывает ежегодно оставаться за истощением средств на чужбине и влечит там жалкое существование, пока не представится какой-нибудь счастливый случай благополучно вернуться на родину.

Все хаджи особенно жалуются на страшные поборы во всем Афганистане. Так, например, за право вступления на афганскую территорию, за лошадь, вещи и пр. в Мазар-и-Шариф съ каждого паломника взималась по рупии и болѣе¹⁾, в Бамиане,—по одной рупии, в Чарикаре—по 9 руп., в Кабуле—по 5½ рупий и Джелаль-Абаде—по одной рупии и т. д. Помимо этих поборов, хаджи нередко становятся жертвами обмана и вымогательства в Бомбее со стороны именующих себя доверенными и жожаками бухарских паломников-андижанскаго уроженца Сулеймана-Ходжи и маргеланца Юсуфа-Али. Паломники говорят, что Сулейман-Ходжа, будто-бы посланный в Бомбей летъ десять тому назад съ бумагой от Афганскаго эмира, в качестве жожака (далия) и довереннаго (вакила) для хаджеев, взмскиваетъ съ нихъ по нѣсколько рупий за помѣщеніе, за посадку ихъ на пароходъ и пр., а кромѣ того почти насильно заставляеть ихъ покупать муку, рисъ и пшеницу только у одного извѣстнаго продавца, убѣждая при этомъ,

¹⁾ Одна рупія равняется 3-мъ бухарскимъ теньгамъ или 60 коп.

что все купленное они съ избыткомъ продадутъ в Джедде. Хотя, дѣйствительно, провозъ изъ Бомбей на пароходѣ нѣсколькихъ мѣшковъ муки и риса бесплатный, но цѣна этой муки или пшеницы в Джедде одна и та же, что в Бомбее, а иногда и дешевле.

Такимъ образомъ, хаджи, покупая в Бомбее муку сравнительно за дорогую цѣну и, неся расходы какъ по доставкѣ на пароходъ, такъ и по выгрузкѣ в Джедде, не только не получаютъ никакой прибыли, а почти всегда терпятъ убытки. Что же касается имущества и денегъ, остающихся послѣ умершихъ в Бомбее русскихъ и бухарскихъ подданныхъ, то все это безконтрольно забирается Сулейманъ-Ходжею.

Поборамъ и злоупотребленіямъ паломники наши, за отсутствиемъ у нихъ заграничныхъ паспортовъ, подвергаются также и в Батумѣ, гдѣ проживаетъ персіянинъ Ходжа-Али, который, при посредствѣ двухъ бухарцевъ Юлдаша и Кулдаша, исключительно занимается продажей за дорогую цѣну нашимъ хаджиямъ старыхъ персидскихъ *тескере* и бухарскихъ билетовъ. Слѣдующимъ послѣ Батума пунктомъ по поборамъ и другимъ злоупотребленіямъ считается Константинополь. Здѣсь наши хаджи, даже имѣющіе заграничные паспорта, обираются разными далиями, помимо другихъ способовъ, путемъ отобрания у нихъ паспортовъ для визы в Императорскомъ генеральномъ консульствѣ и для выдачи по нимъ турецкихъ *тескере*. Получивъ деньги на то и другое, далили, при самомъ отъездѣ хаджеевъ, выдаютъ имъ *тескере*, а паспорта возвращаютъ безъ консульской визы.

В Джедде же начинается уже не поборъ, а настоящее ограбленіе хаджеевъ: ихъ грабятъ все, начиная съ лодочниковъ, далилей, вакилей, торговцевъ,—жизненными припасами и кончая лицами, стоящими при той святыне, ради которой совершается паломничество.

Турецкое правительство, прилагая стараніе къ охраненію здоровья хаджеевъ, не забыло также обречь паломниковъ и въ матеріальномъ отношеніи, предупредивъ ихъ написаннымъ на турецкомъ, арабскомъ, и яванскомъ языкахъ и расклееннымъ в Мекке и Джедде в 1894 году, мѣсяца за полтора до праздника Курбанъ-Байрама, слѣдующимъ объявленіемъ:

„Симъ объявляется, что за охраной и защитой отъ какихъ бы то ни было обидъ, насилій и притѣсеній мусульманскихъ пили-

гримовъ, какъ турецкихъ, такъ и иностранныхъ подданныхъ, прибывающихъ въ эту священную страну со всѣхъ концовъ свѣта для выполненія предписаннаго шаріатомъ паломничества (хаджа), нужно обращаться всецѣло только къ Милостивому Хранителю Халифата (Его Величеству Султану).—Смотря на сказанныхъ хаджіевъ, какъ на нашихъ дорогихъ (желанныхъ) гостей, установленъ по долгу религіи порядокъ къ полному облегченію ихъ дѣлъ и существуетъ, по достоинству, покровительство въ справедливыхъ ихъ интересахъ съ проявленіемъ къ нимъ (т. е. хаджіямъ) уваженія и попеченія. Между тѣмъ до Высочайшаго свѣдѣнія дошло о слѣдующихъ вѣроломныхъ ухищреніяхъ надъ жалкими хаджіями: напр., составившееся въ Джебдѣ общество изъ 3—5 лицъ, при посредствѣ комисіонера или судебного маклера во время прибытія яванцевъ—хаджіевъ въ Джебду, беретъ съ нихъ впередъ деньги для возвращенія ихъ (яванцевъ) послѣ хаджа на родину въ ихъ государство“.

„—Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ проживающихъ для изученія наукъ въ окрестностяхъ Мекки яванцевъ, присвоивъ себѣ титулъ шейховъ (начальниковъ племени, рода и пр.) и шейховъ надъ шейхами, берутъ съ вышеназванныхъ хаджіевъ—своихъ соотечественниковъ незаконныя деньги, то какъ шейхи хаджіевъ, то какъ начальники надъ шейхами. Кроме того, за насъ верблюдовъ, при поѣздкахъ этихъ хаджіевъ въ Медину на поклоненіе пророку (Мухаммеду) и при возвращеніи ихъ оттуда, а также, при посѣщеніи Арафата для исполненія заповѣданнаго священнаго хаджа, взималось денегъ больше, чѣмъ было установлено правительствомъ“.

„—Подобнаго рода неблагоприятныя и наносящія убытокъ продѣлки никоимъ образомъ и никогда Его Величествомъ позволяемы быть не могутъ. Какъ всѣ хаджіи, пріѣзжающіе въ эту священную землю для паломничества, остаются вполнѣ свободными и ничѣмъ не обязываются разсчитываться при посредствѣ ими же самими выбраннаго лица за доставку верблюдовъ, за пароходъ, при ихъ возвращеніи, и за самое паломничество (обрядности), такъ равно и яванцы—хаджіи съ другими проживающими въ Меккѣ ихъ соотечественниками, несколько не нуждаясь въ комисіонерахъ или вышеназванныхъ шейхахъ, должны быть вполнѣ свободны и не принуждаемы. На этомъ основаніи, впредь, не давая мѣста подобнымъ неблагоприятнымъ случаямъ, окончательно становятся пустыми словами, какъ шейхи яванцевъ, такъ и шейхи надъ шейхами“.

„—Вслѣдствіе сего никто изъ вышеприведенныхъ лицъ, или лицъ подъ другимъ названіемъ, не долженъ требовать ни одной полушки ни съ яванцевъ, ни съ другихъ хаджіевъ, считающихся при совершеніи паломничества свободными и независимыми. Во время же паломничества двери правительства открыты для всякаго и во всякое время“.

„10 шеввала 1311 г.“ (26 марта 1894 года). (Переводъ съ турецкаго).

Насколько это объявленіе цѣлесообразно для центрального правительства, настолько же оно невыгодно для мѣстныхъ духовныхъ и гражданскихъ властей, такъ какъ съ устраненіемъ шейховъ, далилей, вакилей и разныхъ другихъ маклеровъ, власти лишились бы той весьма значительной матеріальной выгоды, которую они нынѣ получаютъ отъ ими же (влястями) поставленныхъ вожаковъ. Вслѣдствіе сего всякіе шейхи и маклера, какъ прежде оставались при своихъ дѣлахъ въ Меккѣ во все время хаджа, такъ остаются они тамъ и нынѣ, а на ихъ поборы власти смотрѣли и смотрятъ сквозь пальцы.

Паломничество російскихъ мусульманъ совершается *по тремъ общепринятымъ путямъ*:

А) По Закавказью и сѣверной части Персіи черезъ узловой пунктъ Кирманшахъ и пограничный съ Турціею городъ Ханекинъ, по направленію на Багдадъ—къ названному выше священному мѣстамъ: Казмейну, Кербеля, Неджефу и другимъ второстепеннымъ, а затѣмъ, иногда, далѣе черезъ пески Аравіи—въ Мекку и Медину.

Б) Черезъ Самаркандъ и Бухару въ Афганистанъ и на Мазаръ-и-Шарифъ, Кабуль и Пешаверь въ Бомбей, а оттуда моремъ въ Джебду или Ямбо, служащія гаванями для Мекки и Медины.

В) Изъ портовъ Чернаго моря черезъ Константинополь и Суэць въ Джебду или Ямбо, а оттуда въ Мекку и Медину.

По первому изъ указанныхъ путей слѣдуютъ принадлежащія, преимущественно, къ шіитскому толку мусульмане Закавказья и Закаспійской области, которые даютъ изъ своей среды, повидимому, наибольшее число паломниковъ, достигающее до 12—15 тысячъ чел. Не лишне замѣтить, что хаджъ кавказскихъ мусульманъ уже прочно установился, благодаря такъ называемымъ „чаушамъ“, исключительно занимающимся составленіемъ и проводами за извѣстную плату паломническихъ каравановъ. Пользуясь большимъ влія-

ніемъ среди населенія и уподобляясь въ пути, по обычаю, капитану на суднѣ, чауши, частью изъ мѣстныхъ жителей, частью изъ пришлыхъ турокъ и арабовъ, безпрепятственно пробирающихся въ предѣлы Имперіи, ежегодно заблаговременно разъѣзжаютъ по деревнямъ края, всячески приглашаютъ къ хаджу, назначаютъ затѣмъ мѣста явки паломниковъ и, наконецъ, проводятъ ихъ черезъ границу безъ всякаго, по видимому, затрудненія партіями въ 70 и болѣе всадниковъ, не снабженныхъ, обыкновенно, никакими паспортами. Ведомые чаушами паломники сходятся затѣмъ, по переходѣ персидской границы, для дальнѣйшаго совместнаго слѣдованія въ одинъ изъ выбранныхъ заранее, сообразно ихъ мѣстожительству, пунктовъ, каковыми, обыкновенно, и служатъ:

- 1) Тавризь — для жителей южныхъ частей Эриванской и Елисаветпольской губерній.
- 2) Ардебиль — южной части Бакинской губерніи.
- 3) Хой — западной части Эриванской губерніи и Карской области.
- 4) Энзели — { для ѣдущихъ моремъ изъ г. Баку, сѣверныхъ и частей Бакинской губерніи и изъ Дагестанской области (г. г. Петровскъ и Дербентъ).
- 5) Бальфрушъ {

Соотвѣтственно показаннымъ сборнымъ пунктамъ, и всѣ дороги, по которымъ слѣдуютъ паломники, въ Персіи распадутся на пять группъ:

- 1) Тавризь-Бинабъ-„Саниъ-Кала“-Кирманшахъ.
- 2) Хой-Тавризь-Кирманшахъ.
- 3) Ардебиль-Зенджанъ-Хамаданъ-Кирманшахъ.
- 4) Энзели-Решть-Зенджанъ-Кирманшахъ.
- 5) Бальфрушъ-Тегеранъ-Кумъ-Кирманшахъ.

Изъ Кирманшаха, имѣющаго, такимъ образомъ, особое значеніе, какъ узелъ пересѣченія всѣхъ важнѣйшихъ путей изъ предѣловъ Имперіи въ Турецкую Аравію, паломники направляются уже одною дорогою черезъ Махидешть, Гурунъ-Абадъ, Кериндъ, Серипуль и Кафи-Ширинъ въ пограничный Ханекинъ, а затѣмъ черезъ Шахребанъ и Бакубу въ Багдадъ или въ находящійся въ окрестностяхъ послѣдняго Казмейнъ, откуда они уже и расходятся въ Кербели, Неджевъ и другія мѣста.

Выступая въ хаджъ, по общему, можно сказать, правилу, безъ всякихъ видовъ, паломники, естественно, находясь въ незаконномъ

положеніи, тотчасъ-же по переходѣ за предѣлы Имперіи, всецѣло отдають себя въ руки сначала персидскихъ, а затѣмъ турецкихъ властей.

Пока хаджіи шіитскаго толка еще находятся въ Персіи, среди единовѣрческаго населенія, считающаго грѣхомъ притѣснять „зуввара“ (паломника), они успѣваютъ отдѣлываться сравнительно небольшими суммами, неоднократно уплачивая, главнымъ образомъ, чиновникамъ за обходъ послѣдовавшаго въ недавнее время правительственнаго воспрещенія слѣдовать паломникамъ черезъ Персію; но съ прибытіемъ на границу и на дальнѣйшемъ пути по турецкой территоріи, преобладающее населеніе которой сунниты — исконные враги шіитовъ, паломники совершенно попадаютъ въ распоряженіе случая и становятся исключительно источникомъ дохода и всевозможныхъ какъ законныхъ, такъ и всякихъ иныхъ поборовъ. Уплативъ въ Ханекинѣ, при отсутствіи національнаго паспорта, за турецкій „тескерѣ“ выдаваемый безъ малѣйшей провѣрки показаній о подданствѣ, паломники продолжаютъ затѣмъ непрерывно на всемъ пути вносить разные сборы: на карантинъ, на мосты, за право ношенія всякаго, даже холоднаго оружія (при существующемъ запрещеніи относительно огнестрѣльнаго), за визу турецкаго билета и за все прочее, что поддается только обложенію, и, притомъ, нерѣдко по-нѣскольку разъ за одно и то же и въ значительно большемъ противъ положеннаго размѣрѣ. Кромѣ описанныхъ притѣсненій, паломники не мало страдаютъ здѣсь и отъ преслѣдующихъ ихъ по пятамъ эпидемическихъ болѣзней, которыя производятъ безпощадныя среди нихъ опустошенія и распространяются тѣмъ сильнѣе, что зачастую караваны сопровождаютъ трупами умершихъ, свозимыми на погребеніе въ Кербеля, для успѣннѣйшаго, по ихъ вѣрованію, достиженія рая.

Воздавъ должное мѣстнымъ святынямъ, часть паломниковъ направляется, проходя жгучими песчаными степями, испытывая страшныя лишенія и подвергаясь постоянной опасности нападенія хищниковъ, убійства и грабежей, черезъ аравійскія провинціи Шаммаръ и Джебель далѣе въ Медину.

По второму направленію, черезъ Самаркандъ и Бухару на Афганистанъ, съ проѣздомъ отъ Пешавера до Бомбея по желѣзной дорогѣ, слѣдуютъ, въ числѣ отъ 4—7 тысячъ ежегодно, паломники изъ средне-азиатскихъ владѣній. Они предпочитаютъ это направле-

не, несмотря на всю продолжительность, дороговизну и трудность дороги, главным образом, в виду представляемой им легкости обхода всѣхъ паспортныхъ требованій, а затѣмъ и какъ вѣками сложившійся путь, на которомъ, между прочимъ, в г. Мазаръ-и-Шерифъ, находится гробница Алія (зятя Мухаммеда), обладающая, по сказанію мусульманъ, чудодѣйственною силою исцѣлять слѣпыхъ и нѣмыхъ. Отъ Мазаръ-и-Шерифа паломники слѣдуютъ черезъ Ташъ-курганъ, Гей-багъ, Чарикаръ, Кабуль, Газни, Кандагаръ и Кветту, затѣмъ по желѣзной дорогѣ къ порту Курачи, а отсюда пароходомъ въ Бомбей; другіе-же черезъ Джелалабадъ въ Пешаверъ, а отсюда по желѣзной дорогѣ въ Бомбей. По первому изъ указанныхъ путей слѣдовалъ и миятубинскій ишанъ Мухаммедъ-Али-Сабыръ-оглы.

Хаджи, снабженные, по невозможности полученія русскихъ паспортовъ, бухарскими или даже китайскими билетами, а въ громадномъ большинствѣ, не запасшись по тѣмъ же причинамъ никакими видами, свободно проникаютъ черезъ границу и подвергаются себя со вступленіемъ на афганскую территорию, вплоть до Пешавера и Кветты, всякимъ случайностямъ и цѣлому ряду притѣсненій и невообразимыхъ сборовъ, чинимыхъ мѣстными властями, подозрительными вообще и къ русскимъ подданнымъ въ особенности; помимо непомѣрныхъ сборовъ рѣшительно за все—за переходъ границы, за проѣздъ черезъ городъ или селеніе, за лошадь, за вещи и т. д., паломники нерѣдко, при малѣйшемъ сомнѣніи, задерживаются, дочиста обираются, а затѣмъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ томятся въ тюрьмахъ, гдѣ иногда и оканчиваютъ, естественно или насильственною смертью свою жизнь среди грязи, лишений и повальныхъ болѣзней. Съ прибытіемъ же въ Бомбей для дальнѣйшаго слѣдованія моремъ въ Джедду, паломники дѣлаются положительно жертвами вымогательства и обмана со стороны проживающихъ тамъ далилей и вакилей, насильно навязывающихъ свои не безкорыстныя услуги и заботы по найму помѣщеній, посадкѣ на суда, снабженію пищей и т. п.

Наконецъ, *третьимъ путемъ*, наиболее легкимъ и короткимъ, изъ портовъ Чернаго моря на Константинополь и Суэцъ, пользуются всѣ русскіе татары, кавказскіе сунниты и ближайшіе киргизы, дающіе ежегодно, всѣ вмѣстѣ, до 2—3 тысячъ паломниковъ, между которыми, въ свободное отъ эпидемій время, въ виду большаго здѣсь надзора, встрѣчается нѣкоторое число паспорт-

ныхъ; въ неблагополучные же годы (когда хаджъ правительствомъ воспрещается), преобладающими изъ нихъ оказываются снабженные старыми турецкими, персидскими и бухарскими билетами, добываемыми за весьма дорогую цѣну въ Батумъ и Одессѣ. Въ Константинополь безнаспортные, а равно и запасніеся видами, неизбѣжно попадаютъ въ руки стерегущихъ ихъ далилей, которые старательно обираютъ ихъ, выправляя для однихъ турецкіе *тескере*, взимая съ другихъ за мнимую визу паспорта и всячески внушая имъ о бесполезности этого требованія и необходимости довольствоваться исключительно турецкимъ билетомъ, безъ котораго самая принадлежность ихъ къ русскому подданству могла бы принести имъ только одинъ вредъ.

Совокупность приводимыхъ выше обстоятельствъ, прежде всего, съ достаточною яркостью указываетъ, какія крупныя денежные средства непроизводительно расходуются хаджиями ежегодно изъ народнаго достоянія, переходя безвозвратно къ чужеземному населенію и дѣлаясь добычей иностранныхъ властей. Принимая, по имѣющимся даннымъ, за наименьшій размѣръ всѣхъ потребныхъ на путешествіе расходовъ для каждаго изъ слѣдующихъ по первому направленію—100 руб., а по двумъ другимъ—300 руб., и считая затѣмъ число всѣхъ отправляющихся по разнымъ путямъ паломниковъ отъ 18 до 25 тысячъ, получаемъ внушительную, хотя, конечно, и ниже дѣйствительной, сумму около 3—5 милліоновъ рублей, послѣдовательно уходящихъ, изъ года въ годъ, за границу безъ всякой пользы для оборота отечественнаго хозяйства; кромѣ того, почти поголовное отсутствіе у паломниковъ узаконенныхъ видовъ наноситъ значительный уронъ непосредственно и государственной казнѣ, теряющей, при стоимости заграничнаго паспорта вмѣстѣ съ марками и консульскою визой въ 12 руб. 60 к., не менѣе 200—300 тысячъ рублей ежегодно, также, по большей части, идущихъ въ концѣ концовъ, съ значительной даже прибавкой, въ уплату за разные турецкіе и персидскіе билеты, явно предпочитаемые нашимъ законнымъ паспортамъ, получаемые коихъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ сопровождается, по общему отзыву, слишкомъ большими затратами времени и хлопотъ.

Не менѣе существенный ущербъ хаджъ приноситъ, въ настоящемъ его положеніи, народному благосостоянію и общественному здравію, ежегодно вырывая изъ жизненнаго строя тысячи палом-

никовъ, преждевременно погибающихъ въ пути и въ мѣстахъ поклоненія отъ всякаго рода эпидемій, и влекущихъ за собою заразные начала внутрь Имперіи, гдѣ они, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, и развиваются съ удивительною послѣдовательностью, по мѣрѣ возвращенія паломниковъ. Привыкнувъ вполне успѣшно обходиться безъ установленныхъ видовъ, хаджии, въ своемъ стремленіи къ паломничеству, руководятся не столько степенью безопасности его обстановки, какъ, главнымъ образомъ, соображеніями хозяйственными и религіозными, т. е., въ зависимости отъ урожая и достатка и тѣхъ временъ года и дней, на которые выпадаютъ наиболѣе чтимые праздники; въ частности же, начало Курбанъ-Байрама, проведеніе котораго въ Меккѣ, если оно приходится на пятницу, какъ указано выше, считается особенно спасительнымъ.

Нельзя, наконецъ, въ видахъ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, обойти молчаніемъ и то весьма важное обстоятельство, что хаджъ вообще, а въ наличномъ его видѣ въ особенности, несомнѣнно служитъ однимъ изъ могущественныхъ орудій возбужденія и укрѣпленія мусульманскаго фанатизма, въ смыслѣ стремленія къ религіозно-политической обособленности, въ основу которой положено скрытое признаніе истиннымъ главой всѣхъ мусульманъ-суннитовъ, къ какой бы народности и государству они ни принадлежали, Турецкаго Падишаха, какъ духовнаго и свѣтскаго повелителя правовѣрныхъ, и полное подчиненіе въ дѣлахъ вѣры непосредственному его ставленнику, шерифу Мекки, объединяющему (какъ древній первосвященникъ евреевъ, или какъ современный папа католиковъ) остальныхъ мусульманъ всего міра, не состоящихъ прямо подданными Султана.

При проводимомъ въ Коранѣ основномъ началѣ религіозной нетерпимости, раздѣляющемъ весь земной шаръ *на страну ислама и область невѣрныхъ*, и проповѣдывающемъ безпощадную и непримиримую ненависть къ послѣднимъ, совершеніе хаджа съ прохожденіемъ по Турціи, Персіи, Индіи и Аравіи, подъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ громко и открыто провозглашаемыхъ и упорно внушаемыхъ, какъ безусловная истина, указанныхъ выше положеній, составляетъ, очевидно, отличную школу для усвоенія и проведенія впослѣдствіи въ жизнь тѣхъ именно узкихъ и косныхъ сторонъ мусульманскаго фанатизма, которыя особенно враждебны благимъ задачамъ нашей государственной жизни.

Столь нежелательныя, описанныя выше и называемыя хаджемъ, явленія и, по истинѣ, печальное положеніе самихъ паломниковъ могли не обратить на себя вниманіе заинтересованныхъ правительствъ, въ томъ числѣ и нашего, которыя и стремятся нынѣ принять возможные мѣры къ упорядоченію хаджа, какъ со стороны его общегосударственного значенія, такъ и въ отношеніи вліянія его на народное хозяйство и общественное здравіе.

Помимо Мекки и Медины, на которыя, по недоступности ихъ для христіанъ, не могутъ распространяться никакія желаемыя мѣропріятія, исключительно видное въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ Константинополь. Здѣсь наиболѣе зажиточные и развитые изъ нашихъ мусульманъ (паломниковъ), совершенно предоставленные самимъ себѣ, всячески задерживаются, обучаются въ духовныхъ училищахъ и затѣмъ выпускаются оттуда на родину уже достаточно подготовленными и настроенными для будущаго ихъ вліянія на соотечественниковъ въ духѣ крайняго исламизма. Исламъ, такимъ образомъ, непрерывно освѣжается и почерпаетъ свои жизненные силы извнѣ, при посредствѣ послѣдовательной смѣны паломниковъ, возвращающихся, обыкновенно, изъ хаджа, какъ это повсюду наблюдается, замѣтно переродившимися въ духѣ и настроеніи, далеко не соответствующимъ цѣлямъ русскаго правительства.

Въ заключеніе, приведемъ нѣсколько мыслей западныхъ и русскіхъ ученыхъ относительно вліянія паломничества на политическое настроеніе умовъ хаджievъ, невыгодное для тѣхъ христіанскихъ правительствъ, въ подчиненіи у которыхъ хаджии находятся. Въ сочиненіи г. Мироніева мы читаемъ: „Религіозный энтузіазмъ на своей крайней степени напряженности весьма близко граничитъ съ религіознымъ фанатизмомъ и даже можетъ перейти въ него при благоприятныхъ къ тому условіяхъ. Однимъ изъ главныхъ подобныхъ условій служитъ сама же религія, ея предписанія. Только въ томъ человѣкѣ и можетъ быть религіозный энтузіазмъ, кто готовъ, несмотря ни на какія препятствія, исполнить всѣ требованія и предписанія своей религіи. Исламъ, какъ намъ извѣстно, межд прочимъ, требуетъ отъ своихъ послѣдователей убивать язычниковъ вездѣ, гдѣ только ихъ можно найти, брать ихъ въ плѣнъ, осаждать ихъ и караулить во всякой засадѣ¹⁾; онъ требуетъ отъ

¹⁾ Коранъ, гл. 9, ст. 5.

своихъ послѣдователей, чтобы они никому изъ иновѣрныхъ не позволяли ходить вокругъ Каабы. На этомъ предписаніи ислама и вырастаетъ мухаммеданскій фанатизмъ, который особенно усиливается при совершеніи хаджа. Хаджъ служитъ отличнымъ средствомъ объединенія мухаммеданскихъ народностей. Онъ, какъ должно думать, и установленъ Мухаммедомъ исключительно съ этою политической цѣлью. Единство религіи, единство религіозныхъ святынь, общность трудностей и бѣдствій путешествія и общность цѣли его, все это заставляетъ разноплеменныхъ мухаммеданскихъ богомольцевъ жить на нѣкоторое время одною жизнію, одними мыслями, чувствами и стремленіями, словомъ, — заставляетъ ихъ сплываться воедино. Убѣжденіе въ этомъ единствѣ необходимо влечетъ за собою и справедливое сознаніе своей физической и нравственной силы. Община мухаммеданскихъ богомольцевъ всегда была и будетъ настолько сильна, что она, по своему усмотрѣнію, можетъ измѣнять даже ходъ политическихъ событій и давать имъ извѣстное направленіе. Мы не будемъ здѣсь повторять того, какое политическое значеніе имѣли хаджіи, во главѣ съ мекканцами, въ доисламическія времена, при Мухаммедѣ и въ первые вѣка существованія ислама. Свое политическое значеніе хаджъ сохранилъ и до настоящаго времени. Сентъ-Илеръ утверждаетъ, что сигналъ послѣднихъ возмущеній въ Алжиріи вышелъ изъ Мекки. Турція, во время своей послѣдней войны съ Россією, сознавая всю силу и значеніе хаджіевъ, обращалась къ нимъ за помощью. Вотъ что телеграфировали „Агенству Рейтера“ изъ Константинополя, отъ 24 октября 1878 года: „Предсѣдатель комитета краснаго полумѣсяца отправился въ Мекку подъ предлогомъ наблюденія за исполненіемъ санитарныхъ мѣръ, въ виду приближенія праздника Курбанъ-Байрама. Настоящая же цѣль его поездки состоитъ въ томъ, чтобы переговорить съ богомольцами изъ Индіи, Афганистана и Средней Азіи, которые должны прибыть въ Мекку въ большомъ числѣ въ будущемъ мѣсяцѣ, и повліять на нихъ въ смыслѣ, благоприятномъ для британской политики и враждебномъ Россіи“. Та сила и значеніе фетвы шерифа, требовавшей, какъ мы знаемъ, отъ султана войны съ Россією, основывалась, конечно, на силѣ и значеніи хаджіевъ. Кааба, такимъ образомъ, во время хаджа служитъ центромъ религіозной пропаганды, политическихъ переворотовъ и волненій въ мухаммеданскомъ мірѣ. Вотъ, если такіе физически, нравственно и даже политически сильные хаджіи откроютъ среди

себя кого-нибудь изъ иновѣрцевъ, то они, исповѣдники фанатичной религіи, изъ устъ которыхъ иногда вылетаютъ слѣдующія молитвы: „разрушь нашихъ враговъ, пусть мученія будутъ ихъ участью“, — они разорвутъ того человѣка на части. Религіозный энтузіазмъ прямо перейдетъ въ фанатизмъ. Христіанскіе путешественники въ Мекку страшились здѣсь за свою судьбу, и только маскированіе спасло ихъ жизнь. Не переодѣтые же христіане гибнутъ здѣсь подъ ударами разъяренной толпы мухаммеданъ.

Такъ, напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Дждѣ, при отравленіи стараго покрывала Каабы въ Константинополь, произошелъ, по свидѣтельству Перри-Фогта, между пилигримами страшный взрывъ фанатизма, имѣвшій слѣдствіемъ избіеніе нѣсколькихъ сотъ христіанъ. Но не въ Меккѣ только силенъ фанатичный хаджіи. Сфера его вліянія и политическаго значенія простирается далеко за ея предѣлы и отражается на судьбахъ проходимыхъ имъ странъ и его мѣстожителства. Уже одна только личность путешественника заставляетъ единовѣрцевъ относиться съ почтеніемъ къ нему, побывавшему во многихъ мѣстахъ и выдавшему много хорошаго. Самый титулъ „хаджіи“ окружаетъ его ореоломъ мученика за вѣру, ореоломъ святости, а его фанатичное отношеніе ко всему иновѣрному служитъ для его соотечественниковъ правиломъ вѣры и образцомъ жизни. Все это служитъ причиною того уваженія и почтенія, доходящаго весьма часто до униженія, какимъ окружаютъ хаджіи его соплеменники. Перри-Фогтъ говоритъ, что при высадкѣ болѣе 60 богомольцевъ въ одномъ городкѣ, при Персидскомъ заливѣ, была устроена туземцами самая дружественная имъ встрѣча. „Къ возвратившимся на родину пилигримамъ обращались уже не иначе, какъ съ прибавленіемъ къ ихъ имени почетнаго титула: „хаджіи“, который они сохраняютъ уже на всю жизнь. Хоръ музыкантовъ и цѣлая толпа народа ожидала хаджіевъ на набережной, чтобы проводить ихъ домой“.

Голландскій ученый Снукъ Хургронье, основательно изучившій бытъ мекканцевъ и всѣ условія священнаго путешествія магометанъ въ Мекку, въ своемъ сочиненіи „Мекка“, говоритъ о мусульманскихъ паломникахъ слѣдующее:

„Хаджіи представляютъ легковоспламеняющійся элементъ... Ихъ интересы, болѣею частью, противорѣчатъ интересамъ христіанскихъ правительствъ, такъ какъ хаджіи иногда приносятъ изъ Аравіи на

родину панисламскія впечатлѣнія, легко развивающіяся въ фанатизмъ...“

По мнѣнію Хургронье, на религіозную жизнь мусульманъ Восточной Азіи масса паломниковъ имѣетъ не столь сильное вліяніе, какъ тѣ немногочисленные паломники, которые остаются болѣе продолжительное время въ Меккѣ, поступаютъ тамъ въ мистическія корпораціи и тѣсно примыкаютъ къ мекканской колоніи своихъ соплеменниковъ. Какъ центръ международныхъ сношеній мусульманскаго міра и какъ первоисточникъ религіозныхъ силъ и науки ислама, Мекка имѣетъ постоянное вліяніе на всѣ части мусульманскаго міра. Поэтому вліяніе меккинскихъ авторитетовъ мусульманскаго закона, въ связи съ значительнымъ числомъ паломниковъ, не лишено политическаго значенія для европейскихъ правительствъ въ Азіи. Интересы хаджівъ, переносящихъ панисламскія тенденціи изъ Мекки на родину, въ большинствѣ случаевъ, противны интересамъ европейскихъ правительствъ.

Хаджіи, жившіе продолжительное время въ Меккѣ и занявшіе потомъ на родинѣ должности учителей корана, постепенно проводятъ идеалы ислама и даютъ общественному мнѣнію тонъ. Теперь остается только сожалѣть о томъ, что религіозное настроеніе, побуждающее паломничество въ Мекку, не было въ самомъ началѣ, когда оно только что обнаружилось, направлено въ другую сторону. Въ данное время слишкомъ поздно останавливать толпы паломниковъ. Ограниченіе числа паломниковъ людьми, обеспеченными матеріальными средствами, можетъ принести нѣкоторую пользу; но далѣе этого итти нельзя, чтобы не возбудить въ туземцахъ подозрѣнія въ религіозномъ фанатизмѣ европейцевъ, тѣмъ болѣе, что заинтересованные въ паломничествѣ мекканцы энергично поддерживали бы въ мусульманахъ именно такой взглядъ на ограниченіе права путешествовать въ Мекку. Но, тѣмъ не менѣе, правительство должно слѣдить за развитіемъ и направленіемъ исламскихъ вождельній, колыбель которыхъ—Мекка. Здѣсь сходятся нити, объединяющія всѣ мистическія корпораціи мусульманскаго міра, и отсюда распространяются по всему міру фанатическія бредни дerviшей.

Въ заключеніе, приведемъ описаніе проводовъ отправляющихся въ Мекку паломниковъ и встрѣчи ихъ при возвращеніи на родину.

„Въ январѣ 1899 года, въ Константинополѣ, цѣлое стадо двугорбыхъ верблюдовъ, украшенныхъ пестрыми лентами, богатыми парчевыми чепраками и всевозможными погремушками, десятки муловъ подъ красивыми носилками и золочеными балдахинами, и, наконецъ, цѣлый косякъ маленькихъ бѣлыхъ ословъ, нагруженныхъ чугуниными сундучками и сопровождаемыхъ хищными „зейбеками“, населяющими Айдинскій вилайетъ,—дефилировали на-дняхъ по всѣмъ главнымъ улицамъ столицы Турецкаго Султана.

«За пятнадцать дней до Рамазана, Турецкій Султанъ, по издревле существующему обычаю, обязанъ ежегодно посылать въ Мекку караванъ съ дарами и своего «*вакиля*» (уполномоченнаго), который вмѣсто него, султана, совершаетъ установленное закономъ путешествіе на поклоненіе святынямъ Мекки и Медины. Лѣтъ 150 тому назадъ, турецкіе султаны лично должны были отправляться въ свята мѣста, но нынѣ обязанность султана въ данномъ случаѣ исполняетъ «*вакиль*», которымъ на этотъ разъ назначенъ начальникъ духовнаго отдѣленія при министерствѣ народнаго просвѣщенія, Арифъ-эффенди.

„Двое сутокъ караванъ провелъ въ домѣ шейхъ-уль-ислама, который безпрерывными бесѣдами напутствовалъ далекихъ путешественниковъ, а затѣмъ направился въ Ильдизъ-кіоскъ, куда къ этому времени стеклась масса народа.

„Оригинальную картину пришлось видѣть иностранцамъ, собравшимся въ Бетчикъ-Даншъ, гдѣ долженъ былъ пройти „священный караванъ“. Во главѣ вереница пестро убранныхъ верблюдовъ, муловъ и ословъ, ѣхалъ на бѣломъ двугорбомъ верблюдѣ Арифъ-эффенди, въ шптомъ золотомъ мундирѣ турецкаго чиновника, держа въ вытянутыхъ впередъ рукахъ грамоту своего полномочія. Все вниманіе его было сосредоточено на этой бумагѣ, на которую, со свойственнымъ мусульманскому фанатизму смиреніемъ, Арифъ-эффенди умиленно смотрѣлъ какъ на какую-то святыню. Стражу, которая должна охранять караванъ отъ нападенія въ пути бедуиновъ, составляетъ толпа зейбековъ, открывавшихъ и замыкавшихъ шествіе. Сопровождая караванъ отъ шейхъ-уль-ислама во дворецъ султана, „зейбеки“ непрерывно танцуютъ на ходу, своимъ фантастическимъ костюмомъ привлекая всеобщее вниманіе. Въ такомъ видѣ „священный караванъ“ приходитъ въ Ильдизъ-кіоскъ, гдѣ его торжественно встрѣчаютъ собравшіеся для этого турецкіе сановники и привѣтствуютъ.

самъ султанъ, появившійся на главномъ балконѣ, выходящемъ во дворъ Ильдизъ-кіоска.

„Послѣ совершенія напутственнаго намаза, Арифъ-эффенди торопливо приказалъ открыть чугунные сундучки и пять изъ нихъ отправить въ покои султана. Трудно передать, съ какою набожностью турецкіе сановники клали въ раскрытые сундуки горсти золота; глядя на нихъ, нельзя было осуждать невѣжественную чернь, которая цѣловала слѣды отъ копытъ животныхъ, идущихъ въ священную Мекку и Медину.

„Вскорѣ къ Арифъ-эффенди стали водходить евнухи съ шелковыми мѣшечками, въ которыхъ лежали пожертвованія дамъ султанскаго гарема. Каждая изъ этихъ несчастныхъ затворницъ прислала по отдѣльному мѣшечку, и, кромѣ нѣсколькихъ золотыхъ монетъ, въ немъ лежалъ адресъ жертвовательницы, по которому „вакиль“ долженъ доставить изъ Мекки святую воду, деревянную зубочистку, или грошевыя четки. Но вотъ показались султанскіе адъютанты, несшіе сундучки, отправленные въ султанскіе покои. Тревожное положеніе дѣлъ въ Аравіи, а, главнымъ образомъ, — въ Йеменскомъ вилайетѣ, заставило падишаха не поскуниться золотомъ, предназначеннымъ въ даръ арабскимъ шейхамъ, стоящимъ во главѣ отдѣльныхъ арабскихъ племенъ, преклоняющихся передъ авторитетомъ своихъ шейховъ, какъ передъ потомками Магомета. Ссориться съ арабскими шейхами Портѣ нѣтъ никакого расчета, потому что она отлично сознаетъ свое безсиліе заставить арабовъ почитать и уважать себя; только щедрые подкупы вліятельныхъ шейховъ поддерживаютъ теперь кажущійся порядокъ въ арабскихъ вилайетахъ. Прогнѣвайся хоть одинъ алчный по природѣ шейхъ, — и цѣлое племя по первому сигналу готово взяться за оружіе и осѣдлатъ своихъ скакуновъ... Не подлежитъ, между тѣмъ, никакому сомнѣнію, что не на долго хватитъ золота у Порты для удовлетворенія арабскихъ шейховъ, требующихъ ненасытно золота и золота!

„Забравъ въ Ильдизъ-кіоскъ все, что было можно, священный караванъ съ той же церемоніей направился въ мусульманскую часть города, „Скутари“, гдѣ онъ простоять пятнадцать дней и въ продолженіе этого времени будетъ ходить изъ дома въ домъ, собирая пожертвованія“. (Турк. Вѣдом. 1899 г. № 6).

Описаніе встрѣчи хаджіевъ заимствуемъ у Вамбери.

„Извѣстіе о нашемъ приѣздѣ въ Гемюштепе, говоритъ венгерскій ученый Вамбери, распространилось повсюду: женщины, дѣти и даже собаки выснажи въ странномъ смятеніи изъ палатокъ поглядѣть на приближающихся пилигримовъ и прикосновеніемъ къ нимъ пріобрѣсти частицу заслугъ и вознагражденія за нихъ, согласно съ божественнымъ предписаніемъ о пилигримахъ... Странно! Молодые и старые, безъ различія пола или званія, все желали прикоснуться къ хаджіямъ, на которыхъ опочилъ святой прахъ Медины или Мекки. Посудите о моемъ удивленіи, когда женщины замѣчательной красоты и даже дѣвушки бросились меня обнимать! Мы были утомлены, измучены этими изъявленіями уваженія“. „Въ воротахъ же Хивы, — говоритъ тотъ же путешественникъ, — насъ встрѣтили нѣсколько благочестивыхъ хивинцевъ и поднесли намъ сухихъ фруктовъ и хлѣба. Уже давно не приѣзжало въ Хиву такое множество хаджіевъ. Все смотрѣли на насъ съ удивленіемъ и со всѣхъ сторонъ доносились до нашего слуха восклицанія: „Добро пожаловать! Ахъ, мой соколъ! мой левъ!“ — Я былъ глубоко тронутъ, когда народъ бросился цѣловать мои руки и ноги, да и лохмотья, висѣвшія съ моего пояса. Проводы изъ Хивы были довольно трогательны. Многіе жители бѣжали за нами около полмили; благочестивыя чувства вызвали слезы изъ ихъ глазъ и мы слышали ихъ отчаянныя восклицанія: „кто знаетъ, когда Хивѣ придется опять имѣть стасье пріютить въ своихъ стѣнахъ столько благочестивыхъ мужей?“. Даже черкесы, эти кавказскіе банибузуки, относятся съ почтеніемъ къ хаджіямъ. Само собою понятно, что эти уважаемыя лица пользуются въ средѣ своего народа большою авторитетностью. Хаджію всегда почетъ и уваженіе; онъ занимаетъ первое мѣсто въ собраніяхъ народа. Мнѣніе его не только выслушивается съ почтеніемъ, но и проводится въ самую жизнь; при немъ мнѣнія другихъ людей почти не имѣютъ никакого значенія. Голосъ хаджіа имѣетъ, такимъ образомъ, громадный вѣсъ и значеніе. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ народъ обращается къ этому поклоннику святыхъ мѣстъ и ждетъ отъ него совѣта. Велѣдствіе всего этого, хаджіи имѣютъ весьма большое вліяніе на общественныя и политическія дѣла своего народа. Само собою понятно, что дѣятельность фанатичнаго хаджіа должна быть всегда враждебна всему иновѣрному и, въ частности, христіанскому“ (Мирошнѣвъ).

Мы, пережившіе въ минувшемъ 1898 году Ферганскую неурядицу, можемъ прибавить, что главнымъ подстрекателемъ главы возстанія, минтюбинскаго ишана Мухаммеда-Али-Сабыръ-оглы (Дукчи-ишана или Икчи-ишана), былъ хаджіи Абду-Джалиль Миръ-Садыкъ-Кары-оглы (уроженецъ Андижана, но турецкій подданный). Онъ сходилъ въ Мекку и принесъ Дукчи—ишану священный волосъ Мухаммеда, фирманъ и халатъ отъ Турецкаго Султана.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Краткій обзоръ современнаго состоянія и дѣятельности мусульманскаго духовенства и разнаго рода духовныхъ учреждений	3
Дервишизмъ въ Туркестанѣ. <i>Е. Т. Смирнова</i>	49
Пять заповѣдей мусульманскихъ дервишей, пер. <i>Н. О.</i>	73
Ишаны и суфизмъ. <i>Н. Маллицкаго</i>	85
Джихадъ или Газаватъ	101
Паломничество (хаджъ) въ Мекку и Медину. <i>Я. Р.</i>	129

